DK263
.A685
1927
CH.1

EPORT DK263 .A685 1927 ch.1
nitely:

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK263
.A685
1927
ch.1

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008292475

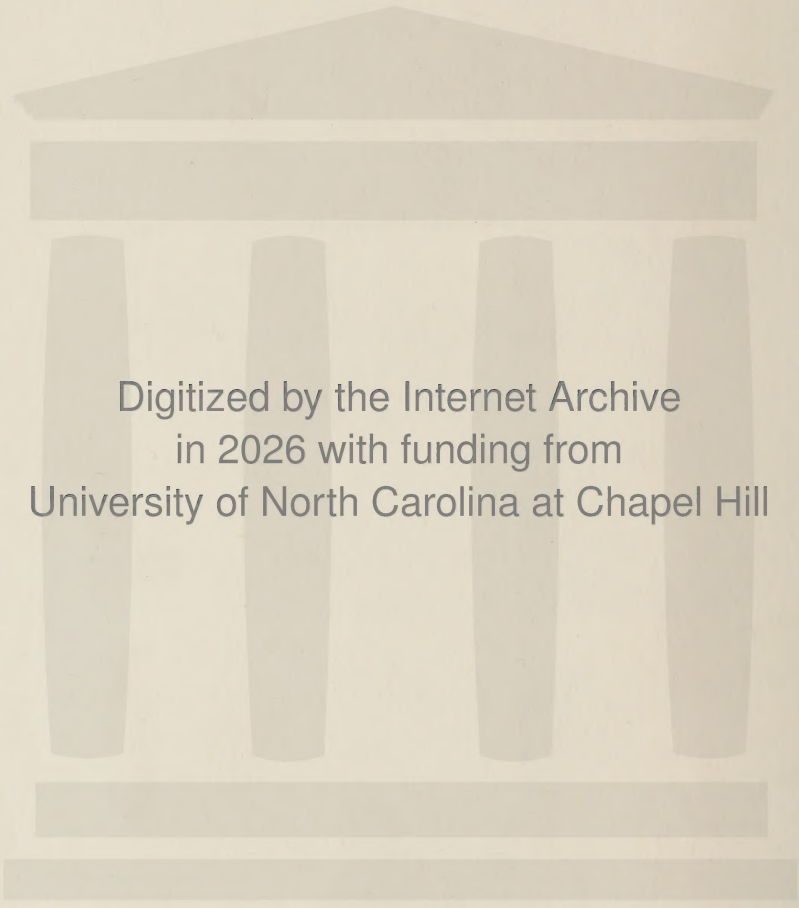
DATE DUE

MAR 0 7 2013

MAR 0 1 2013

GAYLORD

PRINTED IN U.S.A.



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/krasnygodizserii01anto

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ
Отдел ЦК ВКП (б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП (б)

В. П. АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ

КРАСНЫЙ ГОД

★

ИЗ СЕРИИ
«ПОД СТЯГОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 2 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

(ИСТПАРТ)

БИОГРАФИИ, АВТОБИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

Александрова, Н. Артем. Стр. 174. Ц. 50 к.

Антонов-Саратовский, В. П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 по 1918 г. Том I. Стр. 310. Ц. 2 р.

Антонов-Саратовский, В. П. Красный год. Из серии „Под стягом пролетарской борьбы". Ч. I.

Бобровская, Ц. Записки рядового подпольщика. (1894—1914 г.г.)
Часть I. Стр. 81. Ц. 20 к.
Часть II. (1905—1914 г.г.) Стр. 88. Ц. 35 к.

Борец за освобождение работницы К. Н. Самойлова Сборник. Изд. 2-е. Стр. 80. Ц. 40 к.

Бош, Е. Год борьбы (1917—1918 г.г.) на Украине. Стр. 270. Ц. 1 р. 80 к.

Ганецкий, Я. В. В. Воровский. Биографический очерк. Стр. 102. Ц. 60 к.

Деготь, В. В свободном подполье. (Воспоминания о подпольной работе за границей в 1919—1924 г.г.) Стр. 87. Ц. 25 к.

Лепешинский, П. Н. На повороте. Воспоминания от конца восьмидесятых годов к 1905 г. Попутные впечатления участников революционной борьбы. Стр. 237. Ц. 75 к.

Медведева, С. Герой революции „товарищ Камо". Стр. 63. Ц. 20 к.

Моисеенко, П. А. Воспоминания. 1873—1923 г.г. Стр. 214. Ц. 1 р.

Новиков, В. Воспоминания подпольщика. (1900—1913 г.г.) Стр. 83. Ц. 60 к.

От группы Благоева к „Союзу Борьбы" (1886—1894 г.г.) Статьи и воспоминания. Стр. 127. Ц. 20 к.

Памяти Инессы Арманд. Сборник под ред. Н. Крупской. Стр. 109. Ц. 30 к.

Парфенов, П. (П. Алтайский). Гражданская война в Сибири. 1917—1918 г.г. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Стр. 168. Ц. 1 р.

Раскольников, Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. Стр. 280. Ц. 2 р.

Рябинин, А. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1911) С приложением статьи Д. Бутина. (Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске.) Стр. 71. Ц. 20 к.

Самойлов, Ф. Н. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении.
Часть I. (1903—1905 г.г.) 2-е издание. Стр. 90. Ц. 60 к.
Часть II. (1906—1911 г.г.) Стр. 124. Ц. 1 р.
Часть III. (1911—1914 г.г.) Стр. 112. Ц. 80 к.
Часть IV. Процесс большевистской фракции IV Государственной Думы. Стр. 163. Ц. 1 р. 40 к.

Яков Михайлович Свердлов. Сборник статей и воспоминаний. Стр. 202. Ц. 2 р.

Федосеев, И. Е. Один из пионеров революционного марксизма в России. Сборник воспоминаний. Стр. 184. Ц. 40 к.

Фурманов, Д. Чапаев. С предисловием А. Луначарского. Стр. 216. Ц. 1 р. 25 к.

Фишер, А. В России и Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего. 1890—1921 г.г. Стр. 104. Ц. 20 к.

Шаповалов, А. И. По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего революционера.
Части I и II. 2-е издание. Стр. VIII+165. Ц. 1 р. 25 к.
Часть III. Ц. 1 р. 25 к.
Часть IV. (Печ.)

Яковенко, В. Г. Записки партизана. Стр. 107+1 карта. Ц. 1 р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

В. П. АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ

ee c DK263 .A685 1927 ch.1

КРАСНЫЙ ГОД

★

ИЗ СЕРИИ
„ПОД СТЯГОМ
ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ“

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*ОТРЫВКИ ПО ПАМЯТИ И ДОКУМЕНТАМ
О СОБЫТИЯХ 1905 ГОДА
В САРАТОВЕ И САРАТОВСКОЙ ГУБ.*

KRASNYĬ GOD

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 68184
Гиз № 16897 Тираж 2500

PRO DOMO SUA.

Революция 1905 г. захватила меня энтузиастом-юношей и, кроме того, студентом-первокурсником Государственного московского университета. Последнее обстоятельство привело к тому, что я оказался свидетелем и участником не только событий в Саратове, этом центре крупнейшей черноземной губернии, но и в центре нашего промышленного района — Москве.

Это дает мне теперь возможность рассказать о событиях великого года в обоих центрах.

Этот выпуск посвящен исключительно саратовским событиям. Рассматривая свою работу отнюдь не как историческое исследование, я все же счел необходимым: 1) включить два отрывка, характеризующих в самых грубых чертах ту политико-экономическую канву, на которой история вышивала свои красные узоры, и 2) свидетельство памяти аргументировать в возможной степени документами эпохи.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Pro domo sua III
I. Экономическое и правовое положение крестьянства 1
II. Экономическое и правовое положение рабочих и ремесленников 13
III. Январская забастовка 25
IV. Февральская забастовка 35
V. Майская забастовка 41
VI. Митинговое движение за первую половину 1905 года 50
VII. Движение рабочих и служащих в уездах за первую половину 1905 года 58
VIII. Губернские земские собрания 64
IX. Саратовская организация РСДРП в первую половину 1905 года 74
X. Октябрьская забастовка и события, связанные с нею 100
XI. Погром 122
XII. Похороны т. Горабика 127
XIII. Декабрьская забастовка 129
XIV. Совет рабочих депутатов 132
XV. Событие, связанное с декабрьской забастовкой 135
XVI. Движение рабочих и служащих в уездных городах во вторую половину 1905 года 144
XVII. Крестьянское движение 148
XVIII. Саратовская организация РСДРП во вторую половину 1905 года 175

Приложения 193

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Фотографии: 1) И. П. Гольденберга, 2) А. А. Петрова, 3) С. И. Канатчикова, 4) Е. Н. Поповой, 5) Н. П. Баханова (Ярого), 6) А. Ф. Ретлинга 7) барельефа «Бой с казаками» на памятнике жертвам 1905 года, воздвигнутом саратовскими рабочими в 1925 году.

I. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА.

Рост капиталистических отношений в деревне очень сильно ударил наше крестьянство еще в эпоху 1861 г., когда оно было освобождено от значительной части той земли, которой владело при крепостном праве. Местные помещики, отражая тягу крупного хозяйства к капиталистическим формам эксплоатации, постарались обставить освобождение крестьян от крепостной зависимости с возможно большими гарантиями для себя. Помещичий «Саратовский Губернский Комитет» представил правительству следующий ответ на вопрос о размерах надела для крестьян: «здешний край чисто земледельческий, и вся производительность его, а следовательно, и все его богатство зависят от земледелия, и поэтому самому надо остерегаться, чтобы способ надела землей крестьянства не привел к упадку земледелия. Сельская производительность сосредоточилась преимущественно в помещичьих имениях и до сих пор отправлялась посредством крепостного труда. С прекращением его необходимо будет помещикам прибегать к вольному труду. Превосходство его перед крепостным не может быть оспариваемо, но тем не менее необходимо оставить землевладельцам возможность найти его. Если крестьянам дать земли в пользование столько, сколько для них потребно не только для обеспечения первых необходимостей существования, но даже для полной зажиточности, то, будучи довольны своими участками и не нуждаясь ни в с'емке земли, ни в предложении своего труда в то время, какое им останется за обработкой своих участков, они не станут обрабатывать помещичьих полей и таким образом и сами будут коснеть в лености и владельцев оставят без возможности извлекать выгоды из своих земельных капиталов. Так будет непременно, по крайней мере в первые годы после освобождения, пока крестьянство не освоится с новым положением; но и

нескольких лет достаточно, чтобы разорить многих помещиков, которые по недостатку наличных капиталов не в силах будут выдержать более или менее долгого кризиса, и, кроме того, причинить застой в нашей торговле, которая сельское производство считает главнейшим предметом своих оборотов.

Для предотвращения такого зла надо наделить крестьян землею в пользование только в таком количестве, которое бы не исключало нужды, сверх отведенной земли, обрабатывать своим трудом еще и другие земли». Отзыв заканчивался предложением установить для местных крестьян надел не в пять десятин, как это имело место при крепостной зависимости, а всего в две десятины.

Правительство царя прислушалось к этому отзыву и пошло по линии наибольшей страховки поместного класса.

В результате «освобождения» получилось следующее перераспределение земли (см. табл. на 3 стр.).

Таблица наглядно показывает, что, во-первых, бывшие помещичьи крестьяне при освобождении были ограблены на 600.049 десятин и что, во-вторых, это ограбление и перераспределение земли привело к катастрофическому ухудшению крестьянского хозяйства, поставив на первое место общины малоземельные, тогда как раньше на этом месте стояли общины не только более или менее обеспеченные землей, но и те, которые имели на душу больше полного надела. Еще более выпукло это ограбление крестьян представится, если мы возьмем поуездные данные.

По исчислению местных статистиков размер душевого надела после 1861 г. сократился: 1) по Аткарскому уезду — в 172 общинах для 69,2% населения на 55%; 2) по Балашовскому — в 165 общинах для 64,4% населения на 53%; 3) по Сердобскому — в 156 общинах для 44,4% населения на 50%; 4) по Саратовскому — в 136 общинах для 71,4% населения на 68%; 5) по Петровскому — в 116 общинах для 58,9% населения на 63%; 6) по Кузнецкому — в 85 общинах для 59,0% населения на 56%; 7) по Вольскому — в 75 общинах для 78,3% населения на 71%; 8) по Хвалынскому — в 56 общинах для 64,8% населения на 51%; 9) по Камышинскому — в 29 общинах для 83,3% населения на 62%; 10) по Царицынскому — в 25 общинах для 71,1% населения на 63%; а по губернии — в 1.015 общинах для 64,1% населения на 55%.

«Только в одном из уездов, — пишет В. Серебряков, — Сердобском, землепользование после реформы 61 г. сократилось менее

По Саратовской губернии.

Общин с наделом на одну душу мужск. населения	До «освобождения»							После «освобождения»						
	Число общин	В % %	Надельные души	В % %	Десятин земли	В % %	В среднем десятин на душу	Число общин	В % %	Надельные души	В % %	Десятин земли	В % %	В среднем десятин на душу
Больше полного надела . .	708	37,4	140.037	48,1	852 939	60,7	6,1	124	6,5	16.431	5,8	75.628	9,4	4,6
С полным наделом	244	12,9	26.714	9,2	116.573	8,3	4.4	540	28,5	75.843	26,7	337.606	42,0	4,5
От 3/4 до полного надела . .	535	23,2	77.213	26,5	304.864	21,7	4,0	327	17,2	42.778	15,1	163.943	20,0	3,8
От 1/2 до 3/4 полного надела.	323	17,0	36.749	12,7	110.824	7,9	3,0	273	14,4	27.587	9,7	78.453	9,8	2,9
От 1/4 до 1/2 полного надела.	75	4,0	7.962	2,7	17.100	1,3	2,2	596	31,5	114.507	40,4	142.739	17,7	1,3
Менее 1/4 полного надела. .	10	0,5	2.013	0,7	1.839	0,1	0,9	35	1,9	6.482	2,3	6.220	0,8	0,9
Итого по всей губернии	1.895	100	290.688	100	1.404.638	100	4,9	1.895	100	283.628	100	804.589	100	2,8

значительно по сравнению с другими уездами. Здесь для несколько более $^2/_5$ общего числа населения размер душевого надела сократился вдвое. В Камышинском, Вольском, Царицынском и Аткарском — площадь землепользования сократилась более чем для $^2/_5$ слишком вдвое и даже втрое. (Саратовский и Вольский уезды), а в остальных сократилась вдвое и более».

Кроме этой количественной экспроприации земли, у мужика была произведена экспроприация земли и по ее качеству. Лучшие куски пахотной земли — из той, что находилась в пользовании крестьян при крепостном праве, — помещики или отрезали себе или заменили худшими кусками. То же самое они сделали и с лугами, поставив крестьян в безвыходное положение с пастьбой скота. Кроме того, многие ухитрились сохранить такие площади земли, которые клином врезались в крестьянскую усадебную землю. Эти земли приобрели характерное название «волдырей». «Нельзя куренка выпустить, штоб он не попал к помещику», — говорили крестьяне.

Ограбив мужика, заставив заплатить его чудовищные по тяжести выкупные платежи, помещик завязал тот сложный экономический узел отношений в сельском хозяйстве, который неизбежно привел к массовым революционным выступлениям крестьянства.

В первое десятилетие после «освобождения» крестьянство, лишенное основного средства производства — земли, попыталось взять ее революционными способами, но скоро должно было смириться под давлением расправ карательных экспедиций. Тогда оно попыталось пойти легальными путями. Прежде всего крестьянство искало выхода для своего хозяйства в с'емке помещичьей земли, в аренде. Помещик, еще слабо заинтересованный в быстром улучшении своего хозяйства (у нас было много Коробочек и очень мало Штольцев), шел навстречу крестьянину и отдавал ему в аренду свою землю по «божеским» ценам.

Однако эта идиллия продолжалась сравнительно недолго. С увеличением экспорта хлеба помещик стал приобретать все больший вкус к своему хозяйству, стал более прижимист в сдаче земли и поднимал арендные цены с каждым годом все выше и выше. К 1901 году она поднялась в среднем по губернии на 400%, а в некоторых районах даже до 600 — 700%. Такого под'ема цен маломощное, малоземельное крестьянское хозяйство, т.-е. большинство хозяйств губернии, поднять не могло и должно было отказываться

от аренды земли. К 1902—1904 г.г. аренда почти целиком перешла к кулацким хозяйствам. Середняцкое же хозяйство при допотопных способах обработки земли и вообще ведения хозяйства без аренды помещичьей земли неминуемо шло к распаду.

Вторым выходом из малоземелья была покупка земли. На нее крестьянство устремилось всей массой, за исключением бедняков и тех, кто получил дарственный, «нищенский надел». Те помещики, которые не имели достаточного капитала или экономического стимула или, наконец, не умели приспособиться к ведению своего хозяйства на капиталистических основах, продавали землю мужику. За какие-нибудь 30 лет крестьянство, в лице целых обществ, товариществ и одиночек, скупило у помещиков свыше 1.215.000 десятин. Эти покупки, стоившие крестьянам громадных лишений, не избыли земельного голода по трем причинам: во-первых, значительный процент земли куплен был кулачеством и купечеством, во-вторых, земли, купленные общинами, внутри общины ловко осваивались теми же кулаками, и, в-третьих, рост фонда земли, находящегося в распоряжении крестьян, был во много раз медленнее естественного прироста населения. (До половины 80-х годов средний прирост выражался в 1,2%, а со второй половины 80-х годов по 1901 г. — в 2%.)

Местная статистика, принимая весь крестьянский земельный фонд, высчитала, что к 1902 г. крестьянство по обеспеченности земельным наделом делилось на следующие три группы: 1) достаточно обеспеченные — 282.200 мужских душ (или 28,3%) с наделом на 1 мужскую душу в 6,2 десятины; 2) средне-обеспеченные — 471.810 мужских душ (или 47,4%) с наделом на 1 мужскую душу в 3,3 десятины; недостаточно обеспеченные — 242.479 мужских душ (или 24,3%) с наделом на 1 мужскую душу в 1,2 десятины. Однако с мнением этих статистиков, в особенности относительно группы так называемых средне-обеспеченных, согласиться нельзя. Те же статистики по отношению к трем вышеуказанным группам устанавливают с совершенной очевидностью свою неправоту. Они дают следующую таблицу доходности крестьянского хозяйства (от зерновых продуктов), (см. табл. на 6 стр.).

Могла ли средняя группа хозяйств, получая 5 р. 41 коп. денежного остатка от основного своего производства, не только держать себя на продовольственном уровне, но и оправдать труд, прилагаемый к земле? Очевидно нет. Если же мы учтем неучтенную в таблице долю налогов и сборов, то и тот видимый признак

Таблица доходности крестьянского хозяйства от зерновых продуктов.

Группа общин, обеспеченных надельн. землей	Число едоков семьи	Десятин пашни на 1 душу	В том числе под посевом		Пудов ржи, потребных в хозяйстве		Валовой сбор ржи с посевной площади в пудах	Излишек или недостаток пудов ржи в хозяйстве	Пудов пшеницы, потребной в хозяйство на обсеменение	Валовый сбор пшеницы с посевной площади в пудах	Излишек или недостаток пудов пшеницы в хозяйстве	Сумма в рублях, от продажи пшеницы (83 к. пуд)	Сумма в рублях, потребная на пополнение недостатка в прод. хлеба (52 коп. пуд)	В конечном выводе остаток или недостаток в рублях в хозяйстве
			в озимом поле	в яровом поле	на обсеменение	на потребление								
Достаточно. . .	6,3	13,56	4,52	4,52	34,89	207,27	198,88	— 43,19	36,16	158,20	+122,07	101,29	22,46	+ 78,83
В среднем количестве	5,5	7,22	2,41	2,41	18,56	180,95	101,04	— 93,47	19,28	84,35	+ 65,07	54,01	48,60	+ 5,41
Недостаточно. .	5,1	2,77	0,92	0,92	7,08	184,74	40,48	—144,26	7,36	32,20	+ 24,84	20,62	75,02	— 54,40

благополучия, который выражается в денежном остатке, предстанет как не реальная, а мифическая величина. К примеру возьмем исчисление налогов и сборов, падавших на одну десятину надельной земли в 1903 г.: выкупа и казенных податей — 77 к., земских — 27 к., мирских — 40 к., страховых — 12 к., а всего 1 р. 56 к. Прибавив 5 р. косвенных налогов, получим 6 р. 56 к. с десятины. Рассматривая группу средне-обеспеченных как необеспеченных, мы придем к выводу, что к 1902 г. на «голодном хозяйстве» сидело свыше 70% всего крестьянского населения.

Чтобы кое-как продержаться на своем хозяйстве, это население вынуждено было залезать в долги, в самую гнусную кабалу к ростовщическому капиталу, который еще туже затягивал удавную петлю на маломощном хозяйстве. Вот данные, освещающие этот вопрос (см. табл. на 8 стр.).

Следовательно ¾ крестьянского населения губернии, занимая главным образом (87 — 88%) у кулаков и помещиков и платя им от 5 до 240%%, тратило одолженные средства в первую очередь на собственное прокормление и уплату податей.

Из общей суммы займа на эти нужды тратилось до 51%. Остальная часть шла на восстановление живого инвентаря (лошадей), мертвого инвентаря, на покупку семян и аренду. При чем на покупку живого инвентаря, без которого невозможна была обработка даже столь малого надела, шло лишь 9 — 10% и, в редких случаях, 18%. И это при катастрофическом падении живого инвентаря. Уже в первую половину 80-х годов безлошадные хозяйства превышали 21%; после голода 1891 — 1892 г. процент безлошадных повысился до 29.

Обнищание основной массы крестьянских хозяйств шло полным ходом. Попытка обнищавшего крестьянства удержаться на своем хозяйстве при посредстве предложения своего труда помещику в деревне и фабриканту в городе тоже окончилась неудачей. Спрос на рабочие руки далеко отставал от предложения. «Некуда податься» — вот тот озлобленный стон нашего крестьянина, который слышался по всей губернии и предвещал переход крестьянства от методов легальной борьбы за землю к методам борьбы революционной.

Из изложенного видно, что хозяйственная необходимость толкала главную толщу крестьянства к тому земельному фонду, который оставался еще в руках помещичьего класса. А фонд был немалый. За два года до революции он выражался в количестве 2.495.600

Уезды	На что занималось					У кого			Из каких % %	
	На продовольствие	Мертвый инвентарь	Живой инвентарь	Семена	На аренду	У кулаков, торговцев, скупщиков	У помещиков и друг. частных владельцев	У кредитных учреждений	Низший и высший	Средний
Аткарский	37,7	22,6	18,6	11,3	9,8	73,4	16,3	10,3	6—120	41,4
Балашовский	35,7	23,7	14,2	12,2	14,2	76,0	20,0	4,0	5—100	40,8
Вольский	51,4	18,0	8,1	10,8	10,8	90,6	6,0	14,0	10—130	50,5
Камышинский	30,2	20,7	18,9	20,7	9,5	80,0	6,0	14,0	6—120	54,9
Кузнецкий	46,0	16,0	12,0	8,0	8,0	88,4	7,7	3,9	12—240	65,6
Петровский	50,0	20,0	13,3	6,7	6,0	71,4	12,3	16,3	6— 84	27,0
Саратовский	37,8	10,2	10,3	10,3	14,1	66,6	15,3	18,1	8—200	34,0
Сердобский	48,7	20,5	10,3	10,2	10,3	54,0	24,3	21,7	10— 90	30,0
Хвалынский	40,3	14,3	9,8	14,3	12,5	66,6	14,4	19,0	6— 96	32,2
Царицынский	25,0	8,4	41,5	8,1	16,8	88,8	—	11,2	6—100	36,4
По губернии	40%	19,6	14,6	12,0	10,2	73,9	14,5	13,6	5—240	40,5

десятин. Из них принадлежало: 1) казне — 340.000 д., 2) удельному ведомству — 214.000 д., 3) 10 городам губернии — 205.700 д., 4) казакам — 166.000 д., 5) купцам — 500.000 д. и 6) помещикам-дворянам — 1.069.700 д. По уездам помещичья (дворянская и купеческая) земля распределялась так: 1) в Аткарском у.—472.000 д., 2) в Балашовском — 447.700 д., 3) в Сердобском — 260.400 д., 4) в Саратовском — 260.100 д., 5) в Петровском — 252.700 д., 6) в Кузнецком — 153.800 д., 7) в Вольском — 123.100 д., 8) в Царицынском — 100.400 д., 9) в Хвалынском — 85.900 д., 10) в Камышинском — 65.600 д.

Размеры помещичьего землевладения, несмотря на дробление, происшедшее в результате наследования, были довольно значительные. В Вольском уезде из 123.000 д. помещичьей земли более половины принадлежало каким-нибудь двум десяткам господ, а именно: Киндякову — 970 д., кн. Щербатову — 2.933 д., Шереметьевой — 4.691 д., гр. Уварову — 10.496 д., барону Дельвигу — 300 д., Добржинскому — 665 д., купцу Мельникову — 6.469 д., А. Д. Столыпину — 1.136 д., Сенотову— 347 д., купцу Родионову— 1.384 д., наследн. кн. Ливен — 27.250 д., Каменщикову — 1.468 д., Шор — 1.275 д., Балашову — 2.506 д., барону Штемпель — 1.275 д., Гевлич — 1.517 д., купцу Филатову — 441 д., купцу Бекетову—4.244 д., Бекетову 2-му—1.884 д., ген.-майору Левашеву— 1.534 д., Шейнину—400 д., ген. Аплечееву—5.687 д. Так дело обстояло в среднем по помещичьему землевладению в Вольском уезде. В других уездах латифундии имели еще более разительные размеры. Об'яснение таким крупным владениям коренится в том «историческом» обстоятельстве, что земли эти «жаловались» любовникам, фавориткам и высшим чинам государства Российского щедрыми царями и царицами. Между прочим, наличие этой «знати» еще более ухудшало положение крестьянства, имевшего несчастие жить рядом с их имениями. Наглые магнаты отнимали у мужиков землю, издевались над их человеческим достоинством, гнули, что называется, в бараний рог, а когда мужик думал найти на них управу в судах, то оказывалось, что они вне законов, обязательных для простых смертных. Многие тяжбы в особенности по земельным делам, тянулись десетилетиями и закончились решением, вынесенным революцией.

Таким образом революция, захват помещичьей земли оказывались единственным выходом из экономического тупика. Все группы крестьянства потянуло на этот путь. Кулаки ожидали прирезки

земли, освобождения от податей и налогов, мечтали об округлении своего хозяйства и о возможности вести его «на большой размах». Середняки ожидали той же «прирезки» — как в отношении пахоты, так и в отношении лугов и других угодий, без которых они «не могли подняться», а также думали крепкую думу о помещичьем инвентаре. Наконец беднота, не изжившая иллюзий хозяйчика, верила, что революция даст ей землю, и инвентарь, и все прочие хозяйственные блага, которые выведут ее в «крепких землеробов». Экспроприированный двинулся на экспроприатора.

Голод, ударивший губернию в 1901 — 1902 г., частичные недороды в 1903 и 1905 г.г., японская война, вырвавшая из крестьянства значительное количество необходимой в хозяйстве рабочей силы, новые налоги и способы их выколачивания, усилив до невиданных размеров обнищание, усилили и темп развития революционных настроений. Крестьянство заволновалось. Начались поджоги помещичьих усадеб и другие формы борьбы, присущие крестьянской революции. А начиная с 1905 г., губерния пережила одно из наиболее грозных крестьянских восстаний, какие имели место на пространстве нашей обширной страны.

Помимо основных, экономических мотивов, вызвавших революционное движение, играли роль, и немаловажную, мотивы производные и — в первую очередь — правовое положение крестьянства. Собственно в этом отношении положение крестьян Саратовской губернии почти ничем не отличалось от положения крестьян всей страны. То же знаменитое «самоуправление», связанное по рукам и ногам круговой порукой, пачпортами и «телесным наказанием», в просторечии поркой, те же старшины и старосты, действующие по указке Особых присутствий по крестьянским делам, а затем земских начальников, те же земские начальники и становые пристава, о которых пелась полная сарказма песенка «ох, горюшко, горе, становой едет пристав», то же исключение из общества «порочных» членов, а по сути неугодных начальству людей, та же высылка в Сибирь и т. д., и т. д. Полное бесправие, полное презрение к крестьянину, как человеку и гражданину. Лучше всего предоставить оценку правового положения самим крестьянам. Вот что, между прочим, пишут крестьяне Петровского уезда в своей резолюции, которую адресуют совету министров и населению уезда: «... Над нами, крестьянами, столько начальства, что мы не знаем подчас, кого больше бояться. Мы не

знаем, кто и для чего именно их столько наставил, но видим, что начальства над нами больше, чем надзирателей над арестантами в тюрьме; точно мы, крестьяне, такие большие преступники. Все эти начальники на нас кричат, все ругаются, все грозят тюрьмой, плетью, нагайками и воинской силой. Закон у них один — палка. В обращении у них с нами имеется только одно ласковое слово: «дай». Не говоря уже о тех начальниках, которые родом происходят от наших нонешних закабалителей дворян, даже наше выборное начальство — старшины и старосты, даже священники, призванные быть пастырями Церкви Христовой, — и те измываются над нами, потому что нашей мирской воли над ними нет никакой. Вся воля в руках высших сословий и чиновников... Мы хотим, чтобы наши дети узнали через школу, где правда, где причина наших бедствий, но чиновники назначают нам против нашего желания учителей, которые забивают только ребят наших разным сором вместо науки... Мы составляем из себя приход Церкви Христовой и по правилам веры мы имеем право выбирать себе священников. Нам же назначают чужих священников, которые только берут с нас безбожные поборы, шпионят за нами, смущают нас непотребными проповедями, сеют смуту и соблазн, а мы не можем на них даже пожаловаться... Когда мы, согласно нашему убеждению, решаемся восстановить наши попранные права, на нас шлют войска, грозят смести нас с лица земли, бьют направо и налево плетьми. Бьют нас наши же сыновья и братья, которых мы с воплями и стонами отрываем от семьи и посылаем для защиты отечества от внешних врагов, на снаряжение которых тратим последние крохи...»

Единственная особенность, и то не качественная, а количественная, — это, как я уже упоминал, наличие знати, феодальных магнатов, которые насильничали как хотели, и на которых нельзя было найти управы «ни у царя, ни у бога, ни у чорта». Еще в 90-х годах, т.-е. 30 лет спустя после «освобождения», были такие господа, которые хвалились, что перенасиловали, всех девок в прилежащих деревнях, были такие, которые, ради забавы, спускали собак на баб, возвращавшихся с полевых работ, и с хохотом смотрели, как псы рвут посконные рубахи и «кусают икры», были и такие, которые занимались стрельбой по шапкам мужиков, были, наконец, такие, которые натравляли земских начальников на ту или другую деревню, и те ради выслуги пороли шомполами «всех под ряд». В Саратовском уезде, например, в память одного такого

высокоторжественного случая, как говорят, одна деревня приобрела даже новое название «Шомполовки».

И все это проделывалось над крестьянином, который из рода в род передавал предания о «широкой казацкой воле» старых поколений, о кровавых и удалых делах поволжских атаманов, о любимом Степане Тимофеевиче и не менее любимом Емельяне Пугаче...

Экономика и политика связались воедино и отлились в древле-крестьянский лозунг: «Земля и Воля!».

II. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ И РЕМЕСЛЕННИКОВ.

Промышленность Саратовской губернии выросла и развилась на сельскохозяйственной основе. Поэтому наиболее сильными отраслями промышленности были те, которые имели предметом обработки местное сырье: продукты растительные и продукты животноводства. Прочие отрасли, в том числе обработка металлов, не имели сколько-нибудь определяющего значения. Из общей суммы продукции промышленности, хотя бы за 1905 г., на долю обработки растительных продуктов падало 76,4%, на долю обработки продуктов животноводства 5,5% и на долю прочих производств — всего лишь 18,1%.

Развертываясь при урожаях и падая при голодовках и недородах, местная промышленность сперва носила по преимуществу мелкий ремесленный характер и лишь за последнее десятилетие перед революцией 1905 года приобрела более высокое строение. Кустарь и ремесленник были тем своеобразным «бульоном», в котором формировались фабрикант и заводчик. Ремесло процветало в сфере тех же основных отраслей хозяйства, но по мере роста более крупных предприятий оно оттеснялось в те отрасли, где концентрация еще только намечала свой путь. Однако и при наличии более сильных предприятий ремесленные предприятия имели крупный удельный вес. За последнее десятилетие (1895 — 1905 г.г.) общее количество ремесленников увеличилось вдвое (с 13.527 мастеров, имевших 9.203 рабочих и 3.633 ученика, до 22.839 мастеров с 17.898 рабочими и 9.169 учениками; а по г. Саратову за тот же период — с 5.995 мастеров с 3.824 раб. и 2.032 учениками до 7.614 мастеров при 8.139 раб. и 4.609 уч.).

Переходя к предприятиям более высокого строения, чем предприятия ремесленные, необходимо прежде всего отметить, что их количественный и качественный рост происходил довольно медленно

и с большими колебаниями. По данным земской статистики количественный рост предприятий представлялся в следующем виде: в 1894 г.—8.206 предприятий, в 1898 г.—9.411, в 1903 г.—9.762 и в 1904 г. — 9.940. Если принять за 100 количество предприятий в 1894 г., то процентное отношение роста выразится по приведенным датам так: в 1898 г. количество предприятий увеличилось на 11,15%, в 1903 г. — на 18,96% и в 1904 г. — на 21,12%. Гораздо хуже дело обстояло с предприятиями, находящимися под надзором фабричной инспекции, т.-е. более или менее значительными и технически наиболее оборудованными. В 1900 г. их было по губернии 377, в 1901 г. — 359, в 1902 г. — 254, в 1903 г. — 260 и в 1904 г. — 293. Голод 1901 — 1902 г. сломал нормальный рост этих предприятий, и только по его ликвидации промышленность получила возможность дальнейшего развития, но, как мы видим, количество предприятий даже через два года еще не могло достигнуть уровня 1900 года и было ниже его на 22,28%.

В отношении концентрированности предприятия, находящиеся под надзором фабричной инспекции, группировались накануне революции следующим образом: числилось предприятий с количеством рабочих: а) от 21 — 50 раб. — 131, б) от 51 — 100 раб. — 40, в) от 101 — 500 раб. — 34, г) от 501 — 1.000 раб. — 3, д) свыше 1.000 раб. — 2.

Столь медленный рост предприятий приводил к такому же медленному росту занятых в производстве рабочих. По данным земской статистики мы имели в 1894 г. 20.734 рабоч., в 1898 г. — 32.277, в 1903 г. — 45.506 и в 1904 г. — 51.869. Увеличение, по сравнению с 1894 г., на 150%. Иное дело в предприятиях, находившихся под надзором фабричной инспекции. Здесь мы имели: в 1900 г. — 20.725 рабочих, в 1901 г. — 29.874, в 1902 — 20.026, в 1903 г. — 19.663, в 1904 г. — 20.631. За пятилетие перед революцией количество рабочих, по сравнению с 1900 г., не только не возросло, но упало на 0,4%. Влияние голодного года и тут затормозило процесс нормального развития.

По группам производства рабочие распределялись так: 1) на фабриках, обрабатывающих продукты растительные, — 58,2%, 2) на фабриках, обрабатывающих продукты животноводства, — 10,5%, 3) на фабриках, обрабатывающих ископаемые продукты, — 19,2%, 4) на фабриках смешанного производства — 12,1%.

Несмотря на неблагоприятные условия (голод и недороды), саратовская промышленность не только не уменьшала сумму своей про-

72

дукции, но и значительно ее увеличивала. По данным земской статистики в этом отношении мы имеем следующие цифры: общая сумма продукции в рублях составляла в 1894 г. — 23.043.951, в 1898 г. — 28.815.384, в 1903 г. — 53.751.732, в 1904 г. — 54.683.532. Следовательно, за десятилетие общая сумма продукции возросла на 137%.

Наиболее выгодными являлись: мельничное производство, давшее в 1894 г. — 12.260.864 р., а в 1904 г. — 24.654.978 р.; винокуренное производство, давшее в 1894 г. — 1.804.961 р. и в 1904 г. — 6.316.612 р.; маслобойное производство, давшее в 1894 г. 1.497.160 р. и в 1904 г. — 3.411.785 р.

Таково было положение промышленности по губернии; в центре губернии, в Саратове, общее количество фабрик за десятилетие (1894 — 1905 г.г.) возросло с 163 до 206, т.-е. на 26%; общая сумма продукции за то же время возросла с 8.990.961 р. до 20.114.993 р., т.-е. на 123%; общее количество занятых в вышеуказанных промышленных предприятиях рабочих за то же время — с 2.629 ч. до 7.485, т.-е. возросло на 183%; общее количество ремесленников с их рабочими и учениками возросло с 10.926 ч. до 20.362 ч., т.-е. на 86%; общее количество служащих (в том числе приказчиков) возросло с 3.000 ч. до 12.000 ч., т.-е. на 300%. Население города возросло с 124.199 ч. до 207.325 ч., т.-е. на 66%.

Из наиболее крупных по всей губернии предприятий в Саратове находились к 1904 году: 1) мастерские и депо Рязано-Уральской жел. дороги с 2.400 раб., 2) механический завод Беринга с 300 раб., 3) Волжский сталелитейный с 600 раб., 4) механический б. Гантке с 600 раб., 5) писчебумажная фабрика Тихомирова с 200 раб., 6) табачная фабрика Левковича с 260 раб., 7) табачная фабрика Штаф с 192 раб., 8) шоколадная фабрика Миллер с 120 раб., 9) паровые мельницы Бореля, Шмидта, Рейнеке, Степашкина, Богословского и др. с общим количеством рабочих до 1.500 человек. Все остальные имели рабочих менее 100 человек.

Из этих данных, между прочим, видно, что если по всей губернии преобладали предприятия, обрабатывающие продукты сельского хозяйства, то в Саратове крупную роль играли также предприятия по обработке металла. На-ряду с промышленностью развивалась и торговля; при чем темп роста последней был гораздо быстрее темпа роста промышленности. Оно и немудрено. Промышленность главным образом работала на губернский рынок, а

торговля, кроме того, на рынок страны и на рынок мировой. Главными предметами торговли, конечно, были продукты сельского хозяйства и в особенности хлеб. Все эти Шмидты, Борели, Рейнеке и им подобные отправляли за границу миллионы пудов разного хлеба, как в зерне, так и в обработанном виде, — в муке. Технически способствовали торговле два обстоятельства: широкий и удобный путь по р. Волге, связывающий Саратов со всем Волжским огромным бассейном, Каспийским морем, Персией и вообще ближней Азией, и Рязано-Уральская жел. дорога, проходящая через 11 губерний и связывающая с Москвой и заграницей. Выгодное положение Саратова сделало его одним из крупнейших торговых центров Поволжья. Обороты торговли как по губернии, так и по городу были очень велики, однако, не вдаваясь в детальное рассмотрение характера и роли торговли, я перейду к наиболее интересующему вопросу о том, каково же было положение рабочего класса как со стороны экономической, так и со стороны правовой.

При наличии роста общей суммы продукции за последнее перед революцией десятилетие по губернии на 137%, а по Саратову на 123% можно было бы предполагать и соответственный рост средней заработной платы. На самом же деле отношение получилось обратное: чем больше росла сумма продукции, тем меньше была заработная плата. Это чреватое последствиями противоречие может быть иллюстрировано следующими данными фабричной инспекции: средняя заработная плата по губернии на одного рабочего составляла:

в 1900 г.	(в год)	249,60 р.	(в месяц)	20,80 р.
» 1901 »	»	217,04 »	»	18,09 »
» 1902 »	»	205,34 »	»	17,11 »
» 1903 »	»	243,13 »	»	20,26 »
» 1904 »	»	234,79 »	»	19,56 »

Следовательно, заработная плата не только не поднялась с 1900 г., но даже упала на 6%. В Саратове средняя заработная плата была процентов на пять выше, чем по губернии, но, соответственно, испытывала снижение. Наибольшую плату получали металлисты и типографские рабочие, наименьшую — рабочие лесопильных заводов, мукомольных мельниц и маслобоек. Особенно тяжело было рабочим маслобоек. Вот что они писали в 1902 г. в своем прошении на имя губернатора: «Хозяева маслобойных заводов г. Саратова совершенно относятся к рабочим недобросовестно и бесчело-

вечно, например, — пища для рабочего [1]) скорей всего похожа на скотскую, а именно, — щи почти без исключения из одной гнилой капусты и воды, а также и пшенная каша из низкого сорта пшена бывает часто вместе с просом, что составляет единственную пищу рабочих... Плата рабочим производится хозяевами самопроизвольно, кто сколько хочет, а вобче 3 и 4 р. в месяц совершенно не оплачивают труд рабочих».

При падающей заработной плате рабочий имел значительный рост дороговизны на продукты питания и первой необходимости. Некоторые продукты поднялись на треть, некоторые на половину, а некоторые вдвое, втрое и даже вчетверо. Так, ржаная мука за пуд стоила в 1900 г. (в Саратове) 70 к., а в 1905 г. — 1 р., пшено 2-го сорта в 1900 г. — 1 р. 10 к., а в 1905 г. — 1 р. 50 к., подсолнечное масло за те же даты соответственно 3 р. 65 к. и 5 р. 90 к., сало говяжье — 2 р. 50 к. и 6 р. 50 к., мясо 3-го разбора — 2 р. и 3 р. 60 к., сахар — 4 р. 50 к. и 6 р. 30 к. На печеный черный хлеб пекарни в 1905 г. накинули еще 40 к. на пуд муки. Стоимость дров увеличилась вдвое и даже втрое, квартирная плата поднялась втрое. Предметы обуви и одежды также значительно поднялись в цене. Стоимость даже того гнусного голодного хозяйского харча, о котором писали рабочие маслобоек, по оценке фабричной инспекции равнялась 5 р. 50 к. в месяц на человека. Так что если взять за измерение эту сумму, то для нормальной рабочей семьи в пять человек нужно бы иметь в месяц заработной платы не менее 27 р. 50 к. Отсюда ясно, что средняя заработная плата не давала рабочему и его семье даже того продовольственного минимума, какой необходим для простого восстановления рабочей силы.

Да и эта мизерная плата, благодаря разным комбинациям предпринимателей, претерпевала ряд изменений в сторону уменьшения ее суммы. Несвоевременная выплата, удержания за брак, понижения расценков, уворовывания рабочих часов, очень часто дней, выдача продуктами из фабричных лавок и т. д. и т. п. являлись общими методами расчета предпринимателя с рабочими. Рост конфликтов на этой почве, по преуменьшенным данным фабричной инспекции, происходил большими скачками из года в год. Если столь невыносимо было положение с заработной платой у рабочих, занятых в предприятиях, находившихся под надзором фабричной инспекции,

---

[1]) Рабочие были на хозяйских харчах.

то положение рабочих и учеников у мелких ремесленников было прямо ужасным. «Мы вроде лишенных всех прав состояния,— писала группа ремесленных рабочих и учеников в местную газету,—хозяева платят сколько хотят. Многие получают целковый или полтора в месяц, да и эти деньги хозяева заставляют пропивать вместе с ними. Харчи такие, что добрый хозяин собаку постыдится кормить... Некому за нас заступиться...» Конечно, все эти вопли не приводили к положительным результатам и до поры до времени оставались гласом вопиющих в пустыне.

Несомненно, у каждого, прочитавшего вышеприведенные данные, возникнет вопрос, чем же вызывался такой срыв заработной платы, срыв систематический, из году в год. Основных причин было две: первая — это катастрофически быстро развивавшийся процесс разорения деревни, которая выбрасывала десятки тысяч голодных ищущих работы людей, и вторая причина — это недостаточный рост промышленности, которая не могла занять более двух пятых ищущих заработка. Армия безработных, хотя бы по Саратову, в два раза была больше занятых в производстве. При таких условиях трудового рынка предприниматель мог без всякого риска устанавливать заработную плату в таком размере, какой ему заблагорассудится. Только наиболее квалифицированные рабочие не попадали под общий ранжир. Все остальные рабочие вынуждены были, в силу неблагоприятной экономической обстановки, принимать любые условия труда и заработка.

Теперь обратимся к другим условиям труда и прежде всего к рабочему дню. Наиболее длинный, до 16 ч. в среднем, рабочий день был у рабочих и учеников мелко-ремесленных предприятий. Следующее место по продолжительности своего рабочего дня занимали пекаря, рабочие иглы, рабочие лесопильных и маслобойных заводов. Их рабочий день длился от 12 до 14 часов. Затем идут рабочие механических заводов с 11 и 11½-часовым днем. Наконец, рабочие типографий — с 10-часовым рабочим днем. Значит, из общего количества рабочих по губернии, принимаемого за 100, с минимальным 10-часовым рабочим днем было немногим более 2%, с 11-часовым рабочим днем — до 40%; с рабочим днем выше 11 (до 16) — остальные 58%. При чем труд женщин, малолетних и подростков фактически не был огражден. Рабочие переутомлялись до крайности, внимание притуплялось как к самой работе, так и к опасным операциям ее. В результате фабричная инспекция должна была отмечать в каждом отчете: «Общее число заявленных

несчастных случаев, как было уже замечено в предшествующих отчетах, из года в год возрастает». Несомненно, что такая каторжная длина рабочего дня необычайно быстро изнашивала организм рабочего, преждевременно старила и на много сокращала естественный срок жизни.

Значительная часть рабочих, при чем в городских центрах меньше чем в уездах, жила и харчилась у предпринимателя. Как общее правило, помещения, которые предприниматели представляли рабочим для жизни, были ниже всякой критики. Это были бараки, без достаточного освещения, с абсолютно недопустимой кубатурой воздуха на человека, с нарами, которые не мылись годами, а потому пропитались промозглой грязью и кишели паразитами. На этих нарах, как «поленья в поленнице», чуть ли не «друг на дружке» спали мужчины, женщины, подростки и дети. Уборных не полагалось, а если были, то донельзя загрязненные. Чесотки, парши, разные эпидемические заболевания были постоянными гостями в этих трущобах. 5 апреля 1905 г. на особом совещании владельцев маслобойных заводов г. Саратова совместно с губернатором П. А. Столыпиным старший фабричный инспектор Полетаев докладывал о заводских рабочих жилищах следующее: «Что касается жилищной обстановки, то на большинстве заводов (11) столовые и спальни составляют общую комнату, что является крайне неудобным, тем более, что в спальнях в редких случаях имеются приспособления для достаточной вентиляции, а если где и есть, то рабочие лишены возможности ею пользоваться, так как при сменах помещения никогда не пустуют. Внутреннее устройство спален самое примитивное. Вдоль стен сделаны досчатые общие нары, без всяких перегородок, отделяющих места... В смысле чистоты помещения содержатся неодинаково на заводах, что зависит отчасти от самих рабочих, которые не имеют лишних смен белья. Со стороны количества содержания воздуха и ширины на нарах, если принять за норму 1 куб. саж. воздуха на 1 арш. места по ширине нар на одного человека, помещения в большинстве случаев являются неудовлетворительными; на некоторых заводах отступления от нормы при наибольшем числе рабочих колеблются от 0,30 до 0,73 куб. саж., и только один завод находится в благоприятных условиях; что касается ширины мест на нарах, то отступления от норм при наибольшем скоплении рабочих достигают 9 и даже 11 вершков». Так говорит инспектор и говорит очень осторожно, так как каждый мог бы ему сказать: чего же до сих пор смотрел и не принимал

никаких мер? Если хотите иметь оценку рабочих, то вот она, выраженная в самой что ни на есть саркастической форме: «Айдати, ребята, на Попову масленку. Там шти ухлебисты, говядина — мочалиста, каша — пошененна, три целковых жалованья, спят — на соломе, валят — под себя и... ногой отталкиваются».

Таково было экономическое положение рабочего. Правовое положение рабочего, как рабочего и гражданина, было не лучше. На фабрике царил самодержавный режим предпринимателя. На стороне последнего была не только экономическая сила, но и закон государства. Свидетельством, и далеко не полным, экономического самодержавия предпринимателя может служить перечень нарушений интересов рабочего, который из года в год помещался в отчетах фабричной инспекции. В этот перечень входили жалобы рабочих: 1) на низкие заработки, 2) на отказ от работы до срока, 3) на неправильное исчисление и понижение заработка, 4) на невыдачу и задержание заработка, 5) на дурное обращение и побои, 6) на нарушение условий найма по снабжению квартирами, 7) на сокращение рабочего времени, 8) на непредставление возможности продолжать работу, 9) на другие условия найма, касающиеся продолжительности рабочего времени, 10) на принуждение работать сверхурочно, 11) на незаконные вычеты, 12) на невыдачу паспортов, 13) на неправильные записи в расчетных книжках, 14) на нарушение условий найма по снабжению харчами, 15) на нарушение условий найма по подаче врачебной помощи, 16) на принуждение исполнять другую работу, 17) на неправильность при продаже из фабричных лавок, 18) на штрафы, 19) на допущение к работе малолетних, 20) на допущение работы свыше установленного времени и на запрещенные работы малолетних, подростков и женщин и т. д. — до 38 номеров, охватывающих паутиной все стороны рабочей жизни.

За все эти нарушения предприниматель подлежал по закону ответственности, которая на 99% сводилась к имущественной ответственности от 5 до 300 р. Понятно, что такая мягкость закона к предпринимателю фактически создавала обстановку абсолютного господства над рабочим. По отношению же к рабочему закон оборачивался свирепым лицом царского режима. Простое «самовольное» расторжение договора о найме, произведенное рабочим, каралось по 51,4 Ул. о наказ. месячным арестом. Но особенно жестокая расправа полагалась по закону за стачки. Так, ст. 153,2 Ул. о нак. за «умышленное повреждение или истребление на-

ходящихся на фабрике или заводе сложных, ценных орудий производства» подвергала «виновного, если он не совершил более преступных действий, заключению в тюрьму на срок в три месяца; если же последствием такого повреждения или истребления была остановка работы на фабрике или заводе», то наказание повышалось с 3 месяцев до 1 года. По ст. 269[1] Ул. о нак. виновные в участии в «публичном скопище», учинившем соединенными силами насилие над личностью, похищение или повреждение чужого имущества, или вторжение в чужое жилище, или покушение на эти преступления вследствие побуждений, проистекающих из вражды религиозной, племенной или сословной или из экономических отношений», подвергались «лишению всех прав состояния и ссылке на житье в Сибирь или отдаче в исправительные арестантские отделения». До издания закона 3 июня 1886 г. действовала ст. 1358 Ул. о нак., по которой «за стачку между рабочими какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истечения условленного с содержателями этих заведений времени для того, чтобы принудить хозяев к повышению получаемой ими платы», виновные подвергались аресту: «зачинщики — на время от 3 недель до 3 месяцев, прочие — от 7 дней до трех недель». После издания июньского закона те же действия рабочих стали караться еще суровее. Ст. 1358,1 устанавливала наказание за простую стачку — заключение в тюрьме от 2 до 4 месяцев, а для зачинщиков — от 4 до 8 месяцев. Ст. 1358,2 устанавливала для участников стачки, сопряженной с повреждением или уничтожением фабричного имущества, — тюрьму от 4 до 8 месяцев, а для зачинщиков — тюрьму от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев. Ст. 1358,3 требовала для участников стачки, принудивших других рабочих, посредством насилия или угроз, прекратить работу или не возобновлять прекращенную, и если учиненное ими насилие не составляет более тяжкого преступления, — наказания тюрьмой от 4 до 8 месяцев, а для зачинщиков — наказания тюрьмой от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев.

Однако главная часть мероприятий, глушивших и унижавших человеческое достоинство рабочего, проходила не в порядке закона, а в порядке полицейского усмотрения. Привести в действие машину суда, да еще для применения закона к массовым выступлениям рабочих, было бы делом технически громоздким и политически невыгодным. В административном порядке все бичи и скорпионы проходили более гладко и казались менее опасными

в смысле «раздражения общественного мнения». Полиция работала во-всю. Ей помогали фабричные инспектора [1]) и сами фабриканты. Полиция была наделена правом ареста и высылки рабочих «по этапу на родину». Департамент торговли и промышленности чуть ли не каждый год напоминал фабричным инспекторам: «При возникновении стачек или забастовок следует немедленно же... об'являть рабочим, что до возобновления работ никакие с их стороны заявления приниматься к рассмотрению не будут, а затем, по возможности в кратчайший срок, указывать или стать вновь на работу или же получить немедленно расчет. Получивших расчет, а равно и отказавшихся от него немедленно высылать по этапу на родину или в места приписки, куда и направлять для лиц последней категории заработную плату для выдачи через местную полицию».

А в марте 1902 г. Отдел промышленности учит фабричных инспекторов: «Чины инспекции должны пользоваться каждым подходящим случаем, чтобы внушать рабочим, что не только незаконность притязаний, но даже стремление к достижению законных прав, но противозаконными или насильственными путями, будут приводить не к улучшению, а к ухудшению их положения, ибо правительство при таких условиях не может допустить осуществления желаний рабочих даже в том случае, если бы фабриканты под влиянием угроз или по добродушию из'явили согласие на уступки». Подобные директивы шли по всем линиям местных органов царской администрации. Правительственные агенты из кожи лезли вон, чтобы угодить высшему начальству исполнением его велений. Образчиком «старания» может служить следующий документ, адресованный окружным фабричным инспектором старшему фабричному инспектору по Саратовской губернии, датированный 30 июня 1901 г. и относящийся к действиям последнего в связи с забастовкой, происшедшей на саратовском механическом заводе Беринга 15 июня того же года: «Если бы не поспешили, — пишет окружной инспектор, — с применением этой меры (увольнением рабочих) на третий день, а применили бы ее на четвертый, то весьма вероятно, что почти все рабочие возобновили бы работу, и не пришлось бы

---

[1]) Эта связь полиции с инспектурой тщательно скрывалась. «Имею честь, — пишет окружной инспектор саратовскому инспектору, — присовокупить, что подобную переписку, касающуюся отношений фабричной инспекции к полиции и др. органам управления, предпочтительно вести секретно». Значит — «не смей разбалтывать».

арестовывать и высылать около 20% всех участников забастовки. Кроме того, рабочие не были бы озлоблены незаконным увольнением их товарищей. Вам же ни в каком случае нельзя было говорить рабочим, что те из них, которые не возобновят работу на третий день, будут этапным порядком препровождены по месту приписки». Если приходилось читать нотацию фабричным инспекторам, этим, по мысли правительства, наиболее близким к рабочим агентам власти, о том, чтобы они не перебарщивали в своем полицейском рвении, то можно себе представить, как опекали рабочего прочие власти... О какой-нибудь организации, которая бы, возникнув легально, могла помочь своим членам в улучшении условий рабочего труда и жизни, нечего было и думать. Правда, в Саратове было два общества: Общество вспомоществования книгопечатникам и Общество приказчиков, но то и другое не были чисто рабочими, в них входили и хозяева. Доверия к ним у трудящихся не было, и они влачили довольно жалкое существование. Лучшие элементы рабочих и служащих уходили в нелегальные революционные организации, которые в Саратове и в губернии имели большую и славную традицию.

Можно бы было ожидать, что при столь тяжелых экономических условиях, в которых находились местные рабочие, они отчаянно боролись с предпринимателями за улучшение своего трудового положения. На самом деле было не так: стачка пускалась рабочими в ход крайне редко. За пятилетие перед революцией крупные стачки можно пересчитать по пальцам: в 1901 г. была стачка в мастерских Ряз.-Уральской ж. д. и у Беринга, в 1902 г. приостановка работ на некоторых фабриках в день 1 мая и известная демонстрация, в 1903 г. две забастовки у печатников, в 1904 приостановка работы на некоторых фабриках в день 1 мая. Вот и все... Однако отсутствие сильного стачечного движения не может служить показателем настроения широких рабочих масс. Об'ективно обстановка была такова, что рабочим казалось невыгодным начинать стачки, ибо хозяева всегда могли набрать достаточное количество из безработных. Это-то сознание и неисчерпанность боевой энергии послужили укреплению того коренного настроения местных рабочих, которое можно назвать определенно-революционным. Вся наша рабочая масса, за исключением самых забитых слоев, видела выход из тяжкого экономического и правового положения в революции и только в ней. Поэтому-то так хорошо работали революционные организации в губернии и в первую очередь—наша орга-

низация, несмотря на постоянные провалы и провокации. Так как значительная часть рабочих была тесно связана с деревней, то она заражалась боевым настроением с «двух концов»: и со стороны революционизирующегося крестьянства, и со стороны революционизирующей обстановки в городах.

Подобно деревне, городские рабочие накопили столько взрывчатого материала к началу 1905 г., что стоило подлить еще одну каплю гнева, и взрыв должен был произойти с необычайной силой.

Правительство царя позаботилось об этом.

III. ЯНВАРСКАЯ ЗАБАСТОВКА.

А. Забастовка рабочих.

9 января 1905 г. правительство царя расстреляло рабочих Петербурга, пришедших ко дворцу с наивной верой в то, что царь-батюшка, самолично узнав о нуждах его верноподданных тружеников, повелит правительству и капиталистам облегчить жизнь рабочего человека. Это чудовищное злодеяние, в результате которого «возами возили хоронить убитых рабочих», смутило даже те круги, которые являлись оплотом царской власти. «Самое ужасное в этом роковом дне — это потеря веры в царя», — с содроганием в голосе говорил сердобский предводитель дворянства В. Н. Ознобишин. «Между вчерашним и нынешним днем, — констатировал граф А. Д. Нессельроде,— легла громадная пропасть, и кто скажет, какой пропастью будет отделяться нынешний день от завтрашнего». Эти зубры были правы. Расстрел послужил факелом, брошенным в пороховой погреб. Страна вздыбилась от боли и гнева. Пролетариат ответил всеобщей забастовкой. Саратовские рабочие не отстали от общего движения. Более того, они заняли в нем одно из первых мест.

11 января в городе были получены траурные известия о расстреле, ударившие в самое сердце наших пролетариев. Возмущение рабочих не поддается описанию. Я лично видел рабочих массовиков, которые рыдали навзрыд, видел рабочих, которые сжимали кулаки, скрежетали зубами и бормотали проклятия, видел стариков рабочих, которые на улице становились на колени и молили бога покарать убийцу-царя, видел темных, дышащих стихийным гневом и готовых громить фабрики и заводы, «крушить всю треклятую жизнь», видел, наконец, сознательных, как-то внутренне сжавшихся, похожих на стальную пружину, светящихся внутренним революционным огнем и деловито стремительных...

Целый день прошел в организации забастовки. Наша организация при этом проявила бешеную энергию. С утра 12 января начала замирать промышленная жизнь города. Ход этой забастовки, по личным наблюдениям, проверенным документами, был таков:

Начал забастовку завод Беринга (ныне «Сотрудник Революции»). В 8½ ч. утра 12 января рабочие этого завода по свистку остановили работы и, не отвечая на вопросы юлящей администрации, организованно двинулись к рабочему ядру города — к мастерским и депо Рязано-Уральской жел. дороги (ныне Ленинской). В мастерских их уже ждали. Загудел густым басом гудок, и рабочие, бросив работу, повалили к выходу. Мастерские и депо остановились. Часть рабочих, менее сознательных, ушла домой, а большинство присоединилось к беринговцам и направилось снимать рабочих заводов б. Гантке (ныне завод имени Ленина) и Волжского сталелитейного. На заводе б. Гантке администрация, узнав о движении беринговцев и железнодорожников, заперла своих рабочих; но это не помогло. Двухтысячная толпа, подойдя к заводу, потребовала пропустить ее делегатов, и администрация вынуждена была уступить под страхом порчи машин. Через несколько минут делегаты вывели запертых рабочих. Завод остановился. Из котлов были выпущены пары. К полудню было все кончено на Волжском сталелитейном. Рабочие даже не захотели закончить плавку в одной из мартеновских печей, несмотря на мольбы администрации и на личное чувство жалости производственника к погибающему материалу.

Собравшаяся в кулак трехтысячная масса металлистов направилась дальше в город, намереваясь по пути снять рабочих мельницы Шмидта. В устье Солдатской слободки полиция выставила заграждение в лице эскадрона казаков. Рабочие сперва попытались прорваться, но казаки приняли их в нагайки. Толпа вынуждена была разбежаться. Отдельными группами она просочилась в город и продолжала начатую работу по с'емке рабочих.

В этот день, или сами или при посредстве забастовавших ранее, бросили работу рабочие следующих предприятий: механический завод Коробова (92 ч.); механический завод Макарова (25 ч.); механический завод Парусинова (30 ч.); писчебумажная фабрика Тихомирова (200 ч.). Всего в первый день забастовки бросили работу 3.850 ч. Почин таким образом принадлежал наилучше оплачиваемым рабочим-металлистам. 13 января забастовали рабочие муко-

мольных мельниц: Скворцова, Богословского, Бореля, Шмидта, Рейнеке, Степашкина и др. (11 предприятий с 1.500 ч.); типографии Яковлева, Сергеева, Тобиева, Шельгорн, Феокритова, Саратовских «Дневника» и «Листка» и др. (10 предприятий с 750 ч.); механические заводы: Терентьева (50 ч.), Бенс (15 ч.) и шесть-семь мелких заводов с 150 ч.; табачная фабрика Штаф, дрожжевой завод Зейфарта (15 ч.), мыловаренный Арно (25 ч.), девять лесопильных заводов (250 ч.), ватная фабрика Дворецкого (70 ч.), два столярных предприятия (45 ч.); шоколадная фабрика Миллер, городская электрическая станция и станция Эрта и Мейеровича. Кроме того, забастовали рабочие ж.-д. мастерских в Князевке и на Увеке (350—400 ч.). Всего на второй день забастовало 3.590 ч. Вне забастовки остались рабочие маслобойных заводов (350 ч.), табачной фабрики Левковича (260 ч. — большинство женщин) и ряда мелких ремесленных заведений, т.-е. наиболее темные, наиболее забитые и хуже всех других групп оплачиваемые рабочие.

Таким образом за первые два дня из общего количества промышленных рабочих города в забастовке приняло участие свыше 7.440 ч., т.-е. почти 100%. Забастовка, стало быть, носила характер всеобщей. Второй особенностью забастовки было то, что в первые два дня рабочие, выступавшие под нашим руководством, не пред'являли никаких экономических требований, подчеркивая тем самым политическое значение своего выступления.

Этой особенностью наша забастовка становилась рядом с забастовкой Петербурга, Москвы (отчасти), городов окраин, где забастовка носила ярко выраженный политический характер. В остальной стране она была лишь экономической. В общей своей массе саратовские рабочие оказались на высоте требований момента...

На демонстративную забастовку рабочих местная власть, в лице «начальника губернии» П. А. Столыпина, реагировала рядом «предупредительных» мер. Вечером 12 января на всех заборах, перекрестках и телеграфных столбах было расклеено следующее об'явление губернатора:

«Ввиду прекращения рабочими в г. Саратове работ на некоторых заводах и в мастерских, предупреждаю рабочих, что, согласно п. 1 ст. 105 Уст. о пром., договор найма может быть заведующим фабрикой или заводом расторгнут. Всякое скопление рабочих на улицах и в общественных местах допущено не будет. В случае ма-

лейшей попытки нарушить порядок, он немедленно будет восстановлен силой». А 14 января губернатор, тем же порядком, сообщал:

«Во избежание вымышленных и преувеличенных слухов о начавшейся в г. Саратове забастовке, официально об'является, что под давлением группы агитаторов, действующих путем угрозы и насилия над своими товарищами, на большинстве мукомольных мельниц, фабрик, заводов и во всех железнодорожных мастерских вчера, 13 января, прекратились работы. Зачинщики, замеченные в подстрекательстве, подвергаются немедленному аресту. Приняты вполне достаточные меры для охраны порядка, и те заводы и промышленные заведения, которые заявят полиции о желании возобновить работу, будут охранены от всякого посягательства на насилие со стороны забастовщиков».

Эти угрозы подкреплены были расклейкой «авторитетного об'явления» министра финансов Коковцева и только что назначенного генерал-губернатора Петербурга Д. Трепова. Об'явление содержало правительственное об'яснение событий 9 января; требования рабочих квалифицировались как «пред'явленные злонамеренными лицами, ничего общего с истинными интересами рабочих неимеющими». Рабочим обещалось «приступить к разработке вопросов о страховании» и предлагалось вернуться к труду и не обрекать на нищету самих себя, своих жен и детей.

Фабриканты и заводчики не заставили себя ждать с просьбами о предоставлении им охраны. В ближайшие же дни на заводах, фабриках и мельницах была поставлена военная охрана отрядиками от 10 до 30 ч. Кроме того, была поставлена охрана на водопроводе, городской электрической станции, в отделении государственного банка, в казначействе, в тюрьме, на почте, вокзале и в других учреждениях. По городу были пущены конные и пешие патрули.

Так как войск для полицейской службы оказалось недостаточно, то губернатор вызвал подкрепление, которое в количестве двух батальонов и явилось из г. Пензы. Городовые получили запас патронов. Однако ни бумажные окрики, ни присутствие на заводах «штыковой охраны», ни шныряние среди массы рабочих переодетых городовых и шпиков, ни наглость патрулей, в особенности казачьих, — ничто не устрашило рабочих. Они собирались где хотели, расходились, когда их разгоняли, чтобы собраться в другом месте, обсуждали свои дела, вертели собачьи ножки, ядрено смеялись над полицией и демонстративно сплевывали в сторону какого-нибудь охранника.

Политическая забастовка первых дней без перерыва перешла в забастовку экономическую. Волна этой забастовки, захватывая и ремесленных рабочих, поднималась до 20 января, а затем, по мере полного или частичного удовлетворения требований предпринимателями, пошла на убыль. Основное ядро рабочих стало на работу приблизительно 20 — 22 января.

Длительность январской забастовки в наиболее крупных предприятиях была, по данным фабричной инспекции, приблизительно следующей: 1) на заводе Беринга забастовка началась в 8 с ½ ч. утра 12 января, кончилась в 9 ч. утра 20 января — длилась 8 суток и 30 минут; 2) в мастерских Рязано-Ур. ж. д. забастовка началась в 9 ч. утра 12 января, окончилась в 9 ч. утра 19 января, длилась 7 суток; 3) на заводе б. Гантке — началась в 9 с ½ ч. утра 12 января, окончилась — в 6 ч. утра 20 января — длилась 7 суток 20 ч. 30 м.; 4) на Волжском сталелитейном — началась в 11 ч. утра 12 января, окончилась в 11 ч. утра 20 января — длилась 8 суток. В прочих предприятиях забастовка длилась от одних суток до шести. А всего потеряно до 29.760 рабдней.

Политические требования рабочих в январскую забастовку были сформулированы при нашем посредстве в особой «петиции», подписанной 975 рабочими и оглашенной на саратовском губернском земском собрании в день 9 января, т.-е. за три дня до начала забастовки. Вот что писали в этой «петиции» рабочие г. Саратова:

«Мы, нижеподписавшиеся, признаем, что существующий политический строй, основанный на бесправии народа, является самой крупной преградой в деле улучшения положения рабочих, крестьян и всего вообще населения Российской империи. Положение это в настоящее время в особенности обострено войной на Дальнем Востоке. Принимая все это во внимание, мы признаем безотлагательно необходимым коренное политическое и правовое переустройство Российской империи на началах участия всего русского народа в законодательстве и управлении страной. Для этого мы признаем безусловно необходимыми, как предварительные меры:

1. Немедленную отмену всех законов и административных распоряжений, нарушающих неприкосновенность личности и жилища, стесняющих свободу слова и печати, свободу собраний, союзов и стачек, свободу передвижения, свободу совести и вероисповедания.

2. Немедленное прекращение всех дел по политическим преступлениям, освобождение и восстановление в правах лиц, пострадавших по таковым делам.

3) Немедленное издание законов, обеспечивающих населению все указанные права и вольности от посягательств и нарушений со стороны административных властей.

Вслед за выполнением всех указанных требований мы признаем безотлагательно необходимым в ближайшем будущем созыв всенародного учредительного собрания, избранного на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов:

1) для уничтожения экономических и правовых остатков крепостного строя;

2) для выработки основного закона Российской империи, обеспечивающего за населением страны беспрепятственное участие в законодательстве и управлении страной;

3) для прекращения войны и заключения мира с Японией».

Забастовкой-протестом против кровавой бойни 9 января саратовские рабочие действием подтвердили свою солидарность с вышеприведенной резолюцией 975-ти.

Кроме того, они очень часто требование учредительного собрания вводили и в перечень требований экономического характера.

Что касается экономических требований (и правовых), то они в общем и целом сводились: а) к сокращению рабочего дня, б) к повышению заработной платы, в) к отмене сдельных работ, г) к выдаче заработной платы каждые две недели, д) к отмене сверхурочных работ, е) к немедленной выдаче пособий за увечья, ж) к улучшению санитарных условий производства, з) к выработке правил внутреннего распорядка по соглашению с рабочими, и) к отмене обысков и штрафов, к) к вежливому обращению со стороны администрации, л) к выдаче заработной платы за все дни забастовки, м) к оставлению всех бастовавших на работе, н) к личной неприкосновенности участников забастовки.

По отдельным предприятиям эти требования варьировались в зависимости от условий работы. Сводку этих отдельных требований, составленную по данным фабричной инспекции, по местным газетам и нашим тогдашним специальным требованиям-прокламациям, я даю в Приложении.

Напор был столь силен, что местные предприниматели пошли на значительные уступки. Первые уступки, между прочим, были сделаны управлением Рязано-Уральской железной дороги. За ним уже

потянулись и другие [1]). Однако рабочие остались недовольны. Они хотели полного удовлетворения. Это недовольство и создало базу для новой забастовочной волны, которая началась в первых числах февраля.

Б. Забастовка служащих и учащихся.

Выступление саратовских рабочих против бойни 9 января повлекло за собою выступления служащих, приказчиков и учащихся.

Первыми начали служащие управления Рязано-Уральской жел. дороги (свыше 1.500 ч.), вокруг которых концентрировались служащие городской управы, губернской и уездной земских управ, а равно и других учреждений. Подготовительная организационная работа была произведена вечером 12 января на собрании в счетном отделе управления дороги. Собрание в составе 300 — 350 ч. (под председательством П. Н. Казанцева) решило начать общую забастовку служащих 13 января и пред'явить администрации требования, содержавшиеся в воззвании нашего комитета. Для наибольшего успеха движения собрание обязало присутствующих обойти все учреждения с агитацией за забастовку. Кроме того, решено было попытаться остановить движение пассажирских поездов на Москву. Настроение собрания было крайне повышенным. Говорились страстные революционные речи. Закончив собрание, служащие вышли с пением революционных песен. Какого-то товарища, пришедшего к концу собрания и произнесшего боевую речь, качали с криками «ура» и вынесли на руках из здания на улицу.

13 января забастовали управленцы, служащие губернской земской управы, уездной земской управы, городской управы и ремесленной управы. 14 января примкнули к забастовке служащие некоторых государственных и общественных учреждений, а также частных контор. Всего забастовало до 4.000 ч.

В отличие от рабочих, первые дни не пред'являвших требований, служащие пред'явили требования политического и экономического характера с первых же часов своей забастовки. Наиболее типичными были трабования управленцев. «Ввиду неудовлетворительного нашего экономического и правового положения не только как служащих, но и как граждан, обусловленного бесправным положением всего населения России, а также ввиду произвола и наси-

---

[1]) Справку об уступках предпринимателей см. в Приложении № 1.

лий, которые совершаются на наших глазах над забастовавшими рабочими, — писали управленцы управляющему дорогой, — служащие управления Ряз.-Ур. ж. д. находят невозможным продолжать занятия, вследствие чего, прерывая их, пред'являют следующие требования: 1) немедленную отмену всех законов и административных распоряжений, нарушающих неприкосновенность личности и жилища, стесняющих свободу передвижения, свободу слова, печати, свободу собраний, стачек и союзов, свободу совести и вероисповедания, 2) немедленное прекращение всех дел по политическим преступлениям, освобождение и восстановление в правах лиц, пострадавших по таковым делам, 3) вслед за выполнением всех указанных требований мы признаем безотлагательно необходимым созыв всенародного учредительного собрания, избранного на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов и т. д. — по тексту вышеприведенной резолюции рабочих (975-ти).

Вторая часть резолюции, начинавшаяся словами — «в политических требованиях мы видим единственную гарантию прочности улучшения нашего экономического положения, улучшения же, которые могут быть отчасти осуществлены, сводятся к следующим требованиям экономического и правового характера», — содержит те же требования, что и у рабочих, плюс «коренной пересмотр устава пенсионной кассы».

Служащие управ выдвигали лишь политические требования.

Забастовка длилась в среднем пять суток. 18 января стали на работу служащие управ. Что касается управленцев, то их делегаты уже 15 января подписали с управлением особое соглашение в виде протокола, в котором было сказано: «Под влиянием происшедших событий служащие, для засвидетельствования своих политических убеждений, произвели манифестацию, заключающуюся в прекращении работ, с указанием тех реформ, которые они почитают необходимыми для внесения успокоения в общественную жизнь. Принимая во внимание, что осуществление намеченных общественных реформ находится вне компетенции управления дорогой, и во избежание ущерба и бесцельных жертв, подписавшиеся высказывают свое мнение о необходимости приступить к занятиям в управлении 17 января». Однако служащие смогли стать на работу лишь 20 января, когда вообще схлынула первая забастовочная волна служащих города.

За служащими двинулась учащаяся молодежь. С 14 января прекратили занятия учащиеся в средне-техническом училище и в фельд-

шерской школе. 15 января — ученики 1-й мужской гимназии и реального училища. Забастовавшие ученики направились значительной толпой снимать учеников других учебных заведений. Удачно сняв учениц министерской гимназии, толпа направилась к мариинской женской гимназии. Настроение манифестантов было экзальтированное. У мариинской гимназии молодежь наткнулась на запертые двери и полицейский караул в составе околоточного надзирателя и двух городовых. Началась перебранка, перешедшая в попытку смять полицию и ворваться в гимназию. В это время подоспел казачий полицейский раз'езд под начальством помощника пристава Логинова. Логинов приказал взять молодежь в нагайки. Началось избиение, закончившееся только тогда, когда у училища не осталось ни одного демонстранта. Это избиение, в котором, кстати, в качестве добровольца принимал участие и даже дал три рубля казакам «на водку» учитель латинского языка некий Арбатский, повлияло так на молодежь, что она долго не могла приступить к занятиям, а один из избитых даже сошел с ума.

Обыватель, даже самый закоруэлый, освирепел: «Они бьют наших детей», — говорил он и переставал неодобрительно относиться к «забастовщикам». Так как для современной молодежи интересно будет узнать, какие требования выдвигали ученики в 1905 г., то я приведу их полностью: — «1) уничтожение карцера, 2) вежливое обращение учителей с учениками, особенно в младших классах, 3) предоставить старшим классам право свободного пользования временем в незанятые часы и в большую перемену, 4) предоставление родителям права свободного выбора квартир для детей, 5) желательно, чтобы начальство не стесняло воспитанников в выборе времени для гуляний, предоставив право надзора за этим родителям, 6) необязательное ношение мундира и ранца, 7) начальство не должно применять принудительных мер в деле религиозного воспитания учеников; необязательное посещение гимназической церкви, 8) право на разрешение посещать театры предоставить исключительно родителям или их заместителям, 9) расширение ученической библиотеки, пользование книгами из фундаментальной библиотеки, свободное посещение публичных библиотек». Как видите, эти требования очень похожи на требования арестантов. А между тем они отражают лишь часть того полицейского режима, который царил в старой самодержавной школе. Требования эти были выдвинуты 8-м классом 1-й саратовской мужской гимназии.

Последними вступили в забастовку приказчики. Их забастовка началась лишь 17 января и длилась от трех до пяти дней. Приказчики ходили толпами и закрывали магазины. Их разгоняли раз'езды полиции, но они снова собирались и продолжали свою работу до тех пор, пока не закрылись магазины не только на главных улицах, но и на рынках. Даже знаменитый люмпен-пролетарский «толкучий» рынок демонстративно пустовал в течение целых суток...

IV. ФЕВРАЛЬСКАЯ ЗАБАСТОВКА.

А. Забастовка рабочих.

Под влиянием борьбы рабочего класса во всей стране, о которой местные рабочие узнавали из газет, прокламаций и информационных листков революционных организаций, из речей ораторов на многочисленных митингах, под влиянием частичных январских побед и нарушений предпринимателями данных ими обещаний, наконец, вследствие роста сознательности у тех групп рабочих, которые не могли в период январской забастовки достаточно ориентироваться в положении, в феврале поднялась вторая забастовочная волна, имевшая главным образом экономические задачи.

На этот раз начали забастовку рабочие мукомольных мельниц. 7 февраля, с утра, бросили работу на мельницах Бореля, Рейнеке, Шмидта, Богословского, Степашкина, Генинга и Смирнова. Экономические требования были пред'явлены лишь на другой день (8 февраля). В забастовке участвовало 1.400 ч. 8 февраля толпа мельничных рабочих пошла снимать рабочих лесопильных заводов. К 12 ч. дня лесопильные заводы остановились (8 заводов с 230 рабочими). Попытка снять рабочих завода Беринга не удалась, так как находившаяся на заводе охрана помешала этому, разогнав толпу. В этот день беринговцы были вялыми и колебались примкнуть к общему делу [1]). В тот же день бросили работу рабочие завода б. Гантке и рабочие Волжского сталелитейного. На последнем, в отличие от январской забастовки, рабочие решили закончить мартеновскую плавку и заставили мартеновцев работать до 5 ч. вечера, после чего на заводе не осталось ни одного рабочего.

9 февраля на несколько часов бросил работу завод Беринга и остановилась работа в судостроительных мастерских инженера

[1]) Причина этих колебаний коренилась в тяжелом финансовом положении завода; забастовки, срывающие исполнение заказов, могли привести к закрытию завода.

Бари (500 ч.). 11 февраля «пошабашили» рабочие мастерских и депо Ряз.-Ур. жел. дороги. Того же числа забастовали рабочие свечного завода и мыловаренного завода Арно. 17 февраля забастовали самые забитые рабочие ассенизационного обоза. Общее количество бастовавших рабочих в эту вторую стачку равнялось 6.240 ч. Следовательно по количеству участников волна этой забастовки была короче январской, но зато в ней принимали более активное участие менее квалифицированные рабочие. Рабочие фабрики Левковича и маслобойных заводов опять остались вне забастовки. Последние, не считая возможным оставаться «безмолвными», когда «современное течение мысли, клонящееся к улучшению всех сторон быта рабочего класса, касается непосредственно и нас, рабочих на маслобойных заводах», и «вместе с тем не желая нарушить мирное течение труда путем забастовки», обращались с «покорнейшею просьбой» к начальнику губернии о побуждении хозяев к улучшению быта рабочих. Трудно было этот кадр рабочих вырвать из рук полицейской зубатовщины и религиозной гермогеновщины. Длительность забастовки была несколько выше длительности январской. По отдельным предприятиям (наиболее крупным) и группам рабочих она исчислялась [1]): для мастерских и депо жел. дор. в 5 суток (с 11 по 16 февраля), для завода б. Гантке в 14 суток с небольшими перерывами (с 8 по 22 февр.), для Волжского сталелитейного в 13 суток (с 8 по 21 февр.), для мельниц в 8 суток (с 7 по 15 февр.), для лесопильных заводов в 6 суток (с 8 по 14 февр.) и т. д. Всего потеряно до 31.200 рабочих дней. Требования, которые пред'являлись рабочими, см. в Приложении № 2.

Требования февральской забастовки характеризуются двумя чертами: 1) понижением размера требований, например, заработной платы, 2) настойчивым повторением прежних требований, из которых на первом плане стоят вопросы длительности рабочего дня, сверхурочных работ и организации особых примирительных комиссий на предприятиях, составляемых или целиком из выборных от рабочих или наполовину от рабочих и наполовину от администрации. Предприниматели снова вынуждены были итти на уступки.

Владельцы мукомольных мельниц пошли на прибавку в 2 р. тем рабочим, которые получали до 35 руб., постановили не работать

---

[1]) По данным фабричной инспекции.

в праздники, установленные законом, не штрафовать и никого не увольнять за забастовку. Управляющий Ряз.-Ур. жел. дороги обещал прибавку штатным рабочим на 20%, повышение сдельной платы от 70 к. до 1 рубля и подтвердил исполнение ранее данных обещаний. Администрация Волжского завода лишь отменила штрафы и подтвердила ранее данные обещания. Администрация завода б. Гантке согласилась на 10% увеличения расценка с металлических изделий, на возможное улучшение санитарного положения завода, на устройство купальни, библиотеки; кроме того, было заплачено за четыре дня январской забастовки и уволены четверо рабочих, которых масса подозревала в шпионаже. Содержатели лесопильных заводов накинули 2 р. на заработок тех рабочих, которые получали до 30 руб., и по привеннику в день поденным; за забастовку никого не уволили. Что же касается просьбы рабочих маслобойных заводов, то ответ на нее рабочие получили лишь 12 апреля, когда особое совещание заводчиков совместно с губернатором постановило: «1) плату за зимние месяцы установить в 6 р., 2) заболевшему рабочему немедленно подавать первую необходимую медицинскую помощь и, если окажется нужным, доставить в больницу за счет владельца; обязательное же лечение в больнице отклонить, 3) при приостановке завода рассчитывать рабочих только по истечении срока, на который они наняты, 4) время начала работ оставить прежнее, 5) расчет рабочих производить попрежнему, 6) не обременять рабочих работами, не входящими в круг их прямых обязанностей, 7) улучшить помещения в смысле расширения их и наблюдать за чистотою их, 8) улучшить харч в размерах, просимых рабочими».

Таким образом и после этой забастовки осталось очень много существенных требований, которые не были удовлетворены предпринимателями. Когда же по распоряжению министерства финансов Столыпин стал «пещись» о мерах, «имеющих целью улучшение положения заводско-фабричных рабочих», и созывать особые совещания предпринимателей по отраслям производства, то промышленники получили возможность не исполнять и те обещания, которые они дали рабочим. Отсюда, естественно, должна была возникнуть третья забастовочная волна.

Накоплялась энергия для этой забастовки почти 2½ месяца и развернулась в мае месяце, отразив экономические и политические стремления рабочих.

Б. Движение служащих и ремесленников.

В февральскую забастовку рабочих служащие не прекращали работ за редкими исключениями (например, забастовка служащих в нотариальной конторе Гусакова). Для служащих этот период характерен выработкой своих профессиональных требований на собраниях и организационной работой, на случай дальнейшей борьбы.

На первом месте здесь, как и раньше, стояли служащие управления жел. дороги [1]). 2 февраля они собрались для выработки положения по урегулированию правовых и экономических отношений и для разрешения важного вопроса о выборном бюро служащих для разрешения конфликтов как между самими служащими, так и между служащими и администрацией дороги (на создание такого дорожного бюро согласилась администрация дороги). Собрание это было очень бурным. Главные споры велись вокруг вопроса о том, создавать ли центральное бюро для всей дороги или же наряду с ним еще и частные бюро каждой отдельной службы и допускать ли в бюро начальствующий персонал. По первому вопросу собрание так и не пришло к конкретному выводу. Многие боялись, что частные бюро служб подпадут под влияние местного начальства. По второму вопросу решено ни в коем случае в бюро не допускать административный персонал. Обсуждался также вопрос об установлении связи и солидарности между служащими управления и служащими линейными. Собрание пришло к выводу безусловной необходимости самой тесной солидарности. На этом же собрании была избрана комиссия для выработки устава бюро и наблюдения за исполнением обещаний администрации, данных 15 января. В состав комиссии были выбраны по одному представителю от каждого более или менее самостоятельного отдела управления. Проект был представлен на рассмотрение общего собрания 14 мая, но об этом — в своем месте.

Служащие других крупных учреждений, как губернская и уездная земские управы, городская управа и т. д., собирались также на собрания, формулировали точнее свои требования, обсуждали создание своих примирительных бюро и избирали комиссии, на-

---

[1]) Я не имею здесь в виду движения служащих на линии ж. д. и в губернии. Там были забастовки. В частности 10 февраля в Саратов не прибыли пассажирские и товарные поезда из-за забастовки служащих на линии.

подобие управленской. Всколыхнулись и банковские служащие. На своем совещании они «признали необходимым: 1) нормировать непосильно продолжительный рабочий день, считая желательным норму такового — 6 ч. работы с обязательным ½-часовым перерывом на завтрак, 2) организовать бесплатное пользование медицинской помощью во всех случаях какого бы то ни было заболевания, вызванного условиями и обстановкой труда, 3) улучшить до возможного предела в гигиеническом отношении условия труда, 4) притти к общему решению по вопросу о бесплатных вечерних и праздничных занятиях, исходя из принципа добровольного соглашения на добавочный труд за добавочную плату, 5) выработать такие способы пользования отпусками, чтобы они перестали быть незаконной привилегией меньшинства, а равно и не падали бы непредвиденным бременем на отдельных остающихся лиц, каковое явление признается следствием недостаточного штата служащих, с одной стороны, и пристрастного распределения работы — с другой, 6) создать защиту от полного произвола в распределении и оценке труда служащих, а равно необходимость добиться равной для всех гарантии прогрессивного повышения заработка путем срочных прибавок до предельной нормы. Существующая средняя минимальная плата в 15 р. признана слишком далекой от возможности удовлетворить насущным потребностям даже одного человека, 7) еще более необходимым для всех трудящихся обеспечение пенсией при потере трудоспособности, временной или полной. Кроме того, по докладу бюро была принята политическая резолюция о «бесправии русского гражданина, являющемся следствием узурпации власти со стороны «бюрократии», проникшей во все сферы частной и общественной жизни».

16 февраля на собрании в фельдшерской школе фармацевты и служащие аптек решили избрать комиссию для разработки устава фармацевтического общества, а затем выработали требования: 1) семичасовой рабочий день, 2) выдача столовых не менее 18 р. в месяц и квартирных не менее 7 р., 3) гарантии, что кондиция будет сохранена за прекратившими работу фармацевтами в течение 6 месяцев, 4) эти же требования распространить и на служащих в аптеках женщин, 5) гуманное обращение со служащими. На случай, если бы владельцы аптек не приняли этих условий и разыгралась бы забастовка, фармацевты решили бесплатно приготовлять лекарства для общественных амбулаторий и больниц. Владельцы в своем большинстве отказались удовлетворить требования, и

с 18 февраля началась забастовка, кончившаяся значительной победой фармацевтов.

15 февраля началось сильное движение среди приказчиков, выразившееся в забастовке. Толпы приказчиков ходили по улицам и «закрывали» еще торгующие магазины. В некоторых магазинах происходили драки между владельцами и бастующими. Через три дня некоторое количество требований было удовлетворено, и приказчики стали на работу. Несколько позднее забастовали официанты трактиров и «увеселительных заведений». Требования официантов: 1) для официантов заведений I разряда заработная плата — 10 р. в м., II разряда — 8 р., для трактиров на окраинах — 6 р., 2) для официантов I разряда — ответственность за порчу и пропажу посуды лежит на официантах, но посудницы нанимаются лишь с согласия официантов; плату посудницам выплачивают хозяева, кроме того, должно быть отдельное помещение для хранения посуды; для официантов II и III разрядов никакой ответственности за посуду; 3) улучшение пищи и чая; 4) особое помещение для спанья официантов, при чем безусловно не допускается это на столах и биллиардах, 5) отмена всяких работ, не связанных с специальностью, 6) отмена залогов, штрафов и др. взысканий, 7) неувольнение за забастовку, 8) наем и увольнение с согласия остальных официантов. Через два дня, в особенности владельцы ресторанов I разряда, пошли на уступки, согласившись на 6 р. зарплаты и отмену штрафов, залогов и разных взысканий.

Дружно бастовали портные магазинов Сорокина, Вебера, Энгельмана, Дрезден, Иванова и др. В результате — или общая прибавка на 20% или по 50 к. на штуку и т. п.

Кроме того, бастовали грузчики, требуя вместо 8 р. 50 к. за тысячу пудов 12 р. Подрядчики пытались нанять штрейкбрехеров, но забастовщики так, по их выражению, «намылили головы алахарям», что те сбежали. После этого «грузчик поватажил в революцию».

V. МАЙСКАЯ ЗАБАСТОВКА.

А. Забастовка рабочих.

Большинство саратовских рабочих прекрасно понимало значение международного праздника первого мая. Даже в годы особого усиления правительственной реакции они по призыву нашей организации отмечали этот день то невыходом отдельных групп на работу (1900 — 1901 г.г.), то демонстрацией (1902 г.), то кратковременным прекращением работ и массовками (1903—1904 г.г.). В напряженной обстановке 1905 года, насыщенной борьбой за основные политические и экономические требования, после ряда побед и поражений, после цусимского разгрома и кровавых столкновений между рабочими страны и защитниками старого режима, майская забастовка, во-первых, не могла не быть, а во-вторых, не могла не иметь политического характера. Ход ее во многом походил на ход забастовки январской. Так же организованно выступили «зачинщиками» рабочие металлисты, так же к ним примкнули печатники и так же в дальнейшем процессе ее развития были втянуты менее квалифицированные и совершенно неквалифицированные рабочие и ремесленники. Политический характер выступления был подчеркнут, так же как и в январе, отсутствием в первый день экономических требований. Последние были пред'явлены по окончании демонстративного выступления. Следует также отметить еще одну особенность — попытку в день 1 мая устроить на центральной городской площади политическую рабочую демонстрацию. Полиция ждала ее и готовилась произвести кровавую бойню, чтобы «охладить пыл зарвавшихся забастовщиков». Инициаторами демонстрации были социалисты-революционеры. Однако наш комитет, учитывая обстановку, решительно восстал против этой инициативы, и под его влиянием рабочие не послушались эсеровского призыва, кроме небольшой группы, которая, увидев военные наряды, должна была оставить свою затею.

2 мая забастовали: железнодорожные мастерские и депо, ж.-д. мастерская в Князевке, заводы: Беринга, б. Гантке, Волжский сталелитейный, типографии, лесопильные заводы, завод Макарова, завод Терентьева, бумажная фабрика Тихомирова, табачная фабрика Левковича и ряд ремесленных предприятий (сапожных, заготовочных, портняжных и т. п.). А всего в этот день не работало 27 предприятий (без ремесленных) и 5.820 ч. 3 мая прекратили работу: завод Коробова и многие предприятия ремесленного типа. С 4 мая начинается отлив забастовки в мелких предприятиях. Крупные держатся до 20 мая. Длительность забастовки в отдельных, крупных предприятиях исчисляется: 1) для ж.-д. мастерских и депо 9 суток, 2) завода Беринга 19 суток, 3) для завода б. Гантке 19 суток, 4) для Волжского сталелитейного 20 суток, 5) для бумажной фабрики Тихомирова 4 суток, 6) для типографий 6—8 суток, 7) для лесопильных 2—3 суток и т. д. Потеряно за забастовку свыше 60.000 рабочих дней. Следовательно, эта забастовка была значительно упорнее забастовок предыдущих. По количеству участников она была несколько меньше предыдущих, а именно: меньше январской на 19% и меньше февральской на 4%. Впервые в забастовку была втянута табачная фабрика Левковича. Вне забастовки остались мельничные рабочие, кроме рабочих мельницы Рейнеке, и рабочие маслобойных заводов.

Требования рабочих многих заводов (Беринга, б. Гантке, Коробова, Волжского, ж.-д. мастерских и др.) начинались уже известными читателю политическими «пунктами». Экономическая часть состояла: А) У рабочих ж.-д. мастерских в требовании: 1) установления 8-часового рабочего дня, 2) повышения всем рабочим поденной платы на 20%, 3) утверждения новой, составленной рабочими и пред'явленной управлению, расценки на сдельные работы, 4) неувольнения рабочих за забастовку, 5) осуществления обещаний, данных в предыдущие забастовки; рабочие ж.-д. мастерских в Князевке требовали, кроме того, «запрещения игры в карты во время перерывов в мастерских, так как она развращает молодое поколение»; Б) у рабочих прочих механических заводов, кроме требований, типичных для прошлых забастовок, были выдвинуты требования: 1) восьмичасового рабочего дня, 2) увеличения заработной платы на 20—25%, 3) государственного страхования рабочих, 4) подчинения фабричной инспекции рабочему контролю, 5) введения института фабричных инспектрисс, 6) устранения детского труда и урегулирования труда женщин, 7) приема

учеников с окладом не менее 30 к. и с обязательной ежегодной прибавкой в 15% до нормального оклада в 1 р. 20 к.; В) у типографских рабочих (в особенности в типографиях всех трех местных газет) требования сводились к следующему: 1) месячное жалованье каждого наборщика определялось в 35 р., 2) за ночные дежурства, считая их с 6 ч. вечера до 1 ч. ночи, плата определялась в 1 р. 50 к. за каждый час работы после 1 ч. ночи по 25 к.; дежурных наборщиков должно быть 4 человека, из них по очереди два платных и два бесплатных; 3) за работы в праздничные дни, равно как и за дежурства в эти дни плата должна была быть двойная, 4) сдача материала в набор не должна производиться позже 3—4 ч. пополудни, 5) выдача жалованья наборщикам должна производиться 1 и 15 числа каждого месяца, 6) прием и увольнение наборщиков должны производиться особым бюро из хозяев и наборщиков, 7) полная плата жалованья за время болезни в течение 3-х месяцев, 8) полная плата за время забастовки, 9) лечение (помощь врача и лекарства) за счет хозяев, 10) улучшение санитарных условий, 11) «урок» должен быть — 240 строк корпуса или 200 строк петита, 12) не начинать работы до удовлетворения требований.

Прочие рабочие выдвигали требования того же характера, что и металлисты, варьируя их в зависимости от условий работы своего предприятия. Для характеристики требований ремесленных рабочих приведу требования бастовавших столяров и пекарей. Первые требовали: 1) установления 10-часового рабочего дня (с 6 ч. утра до 6 ч. вечера с 2-часовым перерывом на обед и завтрак, при чем в субботу работа должна кончаться в 5½ ч. вечера), 2) не допускать при сдельных работах сверхурочного времени; при поденных же сверхурочные работы допускать лишь в размере 6½ ч. в неделю на одного подмастерья; считать каждый час сверхурочных за 1½ ч.; на каждую сверхурочную работу должно иметься разрешение цеховой и подмастерской управ; 3) отменить срочные наймы, 4) установить минимум поденной платы в 75 к., 5) уплачивать заработную плату в рабочее время, еженедельно и по субботам, 6) запретить увольнять подмастерьев без предупреждения за неделю, 7) не допускать к работе без подмастерских свидетельств, 8) отменить содержание и квартиру у хозяев, оставив их лишь для учеников, для которых должна быть обязательно выносная койка, 9) не употреблять учеников для переноски тяжестей и не занимать их никакими домашними работами, а учить ремеслу, 10) вежливое обра-

щение со стороны хозяев с подмастерьями, 11) установить для подмастерьев образцовые расчетные книжки, 12) улучшить санитарно-гигиенические условия в мастерских, 13) учредить особую комиссию для разрешения конфликтов. Пекаря вынесли следующее постановление: «Мы, подмастерья калачного цеха, обязуясь исполнять работы мастера с должным вниманием и усердием, вести себя трезво и честно и не причинять вреда и убытка мастеру, с своей стороны требуем: 1) установить 10-часовой рабочий день, 2) установить праздничный отдых, 3) отменить сверхурочные работы, 4) установить поденную плату не ниже 1 руб., 5) выдавать заработную плату в рабочее время, еженедельно по субботам, 6) предупреждать за неделю об увольнении, 7) отменить совершенно содержание и квартиру у хозяина, оставив их лишь для учеников, но при условии отдельного от мастерской помещения, 8) вежливое обращение с подмастерьями и учениками и т. д., как у столярных подмастерьев. Кстати, забастовка пекарей на несколько дней оставила город без местного хлеба.

Подняв сознание рабочих на высшую ступень, забастовка в материальном отношении дала сравнительно незначительные результаты. Предприниматели, поддержанные правительственной администрацией, сделав самые ничтожные уступки, во всем существенном решительно отказали. Больше того, они на многих заводах уволили всех рабочих, а затем принимали «более послушных», оставляя за бортом «элементы неблагонадежные». Первым эту кампанию закрытия и расчета открыл управляющий железной дорогой Кандауров. На второй день забастовки в мастерских он подписал следующее об'явление к рабочим:

«В январе месяце с. г. мастеровые и рабочие саратовских мастерских прекратили работы и пред'явили ряд своих пожеланий. Управление дороги отнеслось к таковым желаниям рабочих с полным вниманием и пришло с рабочими к соглашению, выяснив, какие из числа желаний рабочих оно может выполнить и какие вынуждено отклонить. Затем Управление по мере разработки дела постепенно осуществляло свои обещания, и в настоящее время осталось еще неосуществленным лишь введение новых расценков на отдельные работы, каковые расценки и находятся в разработке, почти закончены и в течение мая месяца будут введены. Несмотря на такое положение дела, рабочие саратовских мастерских 2 мая вновь прекратили работы и 3 мая, не начиная работы, заявили ряд новых требований. Усматривая из такого положения дела, что

мастеровые саратовских мастерских не имеют серьезного намерения продолжать работы при нормальных условиях, т.-е. при строгом соблюдении своих обязательств, так как прекращение работ составляет коренное нарушение этих обязательств, и не имея возможности удовлетворить новые желания рабочих, делаю распоряжение, чтобы с 4 мая саратовские паровозные мастерские для работ были закрыты и выдать рабочим расчет согласно установленных на дороге правил. О дне выдачи расчета будет об'явлено начальником саратовских мастерских».

За Управлением последовали хозяева заводов «Сотрудник» и б. Гантке. На последнем были рассчитаны все рабочие на основании следующей телеграммы правления: «Требования рабочих даже не рассматривать. Через три дня выдавайте расчет. Никаких зачетов и пособий не выдавать». Обратно на работу из 600 ч. было принято лишь 150. Также был закрыт Волжский сталелитейный. Владельцы типографий попытались проделать то же самое, но это им не удалось за отсутствием на рынке труда типографских рабочих и за невыгодностью для них же самих длительной остановки предприятий. На закрываемых предприятиях была поставлена усиленная военная охрана, достигавшая, например, в ж.-д. мастерских, целой роты солдат. Среди рабочих были произведены аресты наиболее активных «подстрекателей». В частности, в черном досье охранки были отмечены как активные революционеры следующие рабочие железно-дорожных мастерских и депо: 1) Агафонов Ефим Семенович, 2) Архаров Селиверст Романович, 3) Архипов Петр Михайлович, 4) Бемер Карл Генрихович, 5) Библиев Иван Александрович, 6) Бурмистров Федор Агафонович, 7) Бычков Сергей Иванович, 8) Богачев Федор Петрович, 9) Воронков Федор Федосеевич, 10) Гросс Эрнест Фердинандович, 11) Давыдов Петр Кондратьевич, 12) Денисов Панкрат Павлович, 13) Драгункин Иван Емельянович, 14) Егоров Владимир Алексеевич, 15) Ермолаев Иван Михайлович, 16) Иванников Егор Михайлович, 17) Клочков Петр Иванович, 18) Колчин Иван Александрович, 19) Комаров Николай Иванович, 20) Максимов Иван Ефимович, 21) Молчанов Павел Николаевич, 22) Назаров Степан Васильевич, 23) Новиков Михаил Андреевич, 24) Покровский, 25) Прядильщиков, 26) Резцов Василий Алексеевич, 27) Савин Александр Михайлович, 28) Сорокин Яков Алексеевич, 29) Судачков Михаил Иванович, 30) Сулье Алексей Михайлович, 31) Тарханов Константин Григорьевич, 32) Шамин Федор Осипович — слесаря, токаря, кузнецы, рессорщики по профессии.

Этот об'единенный удар правительственной администрации и промышленников на некоторое время дезорганизовал рабочую массу, но не обескуражил и не принизил революционного настроения. Он показал, что, чем дальше идет борьба, тем сильнее и жестче будут защищаться господствующие классы, и что для успешности борьбы мало стихийных стачек, а нужна достаточно сильная массовая организация в виде профессиональных союзов. Поэтому-то первые месяцы второго полугодия (до октябрьской забастовки) наполнены кипучей работой масс над своими профессиональными и политическими организациями.

Агитационный по преимуществу период прошел.

Начался период организационный.

Б. Майское движение служащих.

Несмотря на ярко выраженные политические симпатии саратовских служащих (симпатии с социалистическим налетом), майская забастовка рабочих не повлекла за собою забастовки служащих. Было лишь индивидуальное или частично групповое прекращение работ. Наиболее революционно настроенные служащие приходили к рабочим и просили их направиться к учреждениям (в особенности к управлению жел. дороги) и снять служащих, но рабочие были заняты своей борьбой, с одной стороны, а с другой — все учреждения превращены были правительственной администрацией в маленькие крепостцы. Рабочим пришлось бы вступать в серьезную борьбу с охраной, в результате которой произошла бы нецелесообразная растрата рабочих жизней.

Однако нельзя сказать, что майская забастовка рабочих не оказала влияния на служащих. Они сделали из нее тот же вывод, что и рабочие, т.-е. они пришли к заключению, что им необходимо организоваться в союзы и при посредстве их, выбирая наиболее выгодные моменты, вести борьбу как за осуществление политических задач, так и задач экономического характера. Кроме того, майская забастовка обнаружила то, что в начале года не бросалось в глаза, а именно: классовое расслоение служащих и на этой основе — их политическую диференциацию. Наиболее активными оказались опять-таки управленцы. Несмотря на полицейский террор, они собрались 14 мая формально для рассмотрения проекта устава общества взаимопомощи, а фактически для обсуждения сложившейся обстановки. Нельзя сказать, что собрание это бли-

стало наличием всех служащих. Собралось лишь человек 200. На собрании было доложено о результатах работ комиссии, избранной еще 2 февраля. Выяснилось, что благодаря мерам правительства, которое ввело военное положение на всех дорогах и признало требования служащих (о более правильном распределении жалованья и наградных, об организации бюро и т. д.) «незаконными и неприемлемыми», все завоевания служащих полетели прахом. Поэтому комиссии пришлось вместо выработки устава бюро вернуться к уставу общества взаимопомощи и переработать его применительно к потребностям момента. Кроме того, было доложено об образовании с'ездом железнодорожников в Москве (20 апреля) «Всероссийского союза железнодорожных служащих» и предложено собранию высказаться по этому вопросу. При обсуждении и проявилась, между прочим, та классовая диференциация, о которой я упоминал. Большинством двух третей собрание приняло резолюцию, одобряющую беспартийную платформу «Всероссийского союза», и решило к нему присоединиться. Полный текст резолюции гласил: «Служащие Ряз.-Ур. жел. дор., признавая учрежденный 20—21 апреля с. г. в Москве на с'езде «Всероссийский Союз железнодорожных служащих» фактом, вполне отвечающим нарождающимся потребностям, в собрании своем решили присоединиться к этому Союзу». И лишь одна треть под нашим влиянием отказалась от присоединения, считая, что подобный беспартийный, политически расплывчатый и об'единяющий в своих рядах служащих всех рангов, включая и начальствующий персонал, союз не может бороться последовательно за истинные интересы пролетарских слоев служащих.

Проект устава о-ва взаимопомощи, предложенный комиссией, был с некоторыми поправками утвержден. Устав предусматривал: 1) распространение среди членов о-ва полезных знаний, путем устройства лекций, докладов, бесед, библиотек, читален, музея, пособий и т. п., 2) содействие в приискании службы или занятий членам о-ва, 3) содействие членам в воспитании их детей, 4) содействие в удешевлении продовольствия и квартир. Действительными членами могли быть все служащие на жел. дор., штатные и нештатные. Членский взнос для лиц, живущих в месте пребывания о-ва, — 1% годового оклада жалованья, а для остальных — ¼ (квартирные к учету не принимаются). Для членов-«соревнователей» установлен взнос в 3 р. в год.

Изыскивая легальные формы для организационного сговора служащих всей дороги, управленцы подняли вопрос о пересмотре уста-

ревшего устава ж.-д. пенсионной кассы. Управляющий дорогой согласился и назначил выборы от служащих с таким расчетом, чтобы от каждых 300 ч. был один уполномоченный. С'езд был назначен на 6 июля, но не в Саратове, а в Тамбове. 18 мая выборы в Саратове были произведены, при чем в уполномоченные прошли: 1) от управления дороги — А. И. Бродский, В. Н. Козлов, П. Н. Казанцев, П. С. Ильченко, 2) от товарной станции — К. Ф. Абазаев, В. В. Волынский, 3) от мастерских — А. Н. Поляков, Д. И. Сундечич, 4) от депо—П. Н. Молчанов, 5) от ж.-д. флотилии—А. А. Маслов.

11 мая собрались в помещении городской управы конторские и банковские служащие, которые по заслушании докладов о политическом и экономическом положении этого рода служащих постановили: «Рассмотрев условия жизни конторских служащих, собрание находит: 1) полную зависимость от усмотрения работодателей при полной материальной необеспеченности, 2) единственный верный путь к улучшению положения — это организация служащих в профессиональный союз, могущий отстаивать их интересы, 3) значение и роль таковых союзов, однако, тесно связаны с правовым положением российского гражданина вообще. При настоящем же положении гражданин устранен от всякого влияния на законодательство, лишен свободы слова, собраний, союзов, благодаря чему возможность защиты профессиональных интересов неразрывно связана с неотложной необходимостью обновления русской жизни вообще путем предоставления народным силам законодательной власти через представителей, избранных на основе всеобщей, равной, непосредственной и тайной подачи голосов, как равно и немедленное предоставление всем гражданам без каких-либо исключений права собраний, союзов, при полной свободе как устного, так и печатного слова, и гарантии неприкосновенности личности и жилища. В целях содействия к осуществлению вышенамеченных целей собрание считает необходимым предпринять теперь же подготовительные работы для организации союза банковских и конторских служащих с далее намеченной целью союза союзов и для этого постановляет избрать постоянное бюро служащих в кредитных учреждениях и конторах г. Саратова, которому поручить войти в соглашение с подобными же учреждениями, могущими возникнуть в других местах России, на правах представителей саратовских служащих для совместной работы в направлении намеченных целей; предоставить бюро оповещать о ходе дел путем издания бюллетеней, а в экстренных случаях необходимости принятия общих решений —

путем созыва общих собраний — обязать бюро принимать к рассмотрению и снабжать мотивированными резолюциями докладные записки служащих, относящиеся к деятельности бюро, предоставить бюро средства на текущие расходы путем самообложения. Предоставляя бюро неограниченное право инициативы в дальнейшем избрании путей к достижению намеченных целей, собрание предлагает таковому немедленно приступить к организации товарищеского суда и войти теперь же от имени служащих к управления местных кредитных учреждений и контор с предложением уменьшения продолжительности операционного дня в течение летних месяцев по меньшей мере на 1 час».

Прочие служащие и представители «вольных профессий» шли теми же путями организационного строительства «с дальнейшей целью союза союзов».

VI. МИТИНГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1905 ГОДА.

Митинговое движение началось в Саратове еще в декабре 1904 г., отражая «эпоху банкетов» в стране. Перечислить все митинги, имевшие место в городе за первые шесть месяцев революции, дело совершенно невозможное; можно сказать лишь, что их было очень много, при чем они принимали различные формы и по классовому своему составу имели различный характер. Поэтому я дам описание лишь наиболее важных митингов, являющихся определяющими для развития революционного движения.

Первый такой митинг мне пришлось видеть в Саратове 17 декабря 1904 г. Носил он характер настоящего интеллигентского банкета и был посвящен памяти известного литератора А. Н. Пыпина. В зал Коммерческого собрания набилось до 1.000 чел. разной публики, по преимуществу местной интеллигенции и учащихся; было и несколько десятков рабочих, из которых значительный процент падал на типографов. На председательское место был посажен граф Нессельроде, недавно приехавший из Парижа и фрондировавший своим либерализмом. После речи одного адвоката, посвященной характеристике А. Н. Пыпина и тем преследованиям, которым он подвергался, «как и все русское общество», со стороны самодержавного порядка, — начались политические речи. Выступали: эсер А. А. Герасимов, либералы С. Е. Кальманович и А. М. Масленников, эсер Н. Д. Россов, наши — Канатчиков, И. П. Гольденберг и Горьков. Выступали и другие ораторы, при чем речи их сводились к той или другой, более мягкой или более резкой критике правительства и того положения, в которое поставлен народ. Аудитория горячо принимала ораторов. Наибольшее сочувствие встретили речи А. А. Герасимова и И. П. Гольденберга. Банкет закончился к трем часам ночи принятием следующей резолюции:

«17 сего декабря члены Саратовского литературного о-ва, редакции местных периодических газет, сотрудники их, литераторы и представители различных слоев населения собрались на общий банкет почтить память почетного гражданина г. Саратова, ученого и журналиста А. Н. Пыпина. Более 50 лет раздавался его убежденный голос в защиту правопорядка и свободы, отсутствие которых довело Россию до настоящего невыразимо тяжелого положения. Материальная и духовная нищета народных масс, политическая и культурная отсталость во всех проявлениях государственной и общественной жизни, пошатнувшееся международное положение и в довершение всего кровопролитная война, в которой гибнут лучшие силы страны, — таковы результаты бесконтрольного бюрократического режима при полном бесправии и безгласности общества. Только в последнее время, уступая настойчивым требованиям наиболее сознательных элементов населения, правительство признало неотложность существенных изменений современного порядка в смысле ограничения административного произвола и большей свободы печати. Исходя из того убеждения, что в настоящее время общество еще более обязано откровенно указать все недостатки существующего государственного строя и его непримиримое противоречие с современными запросами общественности, мы, нижеподписавшиеся, не находим лучшего способа почтить память покойного писателя, как, следуя его заветам, открыто и ясно высказать, при каких именно условиях русская печать действительно может выполнить свое высокое призвание. Условия эти следующие: 1) чтобы печать могла говорить всю правду и быть истинной выразительницей всех нужд и желаний страны, необходимы: а) немедленная отмена всех ограничительных циркуляров и административных взысканий, б) полная отмена предварительной и всякой другой цензуры, в) отмена всех законоположений, устанавливающих особый род преступлений печати и исключительную наказуемость их

Иосиф Петрович Гольденберг.

внесудебным порядком, г) издание закона, обеспечивающего ответственность печати только перед независимым и гласным судом присяжных и притом лишь за преступления, предусмотренные общим уголовным законом, д) право на издание периодических изданий, как равно и на открытие книжных лавок, библиотек и читален, устройство народных чтений и народного театра должно быть предоставлено всем, не лишенным прав по суду, без всякого предварительного разрешения или внесения залога и т. п. ограничений, е) никаких ограничительных правил и каталогов для народного чтения, народных библиотек, читален и народного театра не должно существовать, и все произведения печати должны быть одинаково доступны всем слоям населения как в чтении, так и на сцене; 2) для существования действительно свободной и независимой печати безусловно необходимо всем гражданам, в том числе и писателям, чтобы были обеспечены свобода и неприкосновенность личности и широкая свобода союзов и собраний; ввиду этого необходима отмена временных правил об усиленной охране и административной ссылке, а также замена существующего исключительного порядка преследования государственных преступлений общим порядком уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей и при соблюдении всех других условий правильного суда и следствия; 3) чтобы создать точные гарантии фактического осуществления всех вышеуказанных условий свободы печати, необходимо участие народа в законодательстве страны через представителей, избранных на основании всеобщего, равного избирательного права, и постоянный контроль их над деятельностью исполнительной власти; только при установлении начала ответственности всех должностных лиц перед общим судом и ответственности министров перед собранием народных представителей сделается невозможным возвращение нынешнего невыносимого для печати порядка».

8 января, накануне открытия губернского земского собрания, которое должно было откликнуться на постановление всеимперского с'езда земских деятелей в Петербурге (6 ноября 1904 г.), по инициативе нашей организации был устроен в чайной на Пешем базаре, под флагом литературно-музыкального вечера, митинг рабочих, собравший до 1.500 ч. Председателем митинга был избран с.-д. доктор А. В. Узембло. Выступало пять или шесть ораторов, в том числе Гольденберг, Ляховецкий и Тихорский. Речи их сводились к раз'яснению резолюции, отпечатанной и распространенной техникой нашей организации (см. резолюцию-петицию 975-ти).

Это был первый, большой, рабочий и социал-демократический митинг. Опоздавшая полиция никак не могла пробраться через густую и враждебную массу на сцену, где говорили ораторы, «своевременно прекратить митинг» и взять на заметку ораторов. Митинг закончился принятием с.-д. резолюции, которая была направлена для оглашения на происходившем в то же время заседании в Коммерческом собрании.

10 января в Коммерческом клубе был устроен традиционный вечер в пользу недостаточных студентов Московского сельскохозяйственного института. Собралось свыше 1.000 ч. учащейся молодежи, рабочих и людей «либерального общества». Как тогда полагалось, все ждали, что вечер закончится политическим заседанием, ничего особенного не представляющим. Однако произошло иначе, и этот митинг сыграл крупную организационную роль для проведения январской забастовки. На вечер были принесены первые телеграммы о расстреле рабочих в Питере.

Семен Иванович Канатчиков.

Уже начали кружиться пары под звуки салонного вальса, как вдруг в зал ворвалась толпа возбужденных людей, из среды которых кто-то крикнул: «Нет места танцам... нет места веселью, когда наших братьев расстреливают тысячами». Сообщение о расстреле быстро облетело всех присутствующих, которые потребовали немедленного открытия собрания. Митинг открылся под председательством старого народника А. С. Чумаевского. Ораторы, по преимуществу эсеры, выступали с страстными речами, которые подняли настроение митинга до готовности немедленно строить баррикады. Основным лозунгом был призыв устроить на завтра на Соборной площади демонстрацию и в случае нападения полиции «ответить на насилие—насилием». Один из ораторов, кажется, студент Петров, требовал от собравшихся сплоченности и беззаветной отваги во время демонстрации в борьбе с полицией и войсками. Выступавшие из нашей организации главным образом напирали на организацию

всеобщей забастовки. Митинг послужил рупором, через который город узнал о кровавых событиях.

11 января на всех крупных предприятиях произошли митинги, на которых социал-демократы и социалисты-революционеры информировали массу о событиях. В результате, как я уже говорил раньше, началась демонстративная «январская» забастовка. Рабочие, покинув предприятия, искали способа, при котором они могли бы сговариваться относительно своих дальнейших действий и получать информацию о ходе забастовки в городе и во всей стране. На третий день забастовки они облюбовали для своих митингов рощу Парусинова, которая была в центре рабочих квартир и рядом с поселком железнодорожников (так наз. Очкинским). Первый большой митинг там был устроен 14 января. На него собралось до 1.000 железнодорожников и рабочих других механических заводов. Выступавшие ораторы призывали рабочих стойко продолжать забастовку протеста, а некоторые звали на политическую манифестацию. Налетевшие и конные артиллеристы и стражники прервали митинг и заставили рабочих разойтись.

Первым удачным митингом, на том же месте, был митинг 16 января, собравший до 3.000 ч. и длившийся с 12 ч. утра до 4 ч. дня. К основному рабочему ядру митинга потянулись все революционные элементы города и тем самым превратили его в «народный» митинг. На митинге выступал неутомимый И. П. Гольденберг и др. Впервые на таком большом собрании выступал я, при чем страшно волновался и благодаря этому не сказал всего того, что бурно кипело и роилось в сознании. Ораторы говорили о роли рабочего класса в революции, о необходимости свергнуть самодержавие, о нарастающем в этом направлении движении в стране и о революционной важности борьбы, которую начали саратовские рабочие как часть общей пролетарской колонны. Всеобщая стачка — это тот способ борьбы, перед которым вынуждены будут спасовать командующие классы, поэтому держитесь, товарищи рабочие, дружно, не становитесь на работу до тех пор, пока не получите удовлетворения на свои требования... Характерная черточка. В то время как всякое зажигательное слово вызывало бурю энтузиастических аплодисментов со стороны учащейся молодежи и служащих, рабочие реагировали с разбором. Напряженно слушая, они как бы на ладони взвешивали вес каждого слова. То, что соответствовало их думам и настроениям, они принимали; то, что имело лишь вид революционной фразы (как это было у эсеров) спокойно

отметалось... Второй характерной чертой митинга была его вооруженность. Разгон митинга 13 и 14 января вызвал среди рабочих озлобление. Призыв нашего комитета: «вооружайтесь, чем можете» и «мы должны дать администрации, если она помешает нам вновь обсуждать наши кровные интересы, должный отпор», оформил это озлобление. Рабочие пришли вооруженные действительно кто чем мог, начиная от револьвера и кончая палкой с навинченной на конце гайкой. Сколько было таких вооруженных, трудно сказать, но общее впечатление было таково, что очень много. Непривычка носить оружие сказывалась в нелепейшем его обнаружении. Как будто бы оно жгло карманы и пазуху.

Полиция на этот раз не решилась разогнать митинг, но кругом расставила засады на случай, если бы митинг решил пойти демонстративно на главные улицы города. Это был первый случай, когда рабочие отвоевали себе явочным порядком право на собрания. Уходя с митинга, они это прекрасно осознали. Уверенность в своих силах увеличилась.

С этого дня в Парусиновской роще пошли чуть ли не ежедневные рабочие митинги, то расширяясь, то суживаясь количественно, в зависимости от расширения или сужения забастовочного размаха. На них рабочие обсуждали политические злобы дня, вырабатывали и формулировали свои требования, решали вопрос о продолжении или окончании забастовки, подсчитывали свои победы и поражения, искали новых форм борьбы...

Кроме Парусиновской рощи, митинги происходили и в других местах. Рабочие собирались на Дегтярной площади, на Соколовой горе, в роще Агафонова и в Вакуровском парке; служащие и лица либерального общества — в здании управления Ряз.-Ур. жел. дороги, в городской управе, в Коммерческом клубе, в фельдшерской школе и в городском театре. Однако в решающие моменты всегда перетягивала Парусиновская роща.

Из последующих митингов отметим лишь два, имевших большое влияние на революционное настроение города. Это — митинг 18 марта в городском театре и майский митинг в Парусиновской роще.

18 марта была устроена лекция о холере. Городской театр был набит публикой до отказа (свыше 2.000 ч.), так как было известно, что эта лекция превратится в противоправительственную манифестацию. По окончании лекции представители либеральной группы, присяжные поверенные Кальманович и Куперник, обратились к при-

сутствовавшему на лекции полицеймейстеру с просьбой разрешить произнести речи на политическую тему. Полицеймейстер запросил губернатора. Тот отказал. Когда этот отказ был сообщен волнующейся публике, она пришла в негодование и встретила сообщение шумом, свистом и криком: «долой полицию!». С галерки начали бросать пачки наших прокламаций, которые обильными и живописными хлопьями падали на бушующую толпу в партере. Из массы стали выступать революционные ораторы, призывавшие не подчиняться требованиям полиции и отбить нападение на завоеванное столь большими жертвами право свободных собраний. Для очистки театра от митинга полицеймейстер вызвал две роты пехоты, которые и расположились у входа в театр. Возмущенная масса, выходя из театра, устроила демонстрацию с пением революционных песен. По адресу полиции и солдат неслись насмешки, брань и революционные выкрики. По знаку командующего пехотой полиция и солдаты бросились на толпу. Произошла безобразная свалка и избиение почти безоружных демонстрантов. Человек сорок было арестовано, при чем пока их вели, многих очень сильно избили. Во время свалки были произведены выстрелы.

Это избиение, произведенное столь наглым образом и коснувшееся «уважаемых общественных деятелей» буржуазного общества, вызвало взрыв негодования и усилило революционное настроение не только рабочих, но и рядового обывателя. Идея вооруженного отпора еще раз получила в этом факте подкрепление. «Сволочь... фараоны... зазнались... погоди, ужо мы вам покажем» — кричали разбегавшиеся демонстранты.

Майский митинг, имевший чисто политический характер, длился с перерывами два дня (1 и 2 мая). В первый день явилось человек 800, во второй — тысячи три. На митинге очень энергично и страстно выступали мы и эсеры. Основные темы: первое мая, японская война и ее прекращение, необходимость свержения вооруженным восстанием самодержавия, создание на развалинах царизма демократической республики. Кроме того, наши ораторы призывали к организации, массовому вооружению и энергичному отпору полицейским налетам. Эсеры обещали террором дезорганизовать ряды царской опричины и звали митинг немедленно («или по крайней мере вечером») двинуться к городскому саду и устроить демонстрацию. Этот призыв не только не встретил сочувствия с нашей стороны, но и вызвал горячую отповедь. Мы считали этот призыв авантюризмом, так как, во-первых, всем было известно, что полиция воору-

жена до зубов и ждет только удобного случая устроить кровопускание, а, во-вторых, наша митинговая масса была не вооружена и не организована для баррикадного боя, которым несомненно должна была бы окончиться демонстрация. Митинг согласился в своем большинстве с нами, и лишь кучка человек в 100—150 последовала за эсерами. Как я уже упоминал, эсеровская синица моря не зажгла, и ушедшие очень скоро разошлись по домам при виде многочисленных полицейских засад. Митинг закончился довольно поздно и несомненно укрепил рабочую массу в необходимости серьезно подготовиться для престоящих вооруженных боев.

VII. ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В УЕЗДАХ ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1905 ГОДА.

Редкость, разбросанность и незначительность предприятий в уездах и уездных городах, за исключением Царицына, Вольска и Покровска, отразились на темпе, размахе и уровне рабочего движения. Забитые средневековыми условиями труда, распыленные по карликовым заведениям, скорее деревенские пауперы (бедняки), чем рабочие, в большинстве неграмотные, политически темные уездные рабочие не могли отозваться на события (в том числе на события 9 января) так, как это сделали рабочие губернского города. Даже в отмеченных выше уездных городах, где концентрировалось значительное количество рабочих, движение запоздало на несколько недель и носило характер по преимуществу движения экономического. Что касается служащих, то они в некоторых городах (Аткарске, Балашове, Камышине) играли крупную роль и шли далеко впереди местных рабочих. Конечно, такая роль выпадала служащим только там, где местные рабочие силы были крайне незначительны. Прослеживая из месяца в месяц уездное движение, можно отметить следующие моменты.

Наиболее яркий отклик на события 9 января имел место в Покровске, лежащем напротив Саратова. Рабочие Покровска начали январскую забастовку на один лишь день позднее саратовцев. Однако первые забастовочные шаги были нерешительными (играли первую скрипку служащие покровских мастерских Ряз.-Ур. жел. дороги, которые прекратили работу во всех цехах 13 января), и лишь к 18 января произошла полная раскачка: в этот день забастовали рабочие покровских жел.-дор. мастерских, а через 15—20 минут прекратили работу и мастерские депо. Толпа забастовавших железнодорожников в количестве свыше 1.000 ч. пошла на костемольный завод об-ва Мейерович. Рабочие завода тотчас же бросили работы и присоединились к бастующим. Тем

же порядком была прекращена работа на местном казенном винном складе. Всего забастовало 2.250 ч. Требования, пред'явленные рабочими на следующий день забастовки, были аналогичны пред'явленным саратовцами. За время забастовки происходил ряд митингов. Столкновений с полицией не было. Забастовка длилась всего три дня. Администрация жел.-дор. мастерских согласилась убавить на один час рабочий день и уволить особо ненавистных монтеров. Мейерович тянул переговоры.

Февральская забастовка началась 15 февраля почти с тем же количеством участников. Жел.-дор. администрация снова пошла на уступки. Мейерович отказался разговаривать со своими рабочими до тех пор, пока они не станут на работу. За это упорство группа анархически настроенных рабочих отплатила поджогом завода, который чуть ли не наполовину выгорел. К движению примкнули и приказчики, выставив следующие требования: 1) уменьшить рабочий день и установить время торговли с 7 ч. утра до 8 ч. вечера, с перерывом на один час для обеда; 2) совершенно прекратить торговлю во все воскресные и двунадесятые праздники; 3) гуманно обращаться с приказчиками и не употреблять обращения на «ты». Торговцы согласились с этими требованиями, выторговав себе лишний час на открытие торговли, т.-е. не с 7 ч. утра, как требовали приказчики, а с 6 ч. утра. Однако и после соглашения некоторые торговцы пытались орудовать по-прежнему, благодаря чему происходили острые стычки между ними и приказчиками. Насколько обострялись отношения, можно судить по следующей заметке в местной газете: «Особенное упорство проявляли владелец двух бакалейно-мучных лавок В. Я. Завгородний и его сын. Приказчики в числе 5 ч. на-днях явились к Завгороднему в лавку с требованием исполнить соглашение. Старик Завгородний схватил нож и стал гоняться за приказчиками по базару. Приказчики спаслись бегством. Выйдя на следующий день в лавку ранее 5 ч. утра, Завгородние нашли около нее уже более 100 приказчиков. Завгородние, однако, не остановились; но лишь только они отворили дверь, как их обоих втолкнули в лавку и стали заваливать двери кулями мела, угля и прочим товаром, лежавшим у лавки. В 6 ч. утра приказчики разошлись».

Майская забастовка прошла также довольно дружно и носила политический характер. Майские митинги обслуживались местными силами и приезжими из Саратова.

В остальных городах, кроме Балашова, в январе не было серьезных забастовок. В Балашове раскачались лишь к концу месяца, к 25 января. В этот день забастовали рабочие жел.-дор. мастерских, пред'явив следующие требования: 1) при потребностях увеличения штата паровозных бригад предоставлять преимущество слесарям депо право замещать должности помощников машинистов, а не принимать вновь на эти должности нештатных помощников машинистов, не имеющих права управления паровозом; 2) увеличить всем поденным плату, как то сделано, по сообщению их, во всех прочих депо и мастерских; 3) как командировки, так и сверхурочные работы оплачивать вдвойне, т.-е. один час за два; 4) отменить приказ № 68 от 26 мая 1904 г. и производить уплату за дни болезни так же, как и за дни поранений; 5) учредить должность штатного бригадира при работах при под'емке паровозов и среднем ремонте их. В заключение заявлялось, что до получения ответа работы прекращаются и движение приостанавливается.

27 января рабочие приступили к работе, получив удовлетворение в виде сокращения рабочего дня до 9 ч. и обещание урегулирования прочих вопросов в общем для дороги масштабе.

Фавральская забастовка втянула уездных рабочих гораздо больше, чем январская. 10 февраля в Аткарске забастовали рабочие местных жел.-дор. мастерских, депо, машинисты и служащие всех отделов на станции. Митинг, на который собрались забастовавшие, решил впредь до удовлетворения требований приостановить движение, за исключением движения воинских и пассажирских поездов. Пред'явленные требования аналогичны требованиям саратовских железнодорожников. 13 февраля был получен ответ управляющего дорогой, которым требования рабочих были разделены на три группы: 1) требования, удовлетворенные полностью (учреждение бюро для разбора конфликтов между рабочими и администрацией, отмена денежных штрафов, обязательный месячный отпуск в течение каждого года, пересмотр устава пенсионной кассы с участием выборных; для служб: телеграфа — трехсменное дежурство и добавочное вознаграждение за внеочередное дежурство; движения — трехсменное дежурство для составителей, сцепщиков и старших стрелочников; агентуры товарной конторы — один свободный день в неделю, уравнение временных кондукторов, прослуживших три года, в правах со штатными); 2) требования, принятые принципиально (прогрессивная прибавка

за выслугу лет; уплата жалованья не менее сметного оклада, плата за сверхурочные работы в конторах депо, дистанций и отделений, улучшение служебных помещений в санитарно-гигиеническом отношении); 3) требования отклоненные (увеличение жалованья всем агентам, получающим менее 100 р. в месяц, на 20—25%, уменьшение рабочего дня для всех служащих до 8 ч., выдача обмундирования как зимнего, так и летнего всем агентам, не получающим его, отвод квартир натурою для всех без исключения агентов).

Заслушав эти ответы, забастовавшие решили стать на работу, но продолжать настаивать на удовлетворении и тех требований, которые остались неудовлетворенными.

14 февраля началась самая крупная, после Саратова, забастовка в Царицыне. С начала движения это была первая забастовка в этом городе, охватившая почти всех местных рабочих, приказчиков и служащих. Начали забастовку рабочие Урало-Волжского завода, при чем единодушия в рабочей среде не замечалось. Многие рабочие не желали прекращать работу. С большими внутренними трениями, даже драками, забастовавшим удалось остановить работы на заводе и пред'явить ряд экономических требований. Прекратило работу 1.928 ч. По просьбе администрации завод получил военную охрану в количестве 100 человек. К вечеру 16 февраля прекратили работу рабочие механического завода Гордиен и Валлос (198 ч.) и толпой направились снимать рабочих на других предприятиях. Этим путем были приостановлены: завод механических изделий Серебрякова (120 ч.), мельницы Гергард и б. Туркина (150 ч.), завод Грабилина (50 ч.), пивоваренный Таппера (30 ч.), 4 горчичных завода (130 ч.) и ряд мелких ремесленных заведений. Всего за три дня не работало 10 предприятий с 2.606 рабочими. 17 февраля бросили работу мастерские т-ва Нобель (600 ч.) и пивоваренный завод Клейнау (22 ч.). 18 февраля забастовало 16 лесопильных заводов (750 ч.) и типографии. 19 февраля примкнули приказчики. При закрытии магазинов некоторые торговцы отказывались выполнить требование забастовавших и вызвали полицию. Полиция с казаками и солдатами стала теснить демонстрирующую толпу. Тогда из толпы выступили ее представители и обратились к полиции с требованием убрать казаков и солдат, закрыть магазины и лавки. Полиция согласилась, и ликующая толпа мирно разошлась по домам. С вечера 21 февраля забастовали официанты всех гостиниц и клубов. Таким образом

в забастовке приняло участие до 5.000 ч. Длительность забастовки была от трех дней до недели. Общие требования аналогичны требованиям саратовских рабочих. Что касается специальных требований, то они выражались в требовании: а) на Урало-Волжском заводе: 1) принять на работу уволенного за агитацию рабочего Зотова; 2) уволить заводского врача за невнимание и грубость; 3) проработавшим на заводе более трех лет выдавать при увольнении месячное жалованье; 4) увеличить заработную плату на 25% и т. д.; б) на всех прочих заводах: 1) увеличение заработной платы на 50%; 2) прослужившим более года выдавать при увольнении месячное жалованье; 3) расценку на сдельные работы устанавливать по соглашению с выборными от рабочих и т. д. Под бурным давлением рабочих предприниматели пошли на уступки. В основном эти уступки сводились: а) на заводе Урало-Волжском: 1) к принятию т. Зотова обратно на работу; 2) к установлению поденной платы вместо прежних 60 к. в 70 к., а прослужившим не менее года — 80 к.; 3) к уплате полностью за 1½ дня забастовки; 4) к удовлетворению тех требований, которые не вызывали значительных расходов или вообще не влекли расходов; б) на прочих механических заводах: 1) к установлению 9-часового рабочего дня, а перед праздниками — 8-часового; 2) к увеличению поденной платы на 10%, а чернорабочим — 80 к.; 3) к установлению минимальной платы подросткам в 30 к. и т. д.; в) на мукомольных мельницах: 1) к установлению 9-часового рабочего дня; 2) к уплате за время забастовки; 3) к увеличению заработной платы на 10%; 4) к уплате половины жалованья за первые две недели болезни рабочего; 5) к уплате проработавшим три года при увольнении месячного оклада; г) на лесопильных заводах: 1) к установлению 10-часового рабочего дня; 2) к уничтожению штрафов; 3) к установлению на «круглый год» поденной рублевой платы; 4) к увеличению заработной платы получающим до 25 р. — на 10%, а от 25 р. до 40 р. — на 2 р. 50 к.; 5) к уплате оклада жалованья при увольнении проработавших на заводе 3 года. Интересны уступки (характеризующие уровень зарплаты взрослых женщин и молодежи) на механическом заводе Серебрякова и у т-ва Нобель; а именно: для взрослых женщин была принята зарплата в 40 к., женщинам от 16 до 18 лет — 30 к., а для младших возрастов и мальчиков до 14 лет — 20 к. в день. Ну-тка, нынешнее поколение, прикинь на весах прошлого свое современное положение!

После этой стачки новая забастовочная волна в Царицыне поднялась только в ноябре и октябре.

В прочих городах февральская и майская стачки не вылились во что-нибудь крупное. В уездах — и того меньше. Там господствовала не рабочая, а крестьянская стихия, которая до поры до времени нахмуренно молчала, приглядываясь к событиям в городах и прислушиваясь к речам представителей революционных партий. Крестьянская лавина двинулась лишь незадолго до известного манифеста о «конституции» и в особенности после него.

«Дана слобода», — говорили крестьяне и... пошли атакой на помещичьи усадьбы.

VIII. ГУБЕРНСКИЕ ЗЕМСКИЕ СОБРАНИЯ.

Центрами цензового либерализма были городская дума и губернское земство. Последнее в первую половину пятого года играло крупную роль и отличалось значительным радикализмом по сравнению с большинством земств других губерний. На мещанскую массу производило большое впечатление, что даже такие «орлы», как князья А. А. Ухтомский, Л. Л. Голицын, В. А. Менде, графы А. А. Уваров, А. Д. Нессельроде, А. О. Медем и такие «господа дворяне», как земские гласные Н. Н. Львов, А. В. Сумароков, М. В. Безобразов, В. Н.Ознобишин, А. А. Павлов и др. — против «пленения государя бюрократическим средостением», а многие даже за «конституцию». Кроме того, земство «с грехом пополам», но все же было «самоуправлением», которое вместе с «выборной» городской управой рассматривалось «как единственное представительство общественных интересов». В представленной на губернское земское собрание 9 января резолюции «плательщиков земских сборов, избирателей и прочих жителей г. Саратове и Саратовской губернии» в количестве 2.393 подписавшихся лиц так и говорилось: «В России нет в настоящее время другого учреждения, которое с большим правом могло бы говорить от имени всех сословий населения. Всякая иная организация представительства есть дело будущего, хотя бы и самого ближайшего, а между тем голос страны, голос русского народа должен раздаться немедленно, чтобы обновление и реформы не остались только в мечтах. Вот почему так велика, так ответственна задача предстоящих земских собраний. Ход русской истории поднимает вас, господа гласные, на такую высоту, на которой не стояло земство во все время своего существования. В настоящий момент вы являетесь выразителями мнения не только своих избирателей, не только плательщиков земского сбора, но и всего населения без различия классовых состояний и положений. Без преувеличения

можно сказать, что сотни тысяч глаз устремлены на вас, что судьба миллионов людей зависит от вашего решающего слова». Даже рабочие, шедшие своим самостоятельным путем, увлекавшие за собой значительные слои служащих, ремесленников и городской мелкой буржуазии, имевшие свои центры — рабочие собрания на окраинах и партийные комитеты, — даже они отдали известную дань земскому авторитету, переслав губернскому земскому собранию свою резолюцию с общеполитическими требованиями. Рабочие считали нужным подтолкнуть земское собрание дальше в сторону определенности политической платформы, чем это имело место в известных 11 пунктах резолюции питерского земского с'езда 6—9 ноября 1904 г. При чем персональным проводником рабочих требований на земском собрании был единственный социал-демократ, член комитета нашей организации, гласный В. М. Обухов.

Сами земские гласные чувствовали себя такими законными представителями населения без различия классов и положений и глубоко и искренно возмущались, когда с нашей стороны указывалось, что земцы — это помещики-дворяне и купцы, способные на защиту лишь своих интересов. Впрочем, среди земцев были и такие гласные из «кулаков» (С. Е. Усачев, П. С. Иконников и др.), которые не чувствовали полной «законности» своего избрания, у них даже прорывались такие мысли: «я был избран крестьянами как их представитель в губернское земское собрание единогласно. Когда я узнал об этом, я был очень польщен и очень гордился. Открылось потом, что эти выборы были так обставлены, что вся им цена — грош» (П. С. Иконников). Об'ективно, конечно, были правы мы. Земская феодально-буржуазная интеллигенция понимала, что начавшееся движение против самодержавия может привести к революции, что в этой революции может погибнуть весь тот уклад, на котором основано господство помещичьего класса; поэтому она и пыталась встать во главе движения и повести его по пути «реформ», а не революции. Кто поведет «народ» — «мы» (земцы), или «они» (революционные партии), — вот основной вопрос, под углом зрения которого проходили собрания саратовского губернского земства. В этом вопросе земские гласные относились очень ревниво не только к «вне стоящим организациям», но и в собственной среде друг к другу. Когда кто-нибудь из гласных пытался демагогнуть своим народолюбием или рабочелюбием, на него тотчас же нападало все собрание, доказывая, что все оно «за народ».

Первым политически значительным заседанием губернского земского собрания было заседание 9 января, на котором встал вопрос об отношении местных земцев к резолюции земского с'езда 6—9 ноября 1904 г. Несмотря на общее желание сохранить свою «надклассовость», земское собрание не только стало в антагонизм с революционным движением, но и внутри себя расслоилось по классовым линиям.

Антагонизм к революционному движению выразился, во-первых, в форме заявлений, что «мы не революционеры, иначе мы не старались бы открыть клапан котла (В. М. Безобразов), что «мы должны сделать все для предупреждения грозных событий; никто не желает кровавых развалин»... (В. А. Менде), что «если Россия будет гибнуть под развалинами пожара, то нам спокойно смотреть на этот пожар невозможно, так как при этом могут быть сметены все культурные приобретения России, и неизвестно, где этот пожар окончится» (А. О. Немировский); а во-вторых, в самой постановке вопроса об отношении к царю и его власти. Они обеими ногами стояли на платформе сохранения монархии и сильной власти царя. «Для России нужна сильная монархическая власть, — говорил наиболее левый помещик Львов, — я понимаю все значение и весь вес исторических преданий, понимаю, какую важность для крепости целого имеет сохранение авторитета верховной власти. Но именно потому я и настаиваю на преобразовании. Нужно высвободить монархию из пленения, сбросить те путы, которыми заковано истинное действие монархической власти на русский народ». «В сущности ведь весь спор идет не о том, так или иначе должна быть ограничена верховная власть, — раз'яснял другой авторитетный земец, А. О. Немировский. — Все дело в борьбе с бюрократическим началом, которое фактически, несомненно, эту верховную власть ограничивает». Лидер правого крыла земского собрания, В Н.Ознобишин не мог переварить даже такой постановки: «ни я, ни народ нового царя, ограниченного — не поймет. Царь — единственный авторитет для народа... я за самодержавие», — заявлял он.

Принимая пункт 10 [1]) резолюции питерского с'езда большинством голосов, собрание мыслило лишь борьбу с «бюрократией»,

[1]) Пункт этот гласил: «Но для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основании вышеупомянутых начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни безусловно

с «выскочками вроде Витте» и мечтало о том, что «государь созовет именно их — земцев — «на великий земский собор».

Другим, наиболее ярким моментом проявления классовых интересов был вопрос о дополнении резолюции питерского с'езда опущенной там свободой стачек. Вопрос этот, поднятый В. М. Обуховым, вызвал горячие прения; при чем земцы с феодальной складкой, «противники буржуазии», после некоторых блужданий между понятиями свободы союзов и свободы стачек (они думали, что свобода стачек входит в понятие свободы союзов), согласились от себя дополнить это право. Земцы же буржуазной складки были против упоминания этого права и пытались подменить его правом на «свободный труд». «Я думаю, — говорил один из них, — что если здесь что надо добавлять, так не свободу стачек, а свободу труда. Свобода стачек основана на том, что каждый имеет право сам не работать, но если стачки доходят до кровопролития (мы видим это и во Франции, например), так происходит это оттого, что стачка нарушает право труда других, не-стачечников, оттого, что нежелающие работать силой принуждают к тому же тех, кто может работать». Баллотировка вопроса проходила под протест П. С. Иконникова, который вопиял: «Как же с этим так решать? Ведь они громят фабрики...».

В результате обсуждения была принята следующая резолюция, адресованная царю:

«Саратовское губернское земское собрание в заседании 10 января, заслушав доклад о происходившем 6—9 ноября 1904 г. в С.-Петербурге совещании земских деятелей, постановило: 1) одобрить действия председателя губернской управы, как одного из участников с'езда и как выразителя желаний, вполне согласных с общим мнением Саратовского Земства; 2) присоединиться к мнению земских деятелей, выраженному в постановлении 6—9 ноября, с добавлением лишь к 6-му пункту слов «свободы науки и ее преподавания и свободы стачек»; 3) выразить глубокое убеждение, что великие начала, возвещенные высочайшим указом 12 декабря, — общий для всех правопорядок и законность, — не могут

необходимо правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и в контроле за законностью действий администрации».

быть проведены в жизнь бюрократическим путем, и наше настоятельное желание, чтобы правительство обратилось к творческим силам страны в лице ее свободно избранных представителей. Лишь постоянное и правильное народное представительство, на основе всеобщего, равного избирательного права с тайной подачей голосов, даст стране столь необходимый ей внутренний мир и возможность развить все великие духовные и материальные силы народа; 4) просить г. саратовского губернского предводителя дворянства, как имеющего право личного предстательства пред государем императором, не отказать доложить его величеству, что Саратовское губернское земское собрание, разделяя вполне вышеуказанные мнения, считает путь внутренних преобразований, намеченный земскими деятелями, единственно верным и единственно спасительным исходом из бедствий, переживаемых нашей родиной. Ослабление материальных средств русского народа, оскудение народного духа, его творческих сил, благодаря всепоглощающей опеке бюрократической власти, должно неизбежно привести к крушению самых устоев государства. Подобно царству, разделившемуся внутри себя, Россия клонится к неминуемому упадку. Мы просим г. губернского предводителя дворянства склонить внимание государя императора к голосу земских людей, уверить. что нами руководит не что другое, как только искренняя преданность государю и пламенная любовь к России; мы ничего не хотим для себя, а все для России. Не смуту мы создаем, а ищем — со всем сознанием важности происходящих событий и со всею добросовестностью — счастливого выхода из тягостного состояния нашего отечества».

Когда земцы получили сведения о «Кровавом воскресеньи», они были поражены как громом. Волнение их было настолько велико, что они могли приступить к заседанию лишь на другой день. Все они чувствовали, что в жизнь вошло что-то новое и грозное, резко отрубающее вчерашнее прошлое от неизвестного будущего. С ужасом пытались они разглядеть это будущее. «По сообщению правительства, — говорил А. О. Немировский, — в Петербурге произошли события, на которые мы не можем не обратить нашего внимания. Там уже пролилась кровь... Кто знает — вспышки ли это случайные, или это зловещие языки большого пожара. По телеграфным сообщениям, то же готовится в Москве...». И на этот тревожный вопрос спокойно отвечает В. М. Обухов: «То, что совершается в Петербурге, можно назвать совершенно ясно —

это революция. Все это было известно заранее, оно предсказывалось многими».

Что же делать? Одни считали необходимым немедленно выработать текст телеграммы в форме адреса к государю с просьбой о немедленном даровании конституции, другие предлагали требовать от губернатора, чтобы он немедленно довел до государя постановление земства, третьи считали нужным, кроме посылки телеграммы, не прекращать заседаний, а начать работу. Последнее предложение выдвигал С. Е. Усачев, который говорил: «Нам не следует теперь раз'езжаться, а нужно работать здесь непрерывно, так как все общество непрерывно работает, а мы, ничего не сделавши, раз'едемся... Когда пожар, тогда его тушат всем: и ведрами, и трубами, и снегом... Будем работать. Мы преданы все государю, но любовь свою соединяем с благом России». В этих словах трепетала мало осознанная мысль о том, что если начинается революция, то земство должно стать властью в губернии впредь до организации новой государственной власти. Но смятение было настолько велико, что земцы то принимали предложения, то снова их переголосовывали и в результате собственно ничего не приняли и закрыли собрание. И не только закрыли, но и раз'ехались по местам.

Попытка некоторых призвать земцев «остаться на страже событий» не увенчалась успехом.

Следующая сессия земства была в марте и не отличалась чем-либо от таких сессий в других губерниях. Она «являлась лишь показателем того, что земцы умели держать свое гражданское слово». В январе они решили не собираться до тех пор, пока не будет дана возможность обсуждать наболевшие политические вопросы. Рескрипт 18 февраля предоставлял им эту возможность. Земцы и собрались на свою сессию. Единственным интересным моментом этой сессии было решение ходатайствовать перед синодом и министерством внутренних дел выступить с опровержениями против той гнусной черносотенной травли, которая широким и грязным потоком расползалась по стране и захватывала также и Саратов. В особенности возмущала клевета о том, что движение против правящей бюрократии субсидируется японцами. Урок политической клеветы, который дан был самодержавным правительством, не пропал даром. Те, кто приходил в ярость от заподазривания в продажности, от «японских миллионов», прекрасно воспользовались тем же методом по отношению к боль-

шевикам в 1917 г., заменив японские миллионы миллионами немецкими. В описываемую эпоху земское дворянство и либеральная буржуазия еще не были искушены «политическим опытом» и решительно требовали прекращения «проповеди междоусобия и человеконенавистничества».

Рост революционного движения, лодзинские и одесские баррикады, первые зарницы крестьянского восстания, цусимский разгром («разгром чести русской»), отказ Николая в аудиенции земцам, репрессии правительства, «которое в ослеплении толкает страну к гибели», вызвали новую волну земского движения. Саратовские земцы на эти события отозвались своей сессией, состоявшейся 15 июля. Основными вопросами этой сессии были вопросы об основах конституционного строя, о двух- или однопалатной системе, о прямых или двухстепенных выборах, о праве голоса для женщин и, наконец, вопрос об организующей роли земства в движении, т.-е. все о той же попытке взять движение в свои руки и «спасти страну от хаоса революции». Я не был очевидцем работ этой сессии, но, считая целесообразным для характеристики земства этого периода изложить содержание ее, я приведу несколько выдержек из рассказа народника Н. Д. Россова, который стоял близко к земству и дал, за исключением своих рассуждений, более или менее верную картину заседаний 15 июля. Вот что он рассказывает:

Председатель комиссии С. А. Котляревский дает об'яснения об однопалатной и двухпалатной системе. Собрание слушает и соглашается с системой двух палат. Положим, «две палаты» были вообще очень популярны в обществе, но зато спор о них был очень упорный; вторая палата отделяла своих защитников от демократической платформы левых фракций; она сосредоточивала на себе такое же подозрение в измене народу, как некогда земские недомолвки по части всеобщего избирательного права и тайной подачи голосов... Естественно было ожидать, что вторая палата пойдет особенно бурно... Оказалось совсем наоборот... Мечты сдавленных центром земцев неизменно направлялись на одно — выкрутиться из-под этой лапы, ослабить ее. Для этого они желали конституции, но конституционная идея в земской среде начиналась также неизменно с мечты о том, что их «призовут». Куда, в каком качестве, — это вопрос обстоятельств. Когда главным обстоятельством русской жизни был г. Плеве, земские люди были бы довольны, если бы им дали возможность посылать в пра-

вительственные комиссии «избранных ими самими людей», вместо «вызываемых» по назначению советчиков. При обстоятельствах полегче, чем Плеве, они может быть захотели бы не в комиссии, а в Государственный Совет... Теперь, когда Россия взбунтовалась окончательно, а начальство было деморализовано настолько, что слова «конституция» перестали бояться даже квартальные, земская мысль естественно вместо «доли» брала себе полную порцию, и вторая палата являлась как бы завершением идеи самого земства... И если гр. А. Д. Нессельроде указывал собранию на историю вторых палат, из которой видно, что «даже тогда, когда они являются в сущности избранными всем народом, они постоянно оказываются тормозом всем благим начинаниям первой палаты», то, с другой стороны, С. А. Котляревский парировал это утверждение ссылкой на неудачный состав французского сената, на-зависимость значения вторых палат от роли местного самоуправления, на то, что даже неудачный сенат сыграл благую роль в эпоху буланжизма, когда первая палата чуть было не продала нацию политическому авантюристу... Вообще принятие однопалатной системы было равносильно для земства полной ликвидации его роли в общегосударственной жизни... Вглядываясь в дебаты о прямой подаче голосов, видишь прежде всего во всех речах, не исключая и сторонников прямой подачи голосов, боязнь той неизвестности, той темноты, которая окутывает этот предстоящий опыт... Кого она («русская земля») пошлет в палату, когда она никого не знает? У нас аппарат не готов, щупальцев нет,—говорит Львов—и боится, что выйдет следующее: «Каждый околодок выберет своего человека, заручившегося чисто местным расположением населения. Будет выбрано множество отдельных лиц... получится недоброкачественный материал». Или будет иначе. Ввиду отсутствия партийного аппарата «те, в чьих руках будут самые выборы — будь это правительственные агенты, или земства, — создадут кандидатуру, через которую никому другому нельзя будет пройти... При таких условиях у вас будут ставленники, а не выборные представители». И что всего вернее, ставленники правительства. На местах «у нас нет никаких организаций, которые могли бы стать рядом с правительственной организацией и с организацией церковной». А затем злоупотребления, злоупотребления без конца. Подкуп, спаивание, застращивание. Боится их С. Е. Усачев, указывающий собранию, что «ведь чего только не сделает русский человек, в частности крестьян, под влиянием этой отравы»

(водки)... Г. Г. Лапицкий, обращаясь к указаниям противников прямой подачи на неспособность русского народа, ставил вопрос так: этого неспособного элемента — 80 миллионов. «Если он неспособен, то, пожалуй, можно спросить, зачем же тогда вообще все эти выдумки о представительстве. И что выйдет, если мы степенными выборами дадим этому народу такое же правительство, каким является само земское собрание? Мы распинаемся здесь, что все, что мы делаем, мы делаем для народа, для «них одних», а ведь он, получивши такое представительство, просто скажет, что «эти господа сами захотели попользоваться властью и нас решили оттереть». В результате прений за прямую подачу высказались 21, за двухстепенную 15... Вопрос о возрасте, дающем избирательные права, занял немного времени. А. О. Немировский боялся слишком молодых людей и напоминал собранию увлечения Конвента; но это как-то не привилось... А затем... выступает на сцену вопрос о женском ибирательном праве... Защитники женщин были многочисленны и говорили гораздо больше и очень категорически... С. Е. Усачев стал говорить об ужасах войны, о разврате, пьянстве. Все это связано с тем, что женщина лишена голоса в политических делах... «Ведь можно сказать, что это мужчина уничтожает Россию. Надо кончить такое положение вещей. Только женщина-мать может внести в эту жизнь чистоту, может исправить ее». Баллотировали вопрос: считать ли женское избирательное право «неотложным условием реформы». И он не прошел: 20 голосов высказалось против, 14 — за.

... Лопнувшее доверие к правительству, оборвавшаяся нить, привязывавшая земство к «государственным верхам» и тем самым обособлявшая его от улицы, опускали его вниз и заставляли искать и себе места там, где сталкивались союзы, группы и партии... Мы слышим призыв к борьбе за влияние. «Мы не имеем в достаточной мере почвы в деревнях, — указывал С. А. Котляревский, — зная деревню, надо согласиться, что та позиция, которую занимает по отношению к ней земство, неясна населению». Чтобы выяснить ее, необходимо выпустить «обращение к населению, в котором мы познакомили бы с нашей программой, с нашими убеждениями, с тем, что мы считаем правильным путем разрешения неотложных нужд народа... Если мы убеждены в своей правоте, то и общество может убедиться в нашей правоте, и мы сможем опираться на понимание и согласие с нами деревни, а это укрепит наши силы и ускорит достижение цели». ...Надо чтобы народ был за земство.

Это хождение в народ земства, эта попытка создать противоестественный союз помещиков и крестьян, конечно, об'ективно не могла увенчаться успехом, и вскоре начавшееся крестьянское восстание отбросило все попытки земства стать во главе движения, более того, оно бросило земство в об'ятия самой черной реакции. Крестьянство, ударив дубиной по помещикам, ударило и земство. Два класса очутились по соответствующим сторонам революционной баррикады.

IX. САРАТОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1905 ГОДА.

Несмотря на ежегодные, систематические разгромы нашей организации жандармским управлением, она вступила в революционный год и качественно и количественно окрепшей. Произошло это по трем основным причинам: во-первых, как я уже упоминал, местная рабочая масса, зажатая в экономические и политические тиски, не имевшая средств легального отстаивания своих насущных, повседневных интересов, об'ективно толкалась на путь революционного подполья, питая его своими лучшими людьми; во-вторых, саратовская мелко-буржуазная интеллигенция, издавна пропитанная революционными традициями, постоянно пополняла кадры организации довольно сильными работниками и, наконец, в-третьих, в Саратов приезжали на работу очень многие поднадзорные, крупнейшие члены партии (А. И. Рыков, Я. М. Свердлов, Смидович, Лядов, Н. К. Крупская, И. П. Гольденберг и др.). Кроме того, имела большое определяющее значение сама структура организации, в своей основе опиравшаяся на фабрично-заводские и учрежденские кружки (своего рода — ячейки).

В начале полугодия организация насчитывала до двухсот членов, в конце — до 600. Как распределялись члены по районам, подрайонам, предприятиям, едва ли теперь кто может сказать. В моей памяти сохранились лишь приблизительные данные о железнодорожных мастерских и заводе Беринга. В начале года в мастерских имелся кружок человек в 20—25, к концу полугодия—до полусотни. У Беринга—сперва человек 10, а затем—до 30. К членам примыкали сочувствующие; в мастерских их считалось человек сто в начале и человек триста в конце полугодия. У Беринга они считались в размере ¼ всего рабочего состава завода.

Наиболее активными работниками организации в это время были: из рабочих — 1) А. А. Петров, 2) Н. П. Прядильщиков,

3) П. И. Клочков, 4) И. А. Колчин, 5) Н. П. Баханов, 6) Ф. Н. Богачев, 7) С. С. Архаров, 8) А. И. Клещевников, 9) С. И. Канатчиков, 10) С. Т. Ковылкин, 11) В. Т. Сергеев, 12) Т. К. Чугунов, 13) А. Жариков, 14) И. Жариков, 15) М. И. Шушков, 16) М. И. Судачков, 17) М. Ф. Воронков, 18) Ф. Ф. Воронков, 19) И. И. Мичурин и др.; из не-рабочих — 1) И. П. Гольденберг (лидер организации), 2) В. А. Миллер, 3) А. Я. Ветров, 4) П. М. Мер(ль)ситов, 5) А. Ф. Ретлинг, 6) Е. Н. Попова, 7) Т. П. Белоногов, 8) Н. Я. Трофимов, 9) Ф. Т. Иванов, 10) П. М. Василевский, 11) М. Б. Самсонов, 12) В. М. Обухов, 13) И. М. Ляховецкий, 14) В. Н. Тихорский, 15) Д. А. Топуридзе, 16) М. Н. Загрубский, 17) В. И. Коваленко, 18) Н. М. Кизичев, 19) М. О. Судавский, 20) А. В. Уземблo и другие.

Елизавета Николаевна Попова.

Преобладание в организации интеллигенции, узы длительных дружеских отношений среди работников организации, тяга рабочих к единству и окружающая организацию количественно подавляющая радикальная мещанская среда не давали идейным разногласиям привести к обостренной борьбе и разрыву. Отсюда расхождение большевиков и меньшевиков, происшедшее в результате II с'езда партии, сперва не было воспринято нашей организацией как решительное расхождение двух течений. Большинство полагало, что это расхождение носит лишь эпизодический характер. Несмотря на то, что руководителем организации был такой по тем временам сильный большевик, как И. П. Гольденберг, она все-таки в целом представляла в некотором роде «болото» с эклектической тактикой. В одни моменты организация применяла оценки меньшевистского типа, в другие — большевистского.

Только по мере роста революционных событий, а вместе с ними и роста классового самосознания у местных рабочих, с одной стороны, а с другой, по мере накопления революционного опыта и по мере выявления того обстоятельства, что меньшевистская так-

тика принижает рабочее движение, превращая его в некий придаток, в некое «пушечное мясо» для буржуазии, у нас началась резкая диференциация и нарастание решительной борьбы за руководство между «беками» и «меками». В особенности этот процесс усилился после III с'езда, оформившего все основные позиции большевизма. Однако и после с'езда «болотистость» нашей организации и даже «болотистость» большевиков сказалась в оппозиции некоторым решениям с'езда, например, решениям по крестьянскому вопросу. Но об этом дальше.

Чтобы дать политическое лицо нашей организации, я остановлюсь на наших решениях по конкретным вопросам текущего момента, т.-е. по вопросам о войне, о всеобщей забастовке, о вооруженном восстании, об отношении к либеральной буржуазии и т. п.

В отличие от меньшевиков, которые видели причину русско-японской войны в династических интересах, в стремлении царствующего дома нарастающий гнев масс отвести от себя на «внешнего врага», мы ставили вопрос о войне чисто по-большевистски, считая, что основной причиной войны является империалистическая политика, стремление капиталистических кругов к захвату внешних рынков. Династическим интересам мы не придавали первенствующего значения. Учитывая также, что военная победа самодержавного режима укрепит его и надолго может связать железными путами революционное движение, мы были определенными пораженцами и несли в массы острый, как меч, лозунг: «Долой войну». В отношении мира наша организация соскальзывала к пацифизму, к формуле «мир, во что бы то ни стало». Эту антивоенную политику наша организация проводила чуть ли не с самого начала войны. Еще в феврале 1904 г. по поводу сборов в пользу раненых и семей убитых мы обращались к железнодорожным рабочим с следующим характерным воззванием:

«Начальство требует, чтобы мы помогали раненым и семьям убитых. Дело хорошее. Но вот о чем надо подумать: несколько лет под ряд в России был голод, вымирали целые деревни. В Саратове и других больших городах каждую зиму скоплялись многие тысячи безработных, неимеющих куска хлеба и теплого угла. Обо всем этом знало правительство, но не собирало денег и даже мешало тем добрым людям, которые имели средства и охоту помочь этим несчастным. Чтобы открыть столовую для голодных, надо раньше спроситься губернатора и жандармского полковника. Та же бесконечная канитель с каждой школой, библиотекой, боль-

ницей для крестьян и рабочих. Почему же теперь это самое бессердечное жестокое правительство так заботится о раненых и требует на них денег? Да просто потому, что деньги эти нужны ему самому, а не раненым. Каждый фабрикант с удовольствием соберет деньги с своих рабочих в пользу увечного. Конечно, из чужих карманов платить куда лучше, чем из своего. Так думает и правительство. Министры знают, что нельзя не лечить раненых солдат, нельзя пустить по миру семьи убитых. Иначе поднимется бунт. Но казенных денег жалко: они пригодятся самому царю, великим князьям и министрам. Лучше уже собрать на раненых с трудового народа, благо он жалеет солдат и слушается начальства. «Ен достанет». Но не слишком ли с нас требуют? Мы платим налоги. Наши братья и сыновья проливают кровь на войне. Городская дума и земское собрание одной рукой дарят правительству сотни тысяч, а другую запускают в наши карманы и вынимают оттуда вдвое. У каждого из нас в семье есть запасный солдат, которого не сегодня-завтра погонят на войну и который оставит жену и детей. Неужели этого всего мало и у нас урвут еще по нескольку рублей, когда на счету каждая копейка? И для кого нужны эти жертвы? Эта несчастная, бессмысленная война кончится либо победой, либо поражением. После победы царь, великие князья, министры, графы, бароны, генералы и инженеры, короче говоря, та шайка, которая правит Россией, — даром получит богатейшие поместья, леса, рыбные промысла, золотые прииски в Манчжурии и Корее. Мы же попрежнему будем надрываться над работой и получать ровно столько денег, чтобы не помереть с голоду. Пусть же бары загребают жар своими собственными, а не нашими руками. Если война кончится победой японцев, России придется уплатить им громадную военную контрибуцию, кроме того, погасить государственный долг, сделанный для войны, понадобятся тысячи миллионов. Все эти тысячи миллионов взыщут с народа. Повысят налог на дома, а хозяева набавят на квартиры — увеличится квартирный налог. Повысят налог на чай, сахар, керосин, спички, табак и другие предметы первой необходимости. Итак, как бы ни кончилась война, она ничего не даст нам,

кроме нового горя, новых страданий. Зачем же мы будем поддерживать ее своими кровными, своими трудовыми рублями? Товарищи! Может быть, кто-нибудь из вас скажет: «Семьи у меня нет, один, как перст, деньги водятся, отдам коли требуют, не стоит ссориться с начальством». Кто так скажет, поступит нехорошо. Если мы все — за одного, начальство с нами ничего не поделает. Если пойдем вразброд, начальство нас одолеет. Придется платить и тому, у кого на плечах старики да малые дети. Если у кого есть лишние деньги, пусть тот лучше сам отдаст их земляку-солдату. Дело будет вернее. Товарищи! Дружно и смело отказывайте начальству. Это будет ему хороший урок. Пусть не залезает в чужой карман, не жертвует чужих денег. Тот из вас, кто уже обещал платить, пусть возьмет назад свое слово. Это необходимо для дружной, единодушной борьбы всех рабочих за лучшую долю, человеческое существование и свободу». ((Печатано на мимеографе.)

22 августа комитетом была переиздана прокламация Центрального Комитета — «Ко всем запасным рядовым», в которой, между прочим, говорилось: «Знайте, что не за народное дело пойдете вы умирать, а за царское самодержавие, за произвол чиновников, не за свободу и счастье народа, а за его порабощение и обнищание будете вы бороться, своими руками будете вы ковать цепи себе и народу... поклянитесь, что, когда вас поведут убивать (рабочих), вы войдете в их ряды и сольетесь в единодушном кличе: «Долой самодержавие и войну! Да здравствует демократическая республика. Да здравствует социализм.» [1]).

21 октября издана комитетом прокламация «К новобранцам», где вина за войну возлагается «прежде всего (на) царское правительство. Ему нужно это бессловесное покорное войско для завоевания новых земель, для охраны награбленных земель, для подавления народного недовольства и раздражения». А затем «виноваты в этом купцы, капиталисты и фабриканты, которым нужно это войско для завоевания новых стран, где бы они могли выгодно продавать свои товары. Им нужно это войско для того, чтобы пулями и штыками усмирять стачки и волнения рабочих, выведенных из терпения прижимками хозяев. Виноваты в этом помещики-дворяне, которым нужно это войско для того, чтобы дер-

---

[1]) Все прокламации сняты с подлинников, хранящихся в саратовском губархиве.

жать в страхе крестьян, голодных, разоренных крестьян, по уши залезших в долги к кулакам и помещикам. Вот кто виноват в этих порядках». Кроме того, в том же духе были изданы комитетом следующие прокламации: 1) «К крестьянам и рабочим» (13 ноября), 2) «Опять мобилизация» (ноябрь), 3) «С войны» — брошюра (октябрь — ноябрь). Такова была наша позиция в отношении к войне. За несколько месяцев до январских событий пятого года мы довольно энергично проводили свои активные лозунги в широких массах местных рабочих и служащих. Благодаря этому пораженчество было общим настроением не только наших масс, но даже и городского обывателя. Оно проникало даже в руководящие слои буржуазно-помещичьего либерализма... Когда Львов на июльском земском собрании сделал отчаянную попытку возбудить «чувство национального достоинства» в войне, он получил в ответ холодную фразу: «Нельзя на основании настоящей войны вызвать патриотические чувства» (гр. А. Д. Нессельроде).

Ход событий до январского расстрела, шум, поднятый либеральной буржуазно-помещичьей оппозицией, спутал на первых порах представление организации о соотношениях классов в начинавшейся борьбе. Организации показалось, что основными силами на арене борьбы являются — царское правительство и буржуазия. Поэтому она, за малым исключением, приняла план меньшевистской «Искры», заключавшийся в том, что рабочий класс и его партия должны поддерживать буржуазную оппозицию, не пугать ее своими радикальными лозунгами и посылать своих представителей с заявлениями, резолюциями-петициями (сама кампания называлась «петиционной») о поддержке всех этих губернских земских собраний и городских дум. В результате такой политики явилась, между прочим, упоминавшаяся ранее «резолюция-петиция 975», представленная на январское губернское земское собрание. Только постепенно, с ростом рабочего движения, с одной стороны, и с выявлением удельного веса «земской оппозиции», с другой, — организация уже накануне партс'езда перешла к политике самостоятельных выступлений рабочего класса. Со второй половины года большинство организации решительно отказалось от политики подчинения рабочего движения движению буржуазному. Надо заметить, что этот переход произошел не только под влиянием учета рабочего движения во всей стране, но и под влиянием движения местных рабочих, которые, в своем сти-

хийном порыве, заняли первое место и своими действиями и отношениями к буржуазии толкали к самостоятельной политике организацию.

Что касается открытых политических выступлений, всеобщих забастовок, подготовки масс к вооруженному восстанию, то здесь наша организация шла большевистским путем. Да иначе было и нельзя, ибо в противном случае произошел бы разрыв между стихийным рабочим движением и организацией, что в свою очередь привело бы к потере исторически сложившегося нашего авторитета и к захвату влияния эсерами.

Благодаря спайке организации с массовым движением влияние наше во всех областях борьбы было преобладающим, а во многих случаях совершенно безраздельным. Энергия же организации была настолько велика, что, несмотря на многочисленные аресты, она поспевала за головокружительным темпом событий, и рабочие всегда имели наш своевременный ответ на каждое явление или событие как общего, так и местного значения. Так как эти ответы имеют определяющее значение для характеристики руководящей работы организации, то я приведу наиболее существенные прокламации, в которых заключались эти ответы.

На «Кровавое воскресенье» в Питере организация ответила распространением ряда боевых прокламаций. В первый же день забастовки комитетом были изданы две прокламации. Одна — «Да здравствует всеобщая стачка» — гласила: «Первый удар революции раздался. Весь рабочий Петербург, как один человек, поднялся на борьбу с капиталистами и царским правительством. Голодная плата и длинный рабочий день... Пули и штыки царского правительства... Тяжелая и преступная война, разоряющая народ... Довольно страданий. И сто сорок тысяч петербургских рабочих забастовало. Они поклялись умереть за свободу и 9 января громадными толпами направились к дворцу пред'явить русскому царю свои требования свободы и хлеба. Штыками и пулями встретило их царское правительство. Позорно побитое на Дальнем Востоке, оно храбро бьет рабочих на улицах русских городов. В уличных схватках, в открытой борьбе с ненавистным врагом пали десятки убитых и сотни раненых. Пусть пролитая кровь рабочих падет проклятьем на царское правительство. Пусть захлебнется оно в народной крови. Ему уже недолго осталось существовать. Пламя святой борьбы за свободу разливается шире и шире. Оно охватывает всю Россию. После Баку — Петербург, после Петербурга —

Москва. Товарищи! Час решительных действий настал. Вперед за нами! Поддержим бакинских, петербургских и московских товарищей. Их дело — наше дело, дело всего рабочего класса. Товарищи! Бросайте работу. Да здравствует всеобщая стачка! Долой правительство убийц и насильников. Да здравствует всенародное учредительное собрание! Да здравствует социал-демократия!». Другая — «Ко всем гражданам» — сообщала: — «Граждане, по призыву Саратовского Комитета Российской Социал-Демократической рабочей партии саратовские рабочие бросили работу. Волна политического рабочего движения разливается все шире и шире: Баку, Петербург, Москва, Вильно, Ковно, Саратов... Городской рабочий класс берет в свои верные, крепкие руки дело всего русского народа — дело политического освобождения страны. Близится час революции, и все, что есть в современной России живого, мыслящего, рвущегося к политической свободе, — все должно поддержать поднявшееся движение. Нужна поддержка моральная и материальная. Служащие железной дороги, всевозможных контор и учреждений, учащаяся молодежь, организуйте всеобщую забастовку. Присоединяйтесь к рабочим, выставляйте требования ваши, выставляйте требования политического освобождения страны. Граждане, всеми силами и всеми средствами поддерживайте забастовавших рабочих. Их дело — ваше дело. Их политические требования — ваши требования. Они гласят: 1. Созыв учредительного собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов. 2. Прекращение войны. 3. Прекращение всех дел по политическим преступлениям и освобождение и восстановление в правах всех пострадавших по таковым делам. Граждане, от вас зависит приблизить час освобождения».

Затем была издана информация о питерских событиях в виде перепечатки прокламации «Комитетов Восточного Района РСДРП» под заголовком — «Канун Революции». Прокламация, надо признаться, имела крайне пустое содержание, прикрытое шумихою революционных фраз. Содержание ее было таково: «Свистят пули, грохочут выстрелы, гремят пушки, и кровь народная льется, как вода... Льется она не на далеких манчжурских полях, не за пределами нашей родины, не в неведомой нам стране, а на наших родных улицах столицы — Петербурга. В шумном столичном городе, где грохотом молотов, стуком станков заглушались вековые стоны обездоленных рабочих, в этом городе — лязг шашек, свист нагаек, топот лошадей возвещают русскому народу, что там две

силы, силы правды и зла столкнулись лицом к лицу... Самодержавие, поглотившее и поглощающее своей преступной политикой десятки тысяч молодых, полных сил и энергии жизней на Дальнем Востоке во имя своих корыстных целей, это же самодержавие обагрило улицы Петербурга священной кровью наших товарищей рабочих, заставило всю Европу содрогнуться от ужаса происходящих там событий. Какие же это события? Долго в рабских цепях, в темноте, невежестве, без света, без прав человеческих стонал русский народ. Долго мы, рабочие, давали грабить себя правительству, капиталистам и полицейской клике. Долго наша жизнь, жизнь рабочего народа, была игрушкой в когтях правительства, в цепких руках капиталистов, в лапах последнего городового. Но чаша терпения переполнилась, и исстрадавшийся русский рабочий восстал на защиту своих человеческих прав, восстал, чтобы освободить весь русский народ от тех невыносимых условий, в которых он задыхается, гибнет. Не с мечом в руках, а с клятвой на устах он выступил на политическую арену, на кровавую борьбу за лучшее, более справедливое положение. И на пред'явленные им требования правительство ответило орудийным залпом. Преступный царь на грудах трупов думает укрепить свой пошатнувшийся престол, морем народной крови думает потушить вспыхнувший пожар революции. Товарищи! События последних дней сами за себя говорят. Неужели мы можем оставаться равнодушными зрителями разыгравшейся кровавой драмы? Неужели взывающая к мести пролитая кровь наших великих борцов за народное счастье не найдет отклика в ваших честных сердцах? Неужели мы не примкнем к великому движению, охватившему Россию и разгорающемуся в яркое пламя революции, которое сотрет с лица русской земли вопиющее зло? Товарищи! Еще усилие, еще шаг, — и рухнут твердыни, падут стены. Пусть же не смущают вас принесенные жертвы на алтарь народной борьбы, пусть же каждый из нас знает, что если не мы сами за себя, то никто за нас. Мы сами, своими усилиями должны сбросить с наших плеч тяжелый крест, который веками носили, вывести многострадальный народ наш на путь радости, свободы. Товарищи! С севера несется ураган, он разгоняет нависшие тучи, и солнце счастья воссияет над нашей вековой тьмой. Товарищи! Пусть стоны наших братьев сольются в один грозный клич и мощным эхом разольются по всей стране. Смерть самодержавию! Да здравствует демократическая республика!» А на оборотной стороне прокламации было помещено

«частное письмо»[1]) под заголовком «Петербург 8 и 9 января» с следующей информацией:

«8 января о. Гапон отвез министру с депутацией письмо, приблизительно такое: Г. Министр, доложите государю, что народ желает с ним говорить и его просить. Если он истинный царь, то он не побоится выйти к своему народу, чтобы узнать его вековые нужды. Если же нет, то прекратится та связь, которая существовала между ним и народом. Г. Министр, точная копия этого письма будет сообщена всему русскому народу, как исторический оправдательный документ наших последующих действий». Министр принял письмо. В час ночи Гапон был уведомлен, что царь с рабочими говорить не будет. В эту же ночь на 9 число в Путиловском заводе и в окрестностях было грандиозное собрание. Рабочие называют эту ночь — святой. Председательствовал о. Гапон. Следующие политические требования были выставлены, при чем постановлено было добиваться их на площади Зимнего дворца — с клятвой умереть или добиться своего: 1) отделение церкви от государства, 2) народное представительство, 3) контроль над администрацией, 4) прекращение войны, 5) свобода личности, 6) непосредственное общение рабочих с верховной властью. Решено было заявить, придя к Зимнему дворцу, что рабочие не уйдут, пока государь не выйдет и не поклянется перед иконой в исполнении требований. С утра 9 января Петербург принял необычайный вид. На улицах стояли войска, на площади Зимнего дворца были разбиты палатки, стояли походные кухни. Столкновения с рабочими произошли в нескольких местах. У Нарвской заставы рабочие шли с священником А. Васильевым во главе. В руках его была икона Спасителя. Рабочим предложили остановиться, угрожая в противном случае стрелять. Ответ был: «Стреляйте». И в них стреляли. О. Гапон ранен. На Васильевском острове рабочие успели срубить несколько телеграфных столбов, сняли проволоки и устроили баррикады с проволочными заграждениями. В них также стреляли. Особенно жаркое столкновение было на Охте. До Зимнего дворца дошло 20.000 рабочих, здесь были произведены залпы с массой убитых и раненых. Залпы были еще у соборов Исаакиевского и Казанского и на Михайловской улице. Общее число пострадавших определяют в 3.000 с лишним, среди них есть женщины и дети. Убитых и раненых отвозили на извозчиках,

---

[1]) В этом письме — вся суть прокламации.

дрогах и на пожарных телегах. На улицах войска раз'езжали по панелям. Невский все время оглашался криками и рыданиями. Некоторые рабочие отбивали трупы товарищей и увозили на извозчиках. Каждого извозчика окружала громадная толпа. Шествие направлялось по улице с пением: «Вечная память». — Картина была ужасная. Народ кричал проезжавшим и проходившим: «Шапки долой!». Все благоговейно снимали шапки. Много искалеченных и избитых детей. Больницы переполнены. Собираются пожертвования. Дает всякий, сколько может. Проезжавшим войскам публика кричала: «Убийцы... герои, одержавшие сегодня первую победу!». На Вознесенском проспекте толпа остановила извозчика, на котором сидел генерал. Его избили и ранили. На Невском избиты морской офицер и два жандармских. В разных пунктах установлен военно-полевой телеграф. Вечером было вновь столкновение и снова жертвы. Было несколько случаев разгрома магазинов, которые не запирались. Забастовка продолжается. 9 ночью рабочие пойдут вновь, но вооруженные».

Попутно с этим были распространены гектографированные листовки с примерными требованиями рабочих, а именно: «Мы, забастовавшие рабочие, требуем для всего народа: 1) созыва учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, 2) прекращения войны, 3) прекращения всех дел по политическим преступлениям и освобождения и восстановления в правах всех пострадавших по таковым делам; для всех рабочих г. Саратова: 1) 8-часовой рабочий день, 2) право празднования 1 мая и повышения поденной платы, 3) выдачи платы за царские дни, 4) выдачи платы сполна каждые две недели, 5) отмены сдельных работ, 6) отмены сверхурочных работ, 7) отмены обысков и штрафов, 8) улучшения санитарных условий, исправления отопления, устройства хорошей вентиляции, содержания мастерских в чистоте и т. д., 9) немедленной выдачи пособия пострадавшим за увечье, 10) вежливого обращения со стороны администрации и мастеров, 11) выработки правил внутреннего распорядка по соглашению с рабочими, 12) выдачи платы за все дни забастовки, 13) оставления всех забастовщиков на работе, 14) личной неприкосновенности для всех участников забастовки. В заключение говорилось: «Товарищи! Держитесь крепко. Близок день падения царского правительства. Близок день полной свободы. Об'единяйтесь теснее под красным знаменем Рабочей Партии. Она приведет вас к победе над царским правительством и капиталистами.

В единении — ваша сила». Листовка эта имела заголовок: «Ко всем рабочим и работницам г. Саратова».

Эти прокламации, вместе с агитацией на заводских собраниях и в Парусиновской роще, привели к январской политической забастовке. Через несколько дней после начала забастовки комитетом была выпущена уже собственная прокламация, обстоятельно освещающая питерские события, под заглавием «Начало Революции в России». Вот что в ней говорилось:

«Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен правительством до восстания. Теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиться стачечному движению и начаться широкой демонстрации, желая довести дело до применения военной силы. И оно довело до этого. Тысячи убитых и раненых — таковы итоги кровавого воскресенья 9 января в Петербурге. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстреливая лежащих на земле рабочих. «Мы дали им хороший урок» — с невыразимым цинизмом говорят теперь царские слуги и их европейские лакеи из консервативной буржуазии. Да. Урок был великий. Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать самому царю просьбы измученного народа, — все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром. Рабочий класс получил великий урок гражданской войны, революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой будничной забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата: «Смерть или свобода» эхом перекатывается по всей России. Вся промышленная, общественная и политическая жизнь была парализована.

В понедельник, 10 января, столкновения рабочих с войсками становятся ожесточеннее. Вопреки лживым правительственным сообщениям, кровь льется во многих и многих частях столицы. Поднимаются рабочие Колпина. Пролетариат вооружается и вооружает народ. Рабочие захватили сестрорецкий оружейный склад. Рабочие запасаются револьверами, куют себе оружие из своих инструментов, добывают бомбы для отчаянной борьбы за свободу. Всеобщая стачка охватывает провинцию. В Москве, в Риге, в Лодзи,

в Варшаве, в Гельсингфорсе, Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растет брожение рабочих и ширится забастовка. В Севастополе горят склады и арсенал морского ведомства, и войско отказывается стрелять в восставших матросов. Стачка в Ревеле, в Саратове, Радоме и многих других городах. Революция разрастается. Правительство начинает уже метаться. От политики кровавой репрессии оно пытается перейти к экономическим уступкам и отделаться подачкой или обещаниями 9-часового рабочего дня. Но урок кровавого дня не может пройти даром. Требование восставших петербургских рабочих — немедленный созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права — должно стать требованием всех бастующих рабочих. Немедленное низвержение правительства — вот лозунг, которым ответили на бойню 9 января. Даже верившие в царя петербургские рабочие ответили устами их вождя, священника Георгия Гапона, который сказал после злого кровавого дня: «У нас нет больше царя; река крови отделяет царя от народа; да здравствует борьба за свободу!». «Да здравствует революционный пролетариат!» — скажем мы. Всеобщая стачка поднимает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного комитета. Только вооруженный народ может быть оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше он продержится на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийцы безоружных рабочих, их жен и детей. Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству, может быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска. Отсрочкой только воспользуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о почине петербургских рабочих. Пролетариат будет примыкать к борьбе, оставляя фабрики и заводы, готовя себе вооружение. В среду городской бедноты, в среду миллионов крестьянства будут шире вводиться лозунги борьбы

за свободу. Революционные комитеты будут основываться на каждой фабрике, в каждом районе города, в каждом значительном селе. Восставший народ станет низвергать все и всяческие правительственные учреждения царского самодержавия, провозглашая немедленный созыв учредительного собрания. Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных отрядов, уничтожение правительственных властей и учреждений, — вот практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры. Пролетариат всегда должен итти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с соц.-дем. партией, памятуя о своих великих конечных целях: избавления всего человечества от всякой эксплоатации; но эта самостоятельность социалистической пролетарской партии никогда не заставит вас забыть о важности общереволюционного натиска в момент настоящей революции. Мы, с.-д., можем и должны итти независимо от революционной буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата, но мы должны итти рука-об-руку во время восстания при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападении на бастилии проклятого врага всего русского народа. На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, героически начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих, всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый соц.-дем., каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплоатируемых, всего народа против общенародного врага. У всех теперь стоит перед глазами пример героев-пролетариев Петербурга. Да здравствует революция! Да здравствует восставший пролетариат! Да здравствует всенародное учредительное собрание!».

Кажется, что эта прокламация была написана Гольденбергом.

Прокламации поднимали настроение наших пролетариев, а когда они стали пред'являть требования, то в основу полагали нашу листовку с примерными требованиями. Кроме того, не было ни одного значительного предприятия, которое бы не имело от нашего комитета или его районных комитетов листовки с изло-

жением, применительно к нуждам рабочих каждого данного предприятия, конкретных требований. Эти листовки, издававшиеся гектографированным способом, всегда имели заголовок «Требования рабочих такого-то завода» и «Саратовский Комитет РСДРП».

Когда прошли первые два дня январской забастовки, и рабочие стали пред'являть экономические требования к предпринимателям, с одной стороны, а с другой, — когда полиция разогнала собрания рабочих 12 и 13 января, наш комитет реагировал на это следующим призывом:

«Товарищи! Громадное стачечное движение охватило Саратов. Обычная жизнь города с 150-тысячным населением оборвалась. Интересы, затрагиваемые этим движением, громадны и сложны: они требуют сознательного отношения ко всему окружающему. они требуют настойчивости и хладнокровия. Для того чтобы наша деятельность отличалась сознательностью и организованностью, нам, участникам всеобщей забастовки, необходимо совместно обсуждать наши нужды, совместно вырабатывать план наших действий. Товарищи! Нам необходимы общие открытые собрания. Мы призываем вас, участников всеобщей забастовки, с воскресенья 16 января ежедневно в 12 ч. утра на собрании в Парусиновскую рощу, за линией ж. д. Граждане! Дело поднявшегося на борьбу рабочего класса есть дело всей мыслящей передовой России; дело саратовских забастовщиков есть дело всех мыслящих передовых слоев местного населения. Мы призываем и вас всех, граждане г. Саратова, на эти собрания. Перед лицом всего населения готовы мы и будем об'яснять и защищать выставленные нами требования. Товарищи! Граждане! 13 января казачий раз'езд позволил себе, с обычной своей наглостью, нагайками и шашками разогнать рабочих-забастовщиков, собравшихся для обсуждения своих кровных и жизненных интересов. Мы обращаем внимание всего населения на это вызывающее поведение саратовской администрации. И это поведение вынуждает нас обратиться к вам, граждане, с призывом: вооружайтесь, чем можете. Не нападать на представителей власти мы призываем вас, а защищаться; если администрация снова попытается помешать нам обсуждать наши кровные интересы, мы должны дать и мы дадим ей отпор. Помните, граждане, — хладнокровие и настойчивость». К прокламации имеется приписка: «12 и 13 января комитет выпустил 10.000 экземпляров разных листков. За то же

время собрано на петербургских стачечников 730 р., а на местных — 2.077 р.».

Это воззвание, закрепив место постоянных рабочих митингов, дало толчок к систематическим митингам, о которых я говорил в своем месте.

Желая поднять настроение стачечников, которые, получив некоторые уступки, стали становиться с 20 января на работу, комитет того же числа обратился к рабочим и прочему населению с следующим призывом:

«Товарищи! Граждане! Громовым ударом пронеслась по России весть о том, как царское правительство ответило штыками и пулями на справедливые требования петербургских рабочих: «Свободы и хлеба». Ужас охватил всю рабочую, всю мыслящую Россию. Ужас и гнев. Заволновалось все, что рвется в России к свободе, к лучшей жизни, заволновались и сознательные саратовские рабочие. Их представители — члены социал-демократической организации — постановили поддержать своих петербургских товарищей. Тогда с.-д. комитет призвал саратовских рабочих особым листком к всеобщей забастовке. Товарищи! Наши петербургские братья-рабочие борются и гибнут за наше общее дело. Присоединимся же и мы к их благородной борьбе. Через два дня забастовка стала всеобщей. К рабочим присоединились служащие разных учреждений, присоединились учащиеся. Тем самым наша забастовка приняла характер крупной политической демонстрации против русского правительства, у которого на справедливые требования рабочих есть один ответ — штыки да пули. Мы, организованные рабочие, показали, что мы достаточно сознательны и сильны, чтобы остановить обычную жизнь города, что в момент решительной всероссийской схватки с насильниками и убийцами мы сумеем двинуть на приступ к самодержавию всех, кто рвется к свободе. Но, товарищи, рядом с требованиями политическими мы выставили требования экономические. Нищенская плата и длинный рабочий день, штрафы и прижимки не дают нам жить по-человечески, обессиливая нас в борьбе за лучшую жизнь. Если бы мы и добились крупных успехов, то они все равно скоро пошли бы прахом, потому что без политической свободы рабочий класс не может успешно отстоять свои кровные интересы. Сейчас мы можем добиться только мелких, частичных улучшений, но и ими пренебрегать нельзя: слишком тяжело нам живется теперь. Нельзя тем более, что насколько мы улучшим нашу жизнь сейчас, на-

столько увеличим наши силы для дальнейшей борьбы за лучшее будущее. Товарищи! Некоторые из забастовщиков получили уже уступки и становятся на работу. Некоторые прекратили забастовку, не добившись никаких экономических уступок. Наша забастовка перестает быть всеобщей, она перестает быть политической забастовкой против царского правительства. Частичные забастовки, которые длятся и которые возникают, — по преимуществу забастовки экономические. Товарищи! Граждане! Мы должны поддерживать всеми силами наших братьев-забастовщиков, чтобы помочь им добиться уступок, улучшить свою жизнь, укрепить свою силу для дальнейшей борьбы. Товарищи, ставшие на работу! Отчисляйте от своего заработка, кто сколько может, в пользу товарищей, продолжающих борьбу. Ваши трудовые пятаки вольют в них новые силы, помогут добиться уступок. Их дело — ваше дело, дело всех рабочих. Граждане! Жертвуйте на забастовку. Помогайте рабочим улучшать их жизнь. Чем большего добьются теперь забастовщики, тем энергичнее сможем мы вести борьбу за наше общее народное дело — дело освобождения России от позорного, губящего страну ига самодержавия. Переживаемый нами исторический момент — дело сознательных рабочих, их дело — ваше дело, а кто не за нас, тот против нас. Саратовские рабочие, вдумайтесь хорошенько в смысл и значение нашей всеобщей забастовки. Она сделалась возможной благодаря тому, что в Саратове есть уже немало сознательных рабочих, об'единенных вокруг с.-д. организации. Уступки, которые мы получили, добыты нам главным образом нашими сознательными рабочими. Товарищи! Вывод отсюда ясен, и вы все поймете урок саратовской всеобщей забастовки. Сплачивайтесь теснее, организуйтесь вокруг с.-д. комитета, отстаивайте всеми силами ваши политические и экономические интересы, кладите всю душу за то, чтобы весь рабочий класс соединился в одну братскую семью, чтобы скорее под его дружными ударами разлетелось в прах позорное иго самодержавия. Товарищи! Все за одного — один за всех. Долой царское правительство насильников и убийц! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует социал-демократия!».

Новая (февральская) стачечная волна поднялась со второй недели февраля. Наша организация ее встретила также рядом листовок, с изложением (по заводам и предприятиям) конкретных требований рабочих. Кроме того, перепечатывались прокламации издания ЦК партии. Так, например, была перепечатана и распро-

странена прокламация ЦК «К гражданам» (манифест и рескрипт 18 февраля и задачи революции), в которой эти задачи определялись так:

«Погром признан актом поддержания самодержавных основ... Манифестом 18 февраля русскому народу об'явлена жестокая, беспощадная война по всей линии... Единственный путь борьбы — путь революции... К восстанию подвигается наша партия в полном сознании своих обязанностей перед делом революции. Идем навстречу всенародному восстанию. Сделать идею единовременного восстания по всей России идеей, одушевляющей массы, концентрировать их выступления, создать необходимые подготовительные элементы военной организации в массах путем напряженной, приуроченной к восстанию агитации, заручиться поддержкой деревни, сделать все, чтобы вызвать сочувствие в войсках и создать в них настроение неуверенности, — таковы задачи нашей партии. Этим путем она идет».

На безобразное мартовское избиение митинга в городском театре организация ответила следующей информационной листовкой:

«Граждане! 17 марта в городском театре были прочитаны лекции о холере, после которых было произнесено по теперешнему обыкновению несколько речей на политические темы. Вечер закончился в полном порядке. Полиция, возмущенная, повидимому, этим обстоятельством, постоянно жаждущая всяческих столкновений, которые приносят ей награды и отличия, самым вызывающим образом расположила военные силы у выхода из театра. Совершенно мирно настроенная публика, возмущенная вызывающим поведением царской опричины, позволила себе несколько насмешек по ее адресу. В некоторых группах запели «Марсельезу». Тогда без всяких предупреждений на публику были двинуты полиция и войска, и началось избиение. Избитую публику отвели в участки, и по дороге полиция, особенно околодки и пристава, обращалась к публике на «ты» и бранилась самым гнусным, площадным образом. Когда в полиции публика заявила полицеймейстеру, что ее избили, то он ответил: «Мы вызовем докторов, они посмотрят, верно ли это». Какой наглый цинизм! Глава саратовской опричины понимает, очевидно, признает избиение только в смысле битья до членовредительства — не иначе. Граждане! Полиция утверждает теперь, что публика начала без всякого повода стрелять в чинов ее. Это наглая ложь. Из свидетелей-оче-

видцев некоторые утверждают даже, что стреляли (в воздух) офицеры и солдаты. Во всяком случае, если даже и стреляли из публики, то только в силу необходимости, в видах самозащиты от нападающей полиции. Граждане! Вы прикуете к позорному столбу вашего презрения саратовскую опричину. Но знайте: нас всегда будут беспощадно избивать, пока мы не научимся давать организованный вооруженный отпор. Единственное средство против царской опричины — всеобщее вооружение. Граждане! Вооружайтесь. Час решительного столкновения, час исторический близок. Долой самодержавие! Да здравствует учредительное собрание!».

Наибольшую прокламационную работу после январской стачки наша организация проделала по подготовке празднования 1 мая и связанной с ним политической забастовки. За неделю до 1 мая комитетом были изданы две прокламации, одна к рабочим и другая к солдатам. В первой говорилось:

«При небывалых обстоятельствах встречаем мы 1 мая, этот великий братский праздник рабочих всего мира. Давно уже стонет народ наш, подавленный и угнетенный, доведенный до нищеты шайкой грабителей и насильников, называющих себя самодержавным русским правительством. А никому ненужная война, преступно начатая самодержавием против воли народа и позорно проигранная ворами чиновниками и генералами неучами, переполнила чашу терпения всех русских граждан. Гнев народный, который раньше проявлял себя крестьянскими бунтами и рабочими волнениями, превратился теперь в одно могучее бурное море; и все выше и выше вздымаются волны его, подмывая пошатнувшийся трон русского самодержавия. Грозное начало петербургских рабочих нашло себе громкий отклик во всех городах, на всех фабриках и заводах России. А из городов движение перекинулось и в деревню, и поднялись крестьяне на Кавказе, в Польском и Прибалтийском крае, в Курской, Орловской и др. губерниях. Даже господствующие классы, помещики и капиталисты, эксплоататоры, на которых всегда опиралось правительство, и те, из боязни грядущего суда народного, отвернулись от самодержавия и требуют конституции. Наконец, — о, ужас! — даже духовенство, эта окаменелая каста, зашевелилось и потребовало созыва всероссийского собора духовенства. Как же ответило самодержавие на требования своего народа? Оно выставило против него единственную прочную опору — свое войско и полицию, — и потоки рабочей крови оросили улицы Петербурга, Лодзи, Варшавы, Риги и др. городов.

А когда, вопреки ожиданию правительства, движение стало разрастаться все шире и глубже, правительство заметалось из стороны в сторону: обещало рабочим комиссию Шидловского, но арестовало их выборных, когда те потребовали полной свободы высказаться о своих нуждах; издало манифест 18 февраля о борьбе с крамолой и в тот же день громогласно заявило о созыве свободно избранных представителей от зрелых элементов общества, т.-е. от богатых и знатных; запретило с'езды разных обществ и допустило Пироговский с'езд врачей, с'езды присяжных поверенных, литераторов и др., на которых были приняты резолюции, требующие уничтожения самодержавия; оно заявило об образовании крестьянской комиссии Горемыкина и тут же оговорилось, что земли помещиков неприкосновенны, а вслед за тем последовал указ о назначении комиссии из дворян и земских гласных для определения и взыскания убытков в пользу помещиков с бунтующих крестьян, для разыскания и суда над зачинщиками. А аресты, тюрьмы, штрафы, ссылки, запрещения газет сыпались тем временем как из рога изобилия. Вместе с тем самодержавное правительство прибегнуло к последнему крайнему зверству: оно постаралось затемнить народное сознание и натравить одну часть населения на другую, распространив через попов и полицию гнусную клевету, будто рабочие подкуплены японцами; а само правительство подкупало темных людей и подстрекало их бить революционеров; и вот начались по разным городам и даже деревням гнусная травля и избиение учащихся и интеллигентов, завершившиеся грандиозной бойней в Баку. Но все напрасно. Ни волчий зуб, ни лисий хвост самодержавия не произвели желательного действия. Народ уже не верит и не может верить правительству, не обращается к нему с ходатайством и просьбами о своих нуждах, ибо что оно может дать народу, кроме новых цепей и нового позора. Интеллигенты — врачи, инженеры, раньше только говорившие либеральные речи, теперь перешли на революционную почву, открыто требуя созыва народных представителей. Прочь с дороги! — так говорит самодержавию народ, требуя, чтобы отныне его свободно избранные представители создавали законы, определяли государственные расходы, устанавливали налоги, проверяли действия правительства и других чиновников, требуя равенства перед законом всех русских граждан, без различия сословий, племен и вероисповеданий, неприкосновенности личности и жилища, полной свободы устного и печатного слова, собраний,

союзов и стачек. И недалек уже час, когда во главе восставшего народа двинутся стройные ряды рабочих на последний бой с самодержавием. Готовьтесь же, товарищи, к этой борьбе — ведь позади вас только цепи, нищета и рабство, а впереди — целый мир свободы и счастья. И пусть первые майские дни будут днями нашей подготовки к этой великой борьбе. Первого мая мы об'явим всеобщую забастовку, мы прекратим работу на всех заводах, мельницах, фабриках и во всех ремеслах, остановим движение пароходов, конок и поездов, погасим электричество, закроем магазины и рестораны, приостановим нагрузку судов. Мы дружно провозгласим во всеуслышание наши политические требования, без осуществления которых немыслима успешная экономическая борьба; мы пред'явим экономические требования, без которых невозможна истинная свобода рабочего человека; разве можно назвать свободным гражданином рабочего, если он попрежнему будет изнывать на работе 11—12 ч. в сутки, если он попрежнему останется рабом капиталиста-эксплоататора? Разве будут свободны крестьяне, сидящие на ничтожных клочках земли, страдающие от непомерно высоких арендных цен, стонущие под гнетом выкупных платежей? Конечно, нет. Вот почему мы требуем...». Дальше следуют требования, излагавшиеся не раз на страницах этой книги. В заключение говорится: «А во время забастовки мы устроим как можно больше собраний, чтобы столковаться о своих нуждах и средствах борьбы, чтобы окончательно об'единиться вокруг нашей общей программы, нашего красного знамени. Товарищи, 1 мая по всей России будет созвана на генеральный смотр великая революционная армия. Сплотим же под нашим красным знаменем всех тех, кто жаждет свободной России, чтобы с новыми силами ринуться в борьбу за полное освобождение пролетариата, за великое всеобщее братство трудящихся масс. Только социализм даст нам это братство. Только передача фабрик, заводов, земли и других средств производства в общую собственность всего народа окончательно устранит рабство и эксплоатацию. Только тогда вы будете свободными и полноправными гражданами, когда управление народным производством из рук капиталистов и чиновников перейдет в руки братского, товарищеского союза самих работников. Русское самодержавие есть первая крепость, которую вы должны взять в этой славной борьбе; русская республика — первое завоевание, необходимое вам, чтобы добиться

окончательной победы. Да здравствует 1 м а я — международный праздник пролетариата! Да здравствует всероссийская стачка! Да здравствует социализм! Да здравствует международная социал-демократия! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует демократическая республика! Долой самодержавие! Да здравствует революция!».

К солдатам мы писали:

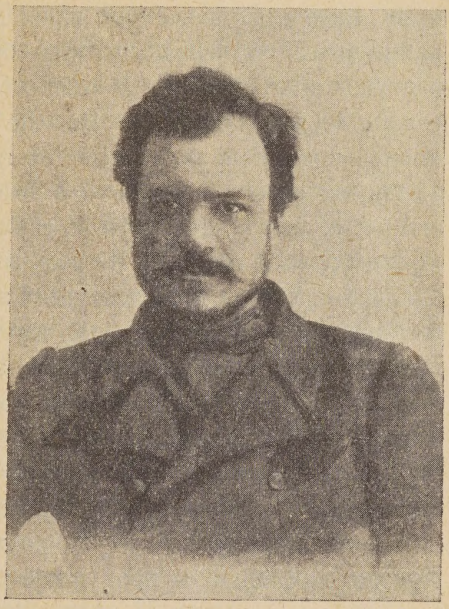
«Солдаты! 1 мая начнется забастовка по всей России. Будет она и в Саратове. Всюду мы, рабочие, побросаем работу и потребуем себе от хозяев и от правительства лучшей, свободной жизни. От хозяев мы потребуем сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и других улучшений в условиях работы. От правительства мы потребуем свободы союзов, стачек, собраний, свободы печати, неприкосновенности личности и жилищ, потребуем прекращения войны, будем добиваться, чтобы царское правительство, которое сумело только разорить нашу родину и сделать ее жалкой и несчастной, сложило с себя власть и на место этого правительства весь народ выбрал бы своих представителей, которые и будут издавать законы и управлять страной. Солдаты, разве дурного требуем мы? Разве погубить хотим мы нашу родину? Нет, мы добиваемся блага и счастья всего народа, мы хотим спасти нашу родину. А правительство за это об'являет нас бунтовщиками, смутьянами, врагами народа и отечества, оно клевещет на нас и посылает вас избивать нас, а вы слушаетесь и делаетесь палачами и убийцами честных тружеников, ваших братьев и товарищей. Солдаты! Подумайте и решите сами, кто враг народа, рабочий ли, который добивается лучшей жизни, или правительство, которое велит за это убивать рабочих? Солдаты, ведь вы сами были рабочими и будете ими, когда кончите ненавистную вам военную службу. Вы по опыту знаете, как тяжело живется в России трудящимся людям, а дома у вас и теперь остались отцы и матери, братья и сестры, жены и дети, они такие же рабочие, как и мы, и также страдают от нужды, как страдаем и мы. Помните, какую нужду приходилось терпеть им даже при вас, а теперь без вас, их кормильцев, им приходится еще хуже. 1 мая они забастуют так же, как забастуем и мы, потому что стачка начнется по всей России. Правительство будет посылать солдат избивать их так же, как здесь оно посылает вас против нас. Ведь если бы вы отбывали воинскую повинность в вашем

родном городе, вы не стали бы стрелять в ваших родных и друзей, несмотря на присягу. Правительство знает это и поэтому-то оно вас пригнало в Саратов, чтобы избивать нас, а наших братьев отвезли, может быть, как раз в те места, где живут ваши семьи, чтобы избивать ваших старых отцов, ваших братьев, жен и детей. Солдаты, довольно дурачили вас, покажите всем, что вы не цепные собаки, которых можно натравить на кого угодно. Ведь если солдаты во всех городах откажутся стрелять в рабочих, то правительство с кучкой своих друзей-богачей ничего не сможет сделать против народа. Тогда народ возьмет власть в свои руки и через своих представителей устроит для себя свободную, хорошую жизнь. Так вот чего добиваемся мы. Отказывайтесь же стрелять в нас, а если вас будут заставлять, стреляйте в тех, кто будет приказывать вам поднимать руку на ваших братьев. С таким воззванием рабочие обращаются к солдатам повсюду, и, вероятно, во многих местах солдаты откажутся стрелять в народ, или будут стрелять в офицеров, полицейских и жандармов. К т о п е р в ы й п о к а ж е т п р и м е р, т о м у ч е с т ь и с л а в а».

Накануне 1 мая была издана еще прокламация «Ко всем гражданам». Помимо общего содержания в ней имелось следующее: «...Соберемся все в воскресенье в 10 ч. утра в Парусиновской роще и поговорим о наших нуждах и наших требованиях, выставленных нами уже в январскую забастовку. Граждане! Спокойно, решительно сойдемся в этот день... И если администрация вздумает насильно нарушить спокойный ход нашего собрания, то мы слагаем с себя всякую ответственность за те тяжелые осложнения, которые неизбежно будут внесены этим вмешательством в жизнь города».

Рабочая политическая забастовка (майская) и крупные политические митинги в Парусиновской роще были реальным ответом на эти воззвания. В духе этой литературной агитации и вообще в духе решений организации велась и устная агитация. За полугодие было проведено нашими агитаторами и пропагандистами, превращенными также в агитаторов, свыше тысячи собраний, начиная от больших, трехтысячных митингов и кончая массовками при фабриках, заводах, учреждениях и в укромных местечках. Наиболее сильными агитаторами были И. П. Гольденберг, И. М. Ляховецкий, В. М. Обухов (с пропагандистским уклоном), А. А. Петров (наиболее популярный руководитель жел.-дор. мастерских), П. И. Клочков, А. И. Клещевников, В. Н. Корсаков, М. И. Судачков, А. В. Кузнецов, Д. Гальпер и Шушков.

За свою деятельность организация подверглась преследованию со стороны местных властей. Из ее рядов были вырваны на несколько месяцев Гольденберг, Обухов, Ляховецкий, Гальпер, Петров, Мерситов и др. За полугодие от месяца до трех месяцев сидело в тюрьме до 40 наших работников. Однако дезорганизация, коснувшаяся аппарата местной власти, сказалась и на тюрьме. Она была также дезорганизована. Наши товарищи пользовались этой дезорганизацией и пытались довольно успешно через «передачу» и «оказию» продолжать служить делу партии и революции. Литераторы писали даже прокламации, а организаторы, связанные с массой, писали письма организующего значения. Для характеристики последней деятельности и господствующего настроения наших арестованных работников приведу хотя бы одно из тех писем, которые писались товарищами после январского ареста [1]).



Алексей Алексеевич Петров.

«Здравствуйте, товарищи, как живете-можете? Что поделываете? Все ли целы, здоровы? Не уволили ли кого из вас? Меня страшно интересуют ваши дела сейчас. Продолжаете ли вы работу, которую я начал, т.-е. организуетесь ли плотнее и крепче? Есть ли у вас связи с комитетом и есть ли заводский представитель? Сохранились ли цеховые представители? Образовались ли пятковые? Есть ли у вас кружки для занятий и устраиваете ли собрания человек в 10 — 20? Какое настроение у массы, какое у вас самих? Не робейте, идите смелее. Не смущайтесь, что я арестован. Не смущайтесь и тогда, когда и еще кто-нибудь выбудет из вашей среды. Не пугайтесь этого, а после каждого ареста, после того, как лишитесь еще и еще

---

[1]) Из письма А. А. Петрова к железнодорожникам (*А. С.*).

одного товарища, плотней и плотней становитесь в рядах с.-д. партии. Заменяйте выбывших товарищей усиленной работой и новыми товарищами. Пусть каждый арест не роняет ваш дух, а, наоборот, вселяет бодрость, и не ослабляет ваши силы, а увеличивает. Мы должны показать, что твердо сознаем, что нам надо, и не отступим от своей цели, что нам не страшны запугивания тюрьмами и нагайками. Я твердо уверен, что настанет скоро час победы. Конечно, не полной, но все же значительной. Мы не свергнем гнета капитала, но первый шаг будет сделан. Скоро, скоро наши представители будут отстаивать наши права. И чем энергичнее будете действовать, тем скорее наступит этот час. Тогда уже мы свободно будем собираться и говорить, что пожелаем. Нас не будут сажать по тюрьмам и морить в них, не будут ссылать за то только, что собрались, и за то, что говорили открыто о безобразных поступках правительства, т.-е. за то, что почти во всех государствах Европы стало законным правом граждан. Из всех государств Европы только Россия отличается своими драконовскими законами, но скоро и она увидит свободу. Только эта свобода даром не дается. Она достигается путем борьбы, а без жертв борьба не бывает. Многих, может быть, посажают по тюрьмам, но всех схватить не могут. Уничтожить, вырвать с корнем организацию они не могут. Даже ослабить ее не могут, при том условии, если мы не будем опускать рук и изменять товарищам и делу. Готовьтесь, скоро будет 1 мая, наш праздник. Жалею, что не буду, должно быть, с вами его встречать. Мое дело перешло к прокурору. Следствие кончилось. Но меня, говорят, не выпустят до суда... А главное, опять повторяю, расскажите, как идут дела по организации. Прилагайте к ней особенные усилия. Она у нас как раз слаба. Не действуйте неорганизованно и поддерживайте товарищей. Действуйте единодушно, а для этого надо полагаться главным образом на организованных рабочих, и им необходимо действовать энергичнее, а остальные по всей вероятности поддержат. Энергии надо побольше, иначе черная сотня перегонит нас. Она действует в союзе с полицией энергично и смело. В этом у ней поучиться нам. Я знаю несколько примеров, где «организованные», «сознательные» рабочие постыдно молчали или даже действовали на-руку черной сотне. На собрании мельников, например, когда говорил на Дегтярной площади интеллигент [1])

---

[1]) Имеется в виду — М. Самсонов (*А. С.*).

речь и коснулся политики, т.-е. указал, что без свободы и народного представительства экономические требования не прочны, ему стали кричать, чтобы он замолчал. Кричали, конечно, самые неразвитые рабочие, которые не понимали этой связи. Развитые рабочие, конечно, сознавали, что связь есть и не может не быть. Но когда невежды закричали: брось, нам не надо этого, — сознательные не подумали вступиться, протестовать и не то что открыто, а даже не кричали — продолжайте. Такая бездеятельность мне кажется постыдной, даже преступной, подлой. В то время как поборники черной сотни действуют, мы молчим, выражая тем самым как бы сочувствие им. Но для мельничных рабочих это простительно. При плохом заработке, при долгом рабочем дне они поневоле мало развитый народ, и сознательные между ними редкость. Менее простительно так поступать мастеровым... Так поступайте же смелей и единодушней. Не бойтесь оттолкнуть товарищей тем, что находите сами хорошим и нужным. А ведь из вас не найдется такого, который бы сказал: свобода не нужна...».

Спокойное отношение к личной судьбе, глубочайшая ненависть к царскому правительству и капиталистическому строю, беззаветная преданность партии и революционному делу, любовное отношение к товарищам и не менее любовное отношение и заботливость к организации, ясный учет недостатков и членов партии и рабочей массы и непоколебимая уверенность в победе, — вот тот нравственный облик наших боевых работников, который так отчетливо выражен в этом письме. Такие работники и составляли основу, кадр нашей организации. И чем дальше развертывалась борьба, тем больше жизнь и наша организация вырабатывали таких закаленных бойцов.

При посредстве именно таких товарищей наша организация связывалась крепкими узами с широкой рабочей массой, росла качественно и количественно и приобретала все большее влияние над массовым революционным движением.

Можно без всякой натяжки сказать, что гегемоном движения в Саратове и прочих городах губернии была наша организация.

Что же касается деревни, то там мы были очень слабы, и первую роль там играла партия социалистов-революционеров.

Лишь со второй половины года мы зашевелились и стали распространять свое влияние и на крестьянство.

Но об этом в соответствующем очерке.

X. ОКТЯБРЬСКАЯ ЗАБАСТОВКА И СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЮ.

Летом в стране происходили крупные стачки, во многих, особенно, окраинных, районах рабочие и крестьяне вступали в кровавую борьбу с полицией и войсками, гремели пушки «Потемкина», и кое-где бунтовали даже солдаты...

В Саратове наблюдалось затишье.

Местные рабочие, проявив редкую энергию в январской, февральской и майской стачках, несколько «выдохлись» — устали. То же прозошло и со служащими. Даже больших, столь обычных раньше, митингов не было: они распылились, хотя и на многочисленные, но мелкие массовки. Однако это затишье не знаменовало полной пассивности. И рабочие и служащие, уклоняясь от крупных столкновений, не опустили рук, а повели широкую организационную работу, выразившуюся главным образом в строительстве профессиональных союзов. Так как это строительство шло под руководством нашей организации, то оно вылилось в организацию партийных профсоюзов. Движение началось с железнодорожников. Толчком в этом направлении послужил московский «Всероссийский с'езд жел.-дор. служащих» 20 апреля. Я уже упоминал, что на майском собрании саратовских жел.-дор. служащих $^2/_3$ присоединились к платформе беспартийного союза и $^1/_3$ настаивала на организации своего и притом партийного союза. Из этой трети и образовался первый партийный профсоюз железнодорожников. За ним последовала организация таких же союзов рабочих завода Беринга, типографских рабочих, калашников, булочников, приказчиков и др. В основе их уставов лежал нижеследующий примерный устав, выработанный нашим комитетом.

«Устав соц.-дем. партийного профессионального союза рабочих (такого-то) производства г. Саратова.

I. Основные цели. — Основная цель союза определяется полной солидарностью членов его со взглядами Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии на задачи рабочего классового движения. Понимая эти взгляды так, 1) что только социалистический строй, созданный на развалинах буржуазного мира, окончательно освободит рабочий класс от безработицы и прочих социальных зол, тяжелым гнетом лежащих на плечах пролетариата, 2) что только демократическая республика обеспечит пролетариату самую широкую политическую свободу, необходимую для борьбы за социализм, 3) что первым и главным препятствием в борьбе за демократическую республику и социализм является современный самодержавный полицейский строй, 4) что достижение как ближайших, так и дальнейших целей возможно только при самой высокой степени организованности и классового самосознания рабочего класса, — союз и ставит своими основными целями: а) поднятие уровня классового самосознания товарищей путем устной и письменной партийной пропаганды и агитации, б) руководство борьбой за улучшение как экономического (увеличение заработной платы, введение 8-часового рабочего дня, организация стачек, помощь пострадавшим от стачек, подыскание заработка), так и правового положения своих членов (свобода собраний, союзов, слова и т. д.), без чего немыслимо успешное достижение поставленных в п. 1 задач; правильный ход работ союза в вышеуказанном направлении обусловливается соблюдением следующих положений.

II. Прием, выбытие, исключение, права и обязанности членов.—1) Членом союза считается всякий рабочий (такого-то) производства, принимающий устав союза и делающий два раз в месяц взносы в его кассу в размере одного процента с получаемого заработка, 2) для вступления в союз требуется рекомендация двух членов и согласие $^2/_3$ членов союза, работающих в одном предприятии с кандидатом, 3) каждый член союза обязан пропагандировать среди других рабочих задачи и цели союза, 4) каждый член союза имеет право требовать, чтобы его заявления доводились до сведения правления, 5) член союза, не внесший в срок взноса, считается выбывшим, кроме того случая, когда им представляются на это уважительные причины, 6) взносы членов,

в случае их выбытия из состава союза, не возвращаются, 7) исключение из состава союза производится за недостойные поступки по постановлению $^2/_3$ членов, занятых в одном с исключаемым предприятии, при согласии правления. В этом случае все взносы возвращаются полностью, за вычетом полученных исключенным за время пребывания в союзе ссуд.

III. Об отношении союза к партии.—8) Союз есть партийная организация, подконтрольная в своей деятельности местному комитету партии; в своей деятельности союз руководствуется постановлениями комитета, пользуясь правом обжалования таковых перед ЦК и партийными с'ездами, 9) в интересах теснейшей связи с партией от местного ее комитета в правление союза назначается, по взаимному соглашению, уполномоченный ею а) для осведомления союза о партийных делах и б) для идейного руководства деятельностью союза; 10) для отстаивания своих интересов союз, по взаимному соглашению с местным комитетом партии, посылает в комитетскую организацию своего представителя, 11) союз отчисляет в кассу местного комитета 20% всех поступлений, 12) правление союза вправе издавать под фирмой союза литературу, обслуживающую его профессиональные интересы.

IV. Управление делами союза.—13) Во главе союза стоит общее собрание всех членов, которое лишь одно вправе видоизменить устав. Собрание законно при наличии $^1/_3$ всех членов, при условии оповещения в каждом отдельном случае как о времени и месте, так и о порядке дня собрания всех членов, 14) общее собрание членов происходит не реже одного раза в месяц, 15) исполнительным органом союза является правление, избираемое в числе 4 членов на полгода представителями отдельных предприятий и одного уполномоченного (от местного комитета партии). По конспиративным соображениям состав правления известен только представителям, 16) назначение представителей от предприятий производится по взаимному соглашению членов союза данного предприятия; член правления не может быть одновременно представителем от предприятия, 17) правление следит через представителей за аккуратным поступлением взносов членов и ведет всю отчетность союза, 18) правление всегда имеет право созывать общее собрание союза или представителей, если находит нужным, 19) правление заведует выдачей денег, при чем размер выдачи определяется для каждого случая отдельно, 20) на пред-

ставителях лежит обязанность по оказыванию всякого содействия правлению, как-то: собиранию членских взносов, сообщению о кандидатах в члены союза, доставлению точных сведений об условиях производства во всех предприятиях, 21) все вопросы разрешаются простым большинством голосов».

Копируя этот примерный или «нормальный» устав, отдельные профсоюзы вводили некоторые добавления и изменения, развивающие или приспосабливающие его к особенностям данной профессии. Так, например, у железнодорожников был введен раздел «средства союза», в котором союзные «капиталы» распределялись а) на организационную деятельность союза (50%), б) в фонд стачечный и для поддержки пострадавших товарищей (25%), в) в неприкосновенный капитал (5%), г) отчисление в комитет (20%); кроме того, вместо общего собрания, во главе союза поставлен «с'езд выборных делегатов по два от предприятия, как в Саратове, так и по линии, созываемый правлением не реже раза в полгода». Образовавшиеся союзы через свои правления вели среди масс широкую письменную агитацию, в особенности союзы печатников и железнодорожников. Первый издавал через каждые две недели «Листок Союза Типографов» (вышло 7 — 8 №№), второй — ряд воззваний. Примером последних может служить следующее воззвание, распространявшееся вместе с уставом союза:

«К р а б о ч и м и с л у ж а щ и м н а ж е л е з н о й д о р о г е. Товарищи! На пороге великих событий стоит сейчас Россия. День-ото-дня, час-от-часу все глубже и шире врастает в сознание народных масс мысль о необходимости и неизбежности самого крутого поворота от былого постыдного рабства, лжи, продажности и унижения к свободному человеческому существованию. Из неизведанных глубин масс, на которые раньше смотрели как на задавленное гнетом, забитое, измученное, бессловесное стадо, встала новая могучая сила — человек. Гордо глянул он осветленными очами вокруг после многовековой спячки и молчания и громко заявил: кончается ночь рабства и насилия. Восходит солнце правды и свободы. Жестока и смертоносна будет борьба света и тьмы, но рассеется и бежит побежденная тьма. Прочь же с дороги, гасители света, душители истины, прелюбодеи мысли и слова, развратители народного духа! Все неотвратимее надвигается момент развязки...». Описав роль рабочих в движении и указав на значение организации сил, воззвание ставит вопрос — «как и вокруг чего организовываться», и отвечает: «...У всякого сознательного

рабочего может быть только один ответ. Единый истинный вождь в их борьбе — рабочая партия. Интересы и жизнь рабочих — это ее интересы и ее жизнь; она создается из самих рабочих, она стоит на страже их блага, она не может изменять и предавать рабочий класс, как предавали и предают его у нас и в других странах всякие другие партии, безразлично как бы они ни назывались. Поэтому-то необходимо организоваться вокруг этой партии, поэтому-то и нужно итти за ее указаниями, работать по той программе, которая является программой социал-демократической партии. И вот теперь мы и обращаемся ко всем товарищам рабочим и служащим на железной дороге с братским призывом: организуйтесь в с.-д. жел.-дор. союз, примыкающий к РСДРП, входите в него сами, вовлекайте в члены товарищей, и общими дружными усилиями мы создадим оплот для защиты наших интересов...».

Наиболее крупными союзами были союзы: железнодорожников (на 30.000 ч. по всей линии — членов союза было 800 ч.), типографских рабочих (на 800 ч. — 140 ч.), рабочих завода Беринг (на 300 ч. — 80 ч.); остальные охватывали совсем незначительное количество рабочих и служащих.

Такой сравнительно небольшой количественный состав союзов определялся принципиальной постановкой организации профсоюзов. Основная рабочая масса, жаждавшая организации, конечно, не могла влиться в так построенные союзы. Стихийный процесс в массе, не найдя соответствующей формы, разрядился в значительной степени, что называется, впустую. Однако передышка, которую допустили местные рабочие и служащие, сыграла свою положительную роль. К началу октябрьской забастовки массы накопили энергии и, отдохнув, ринулись довольно дружно в новую атаку.

* * *

Январскую забастовку начали рабочие Петербурга. Октябрьскую — рабочие Москвы. Стержневую роль сыграли в ней железнодорожники (рабочие и служащие). В процессе развертывавшейся стачки в Петербурге собрался (20 сентября) с'езд железнодорожных представителей (выборного и невыборного типа) для пересмотра устава пенсионных касс. Я уже говорил, что мысль саратовских железнодорожников о том, чтобы сорганизоваться по всей линии Ряз.-Ур. жел. дороги под видом совещаний о пересмотре пенсионного устава, была быстро подхвачена и на других дорогах.

В результате и открылся вышеуказанный с'езд. Так как большинство избранных на с'езд принадлежало к революционным партиям и в первую голову к РСДРП, то он с первого же дня своих заседаний избрал своим председателем саратовского железнодорожного работника Орехова и об'явил себя первым делегатским с'ездом представителей железных дорог. Этот революционный акт, под носом у правительства, вызвал взрыв восторга не только у всей почти миллионной армии железнодорожников, но и у всех боевых слоев пролетариата. С'езд проходил в атмосфере необычайного к себе доверия и напряженного внимания масс. Правительство растерялось и не решалось принять против с'езда репрессивных мер, приберегая их к тому моменту, когда делегаты раз'едутся на места. Но напряженность настроения сделала свое дело. В ряде городов, и в первую очередь в Москве и Саратове, вдруг разнесся слух о том, что железнодорожные делегаты арестованы правительством. Откуда родился этот слух неизвестно, быть может, из общего настроения масс. Но факт остается фактом. Слух принят был за действительность (он ведь так походил на правду) и, несмотря на призывы с'езда, который сперва колебался открыть боевые действия против правительства, послужил сигналом к мощной забастовке железнодорожников, а за ними — и прочих отрядов пролетариата... Стихийная лавина грозно ползла на правительство, и казалось вот-вот она сотрет в прах вековое самодержавие, а может быть, и нечто большее...

Саратовские рабочие стали втягиваться в движение с конца сентября. В связи с забастовкой типографских рабочих Москвы (24 сентября) забастовали типографские рабочие и в Саратове, при чем в обоих городах руководили нелегальные профсоюзы, вследствие чего движение было прекрасно организовано. 28 сентября представителями от типографий был избран стачечный комитет, которым и были выработаны требования к владельцам типографий. Забастовка окончилась 6 октября победой рабочих. Глухо волновались рабочие и других профессий. Слух об аресте железнодорожных депутатов и телеграмма из Москвы о забастовке на шести железных дорогах страны с молниеносной быстротой облетел город, поднимая в рабочих волну ненависти и решимости бороться до последнего с «царем и его приспешниками». Часа в два 9 октября получена была телеграмма, а в 3 ч. дня в управлении железной дороги были прекращены работы и состоялось собрание совместно с представителями революционных партийных организаций, на ко-

тором и была решена всеобщая забастовка как в городе, так и по всей линии дороги. Для руководства стачкой железнодорожников был избран стачечный комитет из 12 ч., при чем ему было предоставлено право кооптации. В состав его, между другими, входили: А. А. Бродский, А. К. Фортинский, В. Н. Козлов, П. Н. Казанцев, Е. К. Романенко, А. П. Шукайло и др.

На следующий день стачечный комитет созвал два собрания: одно—утром, в здании управления железной дороги, а другое—часов в 12, во дворе дома гр. Нессельроде, где помещался отдел статистики Ряз.-Ур. жел. дор. На первом, где было до 1.000 ч., решено было прекратить работы и пред'явить ряд требований экономического характера. На втором, где было до 1.500 ч., обсуждался вопрос о том, что положить в основу требований — требования ли социал-демократической программы или — бюро всероссийского с'езда железных дорог. После горячих споров собрание приняло программу бюро, но с оговоркой, что окончательная форма и содержание требований подлежат выработке на совместном собрании делегатов от управления и с линии. Кроме того, принято два постановления: 1) ввиду того, что забастовка на железной дороге принимает общий характер, стачечный комитет должен состоять из представителей служащих и рабочих всей дороги и 2) избранный 9 октября временный стачечный комитет считать постоянным. Оглашение телеграммы о том, что линия примкнула к забастовке и что делегаты забастовавших (из Аткарска, Камышина, Ртищева, Козлова, Рязани, Смоленска и Уральска) приедут в Саратов 11 октября, вызвало восторженную бурю аплодисментов. В 8 ч. вечера этого же дня состоялось заседание стачечного комитета, который распределил работу между своими членами и решил как можно теснее связаться с своей линией, с Москвой и с другими дорогами; решено было также издавать политический информационный бюллетень, для чего избрана особая комиссия в составе Ширген, Марочкина, Луцкого, Романенко и Горцова. Делегаты с линии несколько замешкались в пути (около ст. Курдюм размыло полотно) и приехали в Саратов лишь 13 октября. Делегаты торжественно были встречены железнодорожниками во главе со стачечным комитетом, который, не теряя времени, открыл заседание в зале 3-го класса вокзала. Делегатское собрание имело в своем составе до 170 представителей от рабочих и служащих дороги. Кроме того, присутствовали члены партийных организаций, железнодорожные рабочие и служащие. Председателем собрания

был избран И. Д. Абморшев, учитель жел.-дор. училища ст. Козлов.

Заседание, начавшееся в полном порядке, как подобает «всем Европам», скоро приняло сумбурный характер. Ораторы (Гордон, Фортинский, Горьков и др.) своими горячими речами о предстоящем вооруженном восстании, о свержении царизма и образовании демократической республики накалили и себя и собрание, что называется, до высшей точки. Особенно собрание взволновалось при сообщении, что городская дума постановила образовать центральный стачечный комитет. Выступавшие ораторы высказывали опасения, что думский комитет захватит в свои руки руководство и движением на железной дороге. Тем самым движение будет поставлено в зависимость от либеральной и цензовой буржуазии... И лишь тогда, когда стал известен состав думского комитета, когда выяснилось, что он должен стать как бы временным революционным правительством местного значения, а главное, что он не сможет руководить железнодорожной забастовкой, собрание более или менее успокоилось и даже вынесло решение послать в него своих представителей. Кроме этого, было решено: 1) установить телеграфную связь с бюро союза в Москве (жел.-дор. телеграф находился всецело в распоряжении стачечного комитета), 2) предложить представителям печати выпускать газеты без цензуры. По поводу этого постановления выступил один из сотрудников местной газеты и заявил, что этого осуществить нельзя, так как издатели газет — капиталисты, которые не согласятся на такую революционную меру. Это заявление подверглось жестокой критике. Один из ораторов рабочих сказал: «Если встать на такую точку зрения, то мы должны бы были, прежде чем забастовать, спросить разрешение у губернатора и у управления дорогой; мы такого разрешения не спрашивали — так же могут поступить и представители печати». — Обсуждение и принятие требований от имени стачечного с'езда в этом заседании не закончилось. Эти требования были окончательно выработаны лишь 16 октября. В заключение с'езд избрал свой постоянный президиум в составе — председателя И. Д. Абморшева, вице-председателя А. А. Бродского и секретаря А. Е. Киселева.

Железнодорожная забастовка приобрела хотя и громоздкий, но революционно-авторитетный, руководящий орган... По его директивам действовали не только рабочие и служащие саратовского узла, но и всей дороги, захватывающей, как я уже говорил, целых

11 губерний и вносящей организованную силу революции в эти районы. Местная власть сперва заняла выжидательную позицию, но уже 13 октября сорвалась с этой позиции и произвела арест некоторых делегатов, в том числе А. К. Фортинского. Аресты вызвали естественное раздражение, и собрание стачечного комитета 14 октября решило организовать дружину не менее чем в 100 бойцов и произвести нападение на тюрьму с целью освободить всех политических заключенных. Полиция, пронюхав об этом решении, поставила в тюрьму чуть ли не роту солдат и запретила всякие собрания. По просьбе управляющего дорогой властью были разрешены собрания стачечного комитета, но при условии присутствия на них полиции. Стачечный комитет воспользовался этим разрешением и устроил еще ряд заседаний на вокзале (16—17 октября), при чем каждый раз довольно благополучно вытуривал полицию... Наиболее существенными решениями этих заседаний были: принятие требований, посылка делегатов по линии с целью укрепить настроение бастующих и призвать к продолжению борьбы, сбор средств на поддержание стачки и организация защиты движения от покушений царской власти. Работая над организацией и укреплением движения, стачечный комитет выпускал особые информационные листки под наименованием «Бюллетень». Для образца этого издания приведу три номера от 12—14 и 16 октября.

«Бюллетень» — 12 октября 1905 г. — «Бюллетень выходит в сокращенном виде ввиду захвата сведений при аресте одного товарища. Сегодня утром, в 6 ч., арестован тов. Луцкий. По поводу требования товарищей в Ранненбурге получены сведения с линии с протестом товарищей и с требованием немедленного их освобождения и с назначением суда над насильниками. Стачечный комитет по этому поводу послал министру Хилкову следующую телеграмму: требуем немедленного освобождения товарищей, арестованных в Ранненбурге, помещения их в больницы и наказания виновных; стачечный комитет об'являет: если к кому-либо из наших товарищей, как на нашей, так и на других дорогах, будут применены репрессивные меры, мы будем освобождать их, не останавливаясь ни перед какими мерами.

Прибыли делегаты из Пензы, Балашова, Козлова, Камышина, Тамбова, Ершова. Жилище их — в вагонах при станции Саратов-пассажирский. По требованию делегатского с'езда пассажирский вокзал предоставлен в распоряжение с'езда для заседаний. По по-

становлению стачечного комитета Р.-У. ж. д. к саратовскому губернатору отправлена депутация с следующим требованием: ввиду того, что делегатский стачечный с'езд всей Р.-У. ж. д. собирается явно, на виду всего города, всей линии и даже всей России, ввиду того, что каждый делегат опирается на уполномочившую его на все действия массу его избирателей, мы требуем неприкосновенности личности делегатов, прекращения преследования их и немедленного освобождения арестованного делегата тов. Луцкого.— Копия настоящего передается телеграфом министрам внутренних дел и путей сообщения, по линии Р.-У. ж. д. и по другим дорогам. Получены следующие телеграммы: 1) от управления о-ва Р.-У. ж. д. о забастовке. Просит поддержки; 2) делегатский поезд прибыл в Аткарск в 2 ч. 10 м. при восторженных кликах «ура» и отправился при овациях; 3) предложение московских товарищей выслать к ним делегатов, на которое стачечный комитет послал следующий ответ: делегаты всей линии уже в Саратове, а потому мы до выработки плана действий нашей Р.-У. ж. д. перенести собрания из Саратова не можем; просим ваших делегатов в Саратов. — Стачечный Комитет Рязано-Ууральской жел. дороги».

«Бюллетень» — 14 октября. — «Товарищи Романенко, Козлов, Сушкин, Бродский, Гребенников, Фортинский арестованы и брошены в тюрьму. Под видом разрешенного губернатором на пассажирском вокзале собрания всему стачечному комитету устроили ловушку. Несмотря на это, стачечный комитет продолжает свои занятия. Товарищи! Вам ясно теперь, что без гарантии свободы собраний немыслимо говорить о наших насущных нуждах. Теперь, когда вся Россия охвачена освободительным движением, наш долг отстаивать свои требования. Товарищи. Стойте твердо, защищайте своих уполномоченных, не давайте их в руки ненавистного правительства и не прекращайте забастовки до тех пор, пока не освободят наших товарищей. Стачечный Комитет Ряз.-Ур. жел. дороги».

«Бюллетень» — 16 октября. — По настоянию стачечного комитета всем поденным служащим будет уплачено заработанное жалованье. В некоторых пунктах приступили к уплате. Из среды стачечного комитета избраны комиссии, которые работают над сводкой всех требований. Занятия эти были бы закончены сегодня, если бы не ловушка, устроенная на вокзале. Стачечный комитет приступил к сбору денег на поддержание стачечного движения.

Задержка в выпуске «Бюллетеня» вызвана арестом и покушением полиции на товарищей. Стач. Ком. Р.-У. ж. д.».

Репрессии, посыпавшиеся на делегатов, привели к необходимости устроить по серьезным тактическим вопросам движения такое заседание, которое бы обеспечивало спокойные занятия. Для этого было решено на полтора суток всем делегатам выехать вниз по Волге на жел.-дор. пароходе «Первый». Стачечный комитет, сговорившись с администрацией дороги, получил означенный пароход. 18 октября охранка, узнав об этом, приняла свои меры, и когда депутаты в количестве 122 ч. пришли на пароход, последний был захвачен полицией, делегаты переписаны и человек 17 из них арестованы и отправлены в губернскую тюрьму. Удар, нанесенный полицией стачечному комитету, мог бы иметь большое дезорганизующее значение, так как арестована была «головка» с'езда, но в этот же день опубликован был царский манифест, и все арестованные вышли на свободу...

* * *

Забастовка железнодорожников послужила сигналом к всеобщей политической забастовке в городе. 10 октября вслед за мастерскими и депо Ряз.-Ур. ж. д. прекратили работу рабочие механического завода Беринга. 11 октября забастовали механические заводы б. Гантке и Коробова. 12 октября стали мельницы Шмидт (большая и малая), Степашкина (большая и малая с лесопильным заводом при ней), Богословского, Борэль, Смирнова и др. 13 октября прекратилась работа на механических заводах Терентьева, Макарова, Парусиновых, Заматорина, Чирихиной и Медведева, на мукомольных мельницах Скворцова, Рейнеке, Макарова, на шоколадной фабрике Миллер, на лесопильных заводах Макарова, Оленева, Андреева, Штучкова и др. 14 октября забастовали типографии (кроме газетных) Шельгорн, Сергеева, Лихтенвальд, Тобис, Яковлева, Феокритова, Винклера, Панина и губернского земства. В забастовке приняли участие почти все 100% наличных в городе промышленных рабочих. При чем рабочие ж.-д. мастерских и депо бастовали до 28-го, механических заводов—до 26 октября, а завод Гантке даже до 31-го; мельницы — до 25-го, лесопильные заводы — до 26-го, типографии — до 17-го. Если среднюю забастовки принять в 20 дней, то рабочие затратили более 140.000 рабочих дней. Следовательно, по сравнению с прошлыми забастовками, октябрьская отличалась наибольшим участием ра-

бочих и наибольшей напряженностью. Требования были пред'явлены политического и экономического характера, при чем последние в подавляющем количестве случаев — те же самые, что и в прошлые забастовки. Наиболее типичными требованиями (с своеобразной увязкой политических и экономических требований) были требования рабочих механического завода б. Гантке. Вот они: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) повышение расценка и заработной платы на 50%, 3) государственное страхование рабочих на случай смерти, увечья, старости и болезни, 4) во время болезни платить полную заработную плату в течение 4 месяцев, 5) полная отмена косвенных налогов и замена их подоходным, 6) установление третейского суда из рабочих и предпринимателей для разбора недоразумений, 7) установление фабричной инспекции из рабочих для охраны труда, 8) отмена детского труда до 15-летнего возраста, 9) всеобщее обязательное образование до 15-летнего возраста, 10) свобода слова, печати, собраний, стачек, союзов, неприкосновенность личности и жилища, совести и вероисповеданий, 11) немедленно открыть библиотеку, 12) сделать запасный выход наверху механического цеха, 13) при остановке машин и станков платить полную поденную плату, 14) для охраны интересов всей страны требуем немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права для всех достигших 21 г., без различия вероисповедания и пола, 15) принять тов. Лушникова, уволенного в майскую забастовку, и т. д.

Промышленники в своем большинстве пошли на уступки по несущественным требованиям; на требования же значительного характер, как, например, восьмичасового рабочего дня, некоторые ответили, что, мол, этот вопрос для всей страны будет разрешен Государственной Думой. Меньшинство предпринимателей пошло по пути не только отказа и закрытия предприятия (например, Чирихина), но и прямой организованной борьбы со своими рабочими, для чего даже была сделана попытка образования предпринимательского союза. Это не обескураживало забастовщиков, которые в своей основной массе стремились прежде всего к разрешению политических задач...

За рабочей забастовкой последовала забастовка служащих и приказчиков. 10 октября забастовали служащие управления Ряз.-

Ур. жел. дороги, 11-го прекратили работу служащие городской управы, при чем на многолюдном собрании вынесли следующую резолюцию политического характера:

«Россия вновь переживает события чрезвычайной важности. Только что закончилась забастовка столичных и местных типографий. В столицах и университетских городах освободительное движение завоевало университеты для свободного обсуждения наболевших насущнейших вопросов русской жизни. Митинги из десятков тысяч членов стали не сном, а действительностью. Москва и Петербург стали ареной кровавых столкновений. Теперь перед нами грандиозная, небывалая в истории забастовка железнодорожных служащих. 23 дороги приостановили движение. Сообщение между столицами прервано. К железнодорожной забастовке постепенно примкнули рабочие многих городов, служащие всевозможных частных, общественных и государственных учреждений. Крестьяне повсюду волнуются. Окраины охвачены революционным пожаром. Правительство намеренно остается совершенно глухим к народному движению и попрежнему пытается внести успокоение репрессивными мерами и бесплодными обещаниями. А между тем все стремительнее приближается финал многолетней борьбы прогрессивных элементов нашей родины с темными силами реакции. По нашему глубокому убеждению все граждане должны примкнуть к этому забастовочному движению и усилить его напор. Этого требуют задачи, намеченные и нашим собранием. Было бы крайним доктринерством откладывать забастовку до более подходящего момента. Эти моменты в критические времена не подготовляются, а чаще всего указываются неизбежным трагическим ходом событий. Общее собрание делегатов Союза Союзов Саратовской губернии постановило присоединиться к забастовке железнодорожных служащих и к политическим требованиям, выставленным ими. Требования эти следующие: свобода слова, печати, собраний, стачек, неприкосновенность личности и жилища, свобода совести и вероисповеданий; немедленное освобождение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения и созыв учредительного собрания на началах всеобщего, без различия пола, национальности и вероисповедания, равного, прямого и тайного голосования. Собрание служащих саратовского городского самоуправления принимает эту программу и считает необходимым обратиться с нею к широким слоям городского населения. Переживаемый момент, по мнению собрания, обязывает представи-

телей городских и земских учреждений стать в непосредственное соприкосновение со всем населением и, отложив решение мелких повседневных вопросов жизни, приступить к немедленному обсуждению и решению общегосударственных вопросов на открытых собраниях. Обратиться к населению вообще и в частности к войскам с воззванием, раз'ясняющим смысл и значение современных событий; такое обращение было бы одним из способов практического разрешения вопроса со стороны общественных учреждений».

12 октября забастовали служащие губернской и уездной земских управ, приняв резолюцию о присоединении к забастовке по образцу только что изложенной. Многочисленные союзы профессиональной интеллигенции [1]), а равно и их об'единение, так называемый Союз Союзов, один за другим спешили вынести свое решение о практическом или «моральном» присоединении к забастовке.

13 октября двинулась приказчичья масса. Приказчичий с.-д. союз созвал общее собрание в помещении О-ва приказчиков. Собравшиеся в количестве более 1.500 ч. решили примкнуть к забастовке. При обсуждении политических требований произошли крупные споры, ибо нашлось довольно много «работников прилавка», которые считали ненужным их пред'являть. Они были своеобразными «экономистами». Собрание с ними не согласилось, и политические требования были приняты. На другой день все магазины вынуждены были закрыться...

На день раньше прекращены были занятия во всех учебных заведениях, и горячая молодежь устремилась в кипучий водоворот митинговой кампании... Движение захватило даже самые отсталые слои обывателей... Обычная жизнь города, в особенности промышленная и торговая, остановилась, начиная от берега Волги и кончая «выселками», т.-е. отдаленными окраинами.

* * *

На-ряду с забастовочной кампанией развертывалась и митинговая кампания, которая, под давлением полиции, переходила не

[1]) В Саратове были след. союзы: а) врачей, б) инженеров, в) жел.-дор. служащих, г) учителей, д) учеников среднеучебных заведений, е) служащих уездной земской управы, ж) служащих губ. земства, з) служащих казенных учреждений, и) служащих городской управы, к) юристов округа Сарат. судебной палаты и т. д.

только в борьбу за свободу «народных собраний», но и в борьбу с самой полицией и войсками...

Наиболее важными по количеству участников и политическому значению, кроме уже отмеченных собраний (жел.-дорожных служащих, стачечного комитета желдороги, служащих городских и уездных общественных учреждений), были те митинги, которые собирались в Парусиновской роще, в городской думе, в городском театре и на Театральной площади.

Первый рабочий митинг в Парусиновской роще состоялся вечером 10 октября; присутствовало на нем свыше 3.000 ч. Ораторы наши и социалистов-революционеров освещали в своих речах текущий момент, призывали к стойкой забастовке, вооружению и восстанию. Из наших наиболее удачно говорил В. А. Миллер. На этом митинге часто слышались выкрики молодых голосов: жертвуйте на вооруженное восстание! Рабочие охотно давали свои трудовые гроши...

11-го с 3 ч. дня там же был открыт «народный» митинг, на котором присутствовали не только рабочие, но и служащие. Народу набралось до 4.000 ч. Так как каждый митинг назначал день и час нового митинга, то следующее собрание должно было состояться в 12 ч. 12 октября. Оно состоялось, но закончилось столкновением с вооруженными силами местной власти. Дело было так. Митинг 12 числа собрал еще больше граждан — свыше 5.000 тысяч. Роща была переполнена людьми. Настроение у всех, в связи с успешно развертывающимися революционными событиями, было крайне повышенное. Председатель — И. М. Ляховецкий — едва сдерживал клокочущую массу. Ораторы, чувствуя это настроение, вдохновлялись до экстаза и говорили речи так, как будто нужно немедленно бросить массы в баррикадный бой. «Нужно уничтожить самодержавие одним революционным ударом, нужно захватить власть в городе, разгромить тюрьму, полицейские участки, ненавистную охранку, нужно создать революционное временное правительство местного масштаба и поддержать революционное правительство, которое в результате революции создастся в Петербурге», — вот основные мысли произнесенных речей. Выступавшие делегаты стачечного жел.-дор. с'езда еще более накалили атмосферу. Эсеры, пользуясь этим настроением, стали звать митинг в город, для «демонстрации мощи революционного народа». Наши ораторы считали момент еще не подходящим для боевых выступлений и не менее горячо, чем эсеры, боролись с внешнере-

волюционным предложением. Митинг уже склонялся на нашу сторону, как вдруг явившийся представитель от забастовавших мельничных рабочих своею речью повернул митинг в сторону выступления. В яркой речи он сообщил, что есть среди мельничных рабочих еще столь несознательные, что не решаются примкнуть к общерабочему делу, что их надо снять, что вообще момент требует от митинга итти к предприятиям, еще продолжающим работу, и присоединить их к борьбе и т. д. После недолгих обсуждений митинг решил итти в город и приостановить там, начиная с мельниц, работы на всех фабриках и заводах, ремесленных мастерских, на почте и телеграфе. Многотысячная масса митинга направилась сперва на Дегтярную площадь, где ею были остановлены мельницы Бореля и Богословского, а затем по Б. Сергиевской улице. Около боен митинг был встречен приставом и казаками. Возмущенные вмешательством полиции, демонстранты стали засыпать их камнями, вытащенными из мостовой. Кое-кто даже стрелял. Под градом камней казаки ускакали прочь, а помятый пристав «зайцем» сбежал в какой-то двор. На помощь пораженной полицейской рати выехал помощник полицеймейстера Дьяконов с оренбургскими казаками, к которым вскоре присоединилась рота Хвалынского полка, вызванная «для подавления беспорядков». Митинг уклонился от схватки и в некоторой части вернулся обратно в Парусиновскую рощу. Полиция оцепила рощу и арестовала до 200 ч., которых под конвоем и направила в ближайший полицейский участок. Озлобленные «фараоны» и казаки избивали арестованных. В участке всех переписали и отпустили, за исключением 32 человек, давно уже находившихся на примете у полиции.

Во время этих событий происходили заседания стачечного с'езда Р.-У. ж. д. — на вокзале — и городской думы. Стачечный с'езд, узнав об избиениях, постановил обратиться к губернатору с требованием немедленного прекращения насилий. Так как губернатор отказался разговаривать по телефону с председателем с'езда, то с'езд постановил отправить делегацию в думу с требованием принять все от нее зависящие меры к прекращению избиений. Дума, выслушав делегатов, постановила отправиться в полном составе во 2-ю часть, где находились арестованные.

Когда думцы под'езжали к части, они увидали «боевое становище» — участок был со всех сторон окружен казаками и войсками под ружьем; двор участка также был наполнен вооружен-

ными солдатами... Дума устроила заседание в кабинете пристава, куда вскоре приехал «трусливый, как заяц, и блудливый, как кошка», полицеймейстер Мараки. Дума, выслушав Мараки и опросив арестованных, постановила обратиться к губернатору с просьбой освободить арестованных на поруки думы. Вице-губернатор Кноль принял депутацию думы и после переговоров согласился из 32 арестованных освободить 22 ч.; десять же человек не были выпущены и отправлены в губернскую тюрьму.

Пока гласные думы выручали арестованных в здании управы, в думском зале публика, главным образом служащие городского самоуправления, устроила митинг для обсуждения, складывающейся в связи с избиением, политической обстановки; по возвращении от губернатора городской голова снова открыл заседание думы, на котором сообщил о результате переговоров с властью. Затем были зачитаны показания арестованных и заслушаны показания побитых. При общем возбуждении дума приняла ряд решений: 1) избрать комиссию для расследования полицейских насилий над гражданами, 2) прекратить выдачу платы за постой казакам и 3) учредить «комитет, в который входят все гласные, представители биржи и уполномоченные от союзов» [1]). Комитет этот должен был быть, с одной стороны, «центральным стачечным комитетом», а с другой — в случае благоприятного развития революционных событий — местным временным революционным органом власти. По существу, конечно, учреждение этого комитета знаменовало попытку буржуазии в лице ее интеллигенции возглавить местное революционное движение, овладеть им и использовать его в своих классовых интересах...

«Центральный стачечный комитет» сконструировался в ту же ночь, распределил свою работу между членами и наметил, по соглашению с революционными организациями, порядок митингов на следующий день. 13-го население города с раннего утра было оповещено о месте и времени собраний, в частности и о собрании в городской управе (в 7 ч. вечера). Так как в Парусиновской роще засела сотня казаков, то вся митинговая масса сосредоточилась в думском зале и во дворе думы. Собралось свыше 6.000 ч.

---

[1]) В состав «Комитета» в частности входили: А. А. Токарский, А. А. Добровольский, В. Н. Поляк, А. М. Масленников (впоследствии конституционалисты-демократы), гор. голова А. О. Немировский, М. Ф. Волков (партии правового порядка), П. С. Гусев, А. П. Иосифов, (эсеры), Д. А. Топуридзе, А. В. Узембло (с.-д. меньшевики) и др.

Митинг заслушал информацию о событиях в стране и в городе, об образовании центрального стачечного комитета и ряд политических речей (от нашей организации говорили Миллер, Ляховецкий и др.). В результате была принята резолюция, требовавшая от думы отказа от содержания полиции, передачи денег, ассигнованных на полицию, в распоряжение революционных организаций для вооружения граждан, а в случае невозможности осуществить эти меры, — сложения с себя полномочий.

14-го было расклеено об'явление от управляющего губернией о воспрещении «всяких собраний и сборищ», при чем во всех обычных местах собраний были поставлены наряды полиции, казаков и солдат.

Городская дума была оцеплена со всех сторон. Пропускались лишь гласные думы, шедшие на заседание. Постепенно около полицейской цепи стала собираться толпа из рабочих, служащих и учащейся молодежи. К 9 часам вечера накопилось до 2.000 ч. Так как на все требования пропустить в думу полиция отвечала отказом, то раздраженная масса попыталась прорвать цепь. Это не удалось. Когда же полиция попыталась в свою очередь оцепить толпу, то и ей это не удалось. Толпа вырвалась из цепи и начала осыпать полицию и казаков камнями из мостовой. Даже было дано несколько выстрелов. Казаки, построившись в боевой порядок, кинулись на толпу и стали избивать ее нагайками, «не различая ни пола, ни возраста». Слабо вооруженная толпа сопротивлялась избиению, но вскоре была оттеснена и рассеяна... Борьба за «свободу собраний» стала переходить в боевые столкновения с полицией и войсками... У всех было такое впечатление, что мы идем быстрыми шагами к восстанию...

* * *

— «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи Нашей великою и тяжелою скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно связано с благом народным и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы всероссийской. Великий обет царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры

к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешного выполнения общих предназначенных Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым об'единить деятельность высшего правительства. На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной нашей воли: 1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы, на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку. 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия поставленных от нас властей». — Таково было содержание царского манифеста, обнародованного в Петербурге 17 октября и ставшего известным в Саратове на следующий день в 12 ч. утра.

Сперва широкие слои населения встретили известие о манифесте недоверчиво... Многие предполагали даже, что это просто «подвох полиции». Но когда манифест был опубликован и все его могли прочитать в экстренных телеграммах, недоверчивое настроение перешло в бурный восторг. «Победа — конституция, наша взяла, наконец царь понял народ, теперь мы сами с усами», — перекликались радостные голоса в запрудившей улицы толпе. Многие целовались «как на пасху»...

Обывательщина размякла... Буржуазия, зорко следя за настроениями, приняла лойяльную позицию по отношению к правительству. Лишь революционные организации и в первую голову наша — встретили манифест не только с недоверием, но и с убеждением, что эта уступка непрочна, что она может быть отнята, если пролетариат, а за ним весь народ не поведет еще более настойчиво своей борьбы — «до победного конца»... Первая мысль, которая приходила в голову после прочтения манифеста, была мысль о тех, кто сидит в тюрьме, кто закован в каменных

мешках именно за борьбу против правительства и за те свободы, которые признаны в самом манифесте.

Из глубины массы вышел призыв: освободить политических заключенных. Понимая всю политическую выгоду явиться перед массами в роли выразителей ее чаяний, буржуазия, в лице городской думы, на экстренном ее заседании постановила, под громовую овацию многочисленной публики, обратиться к управляющему губернией с требованием немедленного освобождения всех арестованных за политические преступления.

Вице-губернатор Кноль, к которому явилась депутация думы во главе с городским головой А. О. Немировским, отдал распоряжение о немедленном освобождении не только арестованных в последнюю забастовку, но и всех вообще «административных» политических, сидящих в губернской тюрьме.

Этот акт местной власти, являвшийся как бы иллюстрацией к новому порядку, провозглашенному в манифесте, укрепил доверие к «царскому слову» и создал много радужных иллюзий в населении. Обыватель «вдруг почувствовал себя гражданином».

Население высыпало на улицы. Оно жаждало митингов. Свободного слова. И это свободное слово было ему дано.

Перед собравшейся на Театральной площади для привета освобожденным из тюрьмы десятитысячной массой, с балкона управления Ряз.-Ур. жел. дороги ораторы раз'ясняли обстановку, при которой дан манифест, его смысл и значение, а также указывали путь, которым должны итти дальше революционные массы. Митинг бурно встречал речи ораторов, в особенности тех, которые только что были выпущены из тюрьмы, и с внешней стороны казалось, что он солидаризируется со всем высказываемым. На деле же это было не так. Митинг незаметно для себя расслаивался по классовым линиям. Некоторая его часть была согласна с ораторами «освобожденского» типа, которые призывали к органической работе на почве данных манифестом свобод и Государственной Думы, некоторая часть, по преимуществу рабочие, разделяли наше недоверие к манифесту и думали о дальнейшей революционной борьбе; наконец, та часть митинга, которая состояла из недовольных забастовкой (лишавшей заработков) извозчиков, грузчиков, люмпен-пролетарских элементов, мелких лавочников и т. п., была настроена враждебно к «забастовщикам» и «орателям». Из наших на этом митинге особенно ярко говорил В. К. Сережников.

Второй большой митинг происходил в этот же день в городском театре, где выступали снова «освобожденцы», эсеры и наши (В. А. Миллер, П. И. Клочков и др.) [1]).

День «ликования» закончился демонстративным ночным шествием с пением революционных песен...

Народ праздновал победу.

* * *

Забастовка, кипучая деятельность либеральных, радикальных и революционных союзов и комитетов, митинговая волна, с каждым днем все более и более завоевывающая улицу, вооруженные столкновения с полицией и войсками, организуя силы революции, совершенно естественно, на другом полюсе «общественности» — приводили к организации сил, враждебных этим новым явлениям жизни. Темное «горное» мещанство, базарные лавочники, торговки и их семьи, уголовный мир города, тесно связанный с уголовным розыском и полицией, чиновничество и служащие в полиции, охранке и т. п. правительственных учреждениях, многочисленный береговой люмпен-пролетарий, ломовые извозчики, духовенство, — все те слои, которые непосредственно страдали от забастовки или опасались за свою жизнь и благосостояние в случае победы революции, искали форм организации для борьбы с «бунтовщиками». Местные власти и местное духовенство, во главе с «преосвященным Гермогеном», давно обратили внимание на эти темные, контр-революционные силы и принялись их обрабатывать посредством своих агентов, используя малограмотность, некультурность, бытовую и религиозную чащу предрассудков.

Особенно много потрудился Гермоген, организатор этих элементов в так называемое «Христорождественское братство». «Братчики», «черная сотня» (демонстративно принятое наименование в противовес «красной сотне») постепенно превращались в солидную погромную силу. Еще после январской забастовки «братчики», собравшись под председательством крайнего монархиста, старьевщика Уварова, подписали в количестве 1.000 ч. «всеподданнейший адрес», в котором говорилось: «Самодержавный Государь наш! Царь наш! Знаем мы, что ты государь, скорбишь вместе с нами, переживая дни смуты, позорящей русский народ.

[1]) Этот митинг принял резолюцию, которая требовала освобождения всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, организации думой, народной милиции и т. п.

Знаем и спешим сказать тебе, государь, что народ русский не подымет голос свой против родины и царя... Да сохранит тебя бог и поможет тебе собрать достойных помощников в твоем царском деле»... Между прочим, губернатор, принимая этот адрес, ответил делегации: «Я очень доволен, что мне представился случай стать лицом к лицу с настоящими русскими людьми, сплотившимися для достижения высокой цели»... Вот эти-то «достойные помощники», «настоящие русские люди», слыша на митингах, как ораторы «бунтовщики» радовались по поводу того, что революционный народ вырвал у царя манифест 17 октября, подогреваемые полицейско-поповской агитацией, пришли в исступленное состояние и каждую минуту готовы были выступить за «батюшку-царя» и сломать ребра «жидам-революционерам», студентам и всей прочей «интеллигенции, продавшей царя за японские миллионы»...

Погром созрел...

XI. ПОГРОМ.

Не прошло и нескольких часов после освобождения из тюрьмы административно арестованных политических, манифестации в честь освобожденных и митинга на Театральной площади по поводу манифеста 17 октября, как по городу, в его обывательской массе, поползли тревожные слухи о готовящемся погроме. Рассказывали на-ухо о каких-то приготовлениях и распоряжениях полиции, о собраниях черносотенцев, о тайных молебствиях за «успех и одоление супостатов-революционеров», о крестах-отметках на дверях и окнах квартир, где жили евреи и либеральные интеллигенты, о подметных, угрожающих письмах и т. п. Попутно шло безобразнейшее извращение речей, произнесенных революционерами на митинге 18 октября, явно спекулировавшее на религиозном фанатизме самых темных, самых отсталых слоев города. Говорилось, например, о том, что революционеры и евреи, эти «противники бога и царя хотят превратить храмы господни в хлева для скотины... в отхожие места... в публичные дома» и т. п. Эти слухи глубоко встревожили еврейское население, которое по кровавому опыту знало манеру царского правительства отводить стихийный гнев масс против себя на еврейскую национальность. Делегации, посланные к заместителю губернатора еврейскими общественными организациями, даже не были приняты. Им «через двери» было заявлено, что они напрасно беспокоятся и что ничего такого не может случиться, что бы не было вызвано самими евреями. Эти «успокоения» еще более углубили панику. Еврейская молодежь спешно стала организовывать самооборону. Остальное, в особенности, рабочее, население, хотя и было встревожено, однако отказывалось верить в то, что «черносотенная сволочь осмелится смутить радостное настроение победоносного, свободного народа». Лишь наша организация предприняла некоторые оборонительные меры и держала боевую дружину наготове..

19 октября, с утра, на Театральной площади снова собралось тысячи три рабочих, служащих и приказчиков и снова открылся митинг. Некоторое время он продолжался в полном порядке. Тем временем на Верхнем базаре, на «толкучке» и около «биржи» шла черносотенная погромная агитация, привлекая толпу озлобленных забастовкой людей. Скопившись у «биржи», взяв оттуда царский портрет и прикрепивши его на длинный шест в качестве знамени, ожесточенная толпа двинулась к революционному митингу. Толпа была вооружена кто чем попало — камнями, кольями, ножами, кастетами, даже шкворнями и оглоблями. Кое у кого было и огнестрельное оружие. Подойдя к митингу, черносотенная толпа на минуту приостановилась, а затем, словно по сигналу, с криками «бей... бей» ринулась в рукопашную. Митинг ответил стрельбой по толпе. Началась свирепая и длительная схватка. Раненые, изувеченные и убитые падали с обеих сторон и затаптывались ногами борющихся. Наконец, наш митинг дрогнул под звериноисступленным натиском и стал отступать к вокзалу. В это время к нему на помощь подоспели рабочие с митинга на Институтской площади. Боевая дружина подоспевших открыла по черносотенцам беспорядочную стрельбу, но так как эта стрельба не принесла ущерба толпе, то она после некоторой паники с еще большим остервенением набросилась на новых врагов и вскоре разогнала их.

Так как полиция «держалась нейтрально», а многие полицейские начальствующие чины не могли удержать своего секрета и открыто одобряли действия громил, последние, чувствуя свою безнаказанность, развернулись, что называется, во-всю и начали погром. Сперва громились магазины на Театральной площади, Александровской и Немецкой улицах, т.-е. в центре города, а затем погром перекинулся в улицы, заселенные евреями, главным образом еврейской беднотой. Особенно тяжко пострадала Старо-Острожная улица, где была сожжена синагога и разнесено вдребезги более сотни квартир и убито много евреев. Люди, осатаневшие до потери человеческого облика, опьяневшие от водки и от крови, громили все, что попадалось им на пути, грабили, увечили, насиловали, убивали. И все это проделывалось под пение молитв и «боже царя храни», под неумолчный рев гнуснейшей волжской ругани... Самооборона и наши дружинники с необычайной энергией и героизмом боролись с погромщиками. Очень часто им удавалось залпами приостанавливать начинающийся разгром, изнасилование или убийство. Но их было мало. Они не могли

поспеть во все места за растекшейся по городу погромной стихией. Черный террор повис над городом. Всю ночь город освещался заревами пожаров, оглашался жутким гулом громящей толпы и редкими выстрелами обороны...

— «Я много пережил с тех пор, — рассказывал мне один из товарищей, участников обороны, — но этот кошмарный день навсегда врезался в моей памяти. Впервые я постиг, до каких страшных низин может дойти человек. Говорят: человек — зверь. Пустяки. Зверь никогда не додумается до таких чудовищных действий, до каких додумается человек... Я помню... мы бежали с Николаем по Кирпичной улице, разгоняя скупыми выстрелами скопляющуюся для погрома толпу... У Николая были знакомые, которых он захотел проведать — «не убили ли», и просил меня его подождать. Я присел на скамейку у ворот какого-то домика. В это время двое «голахов» бросились в ворота на противоположной стороне улицы, и вскоре со двора раздались раздирающие душу крики о помощи. Через секунду на улицу выбежала девушка-подросток... еврейка... вся растерзанная... с непередаваемым ужасом на лице... — «Спасите... убивают... убивают...». Запнулась о камни мостовой и упала. Матерно ругаясь, за нею выскочили двое громил и накинулись на нее. Один сел ей на голову, а другой на ноги и стал рвать юбку. Без одной мысли, будто сорванный кем-то, я кинулся к насильникам и, не целясь, дважды выстрелил в одного из них. Громила без стона свалился, сделал несколько судорожных движений и, поджав ноги, остался неподвижным. Другой громила, рыча, повернулся в мою сторону. Лицо его, вымазанное в крови и грязи, дышало яростью. Он швырнул в меня ножом, но промахнулся. Когда я навел на него револьвер... он пришел в ужас и, упав на колени, буквально стал лизать мои пыльные сапоги и умолять не убивать его. Он стал вдруг так жалок, так ничтожен, что, откровенно скажу, мне противно было всаживать в него пулю. С отвращением отпихнув его носком сапога, я схватил девушку на руки и понес обратно в дом. Несмотря на довольно крепкие нервы, я чуть было не упал. В сенцах валялся труп пожилого еврея с разможженным черепом... мозги вылетели и облепили ступени кроваво-белыми тряпками... густые потоки крови застыли, смешавшись с землей... Голова без черепа... оскаленные, как бы смеющиеся зубы... С своей ношей я повернулся обратно... Постучался в чью-то квартиру, но мне не отперли, а через дверь умоляли скорее уйти. На мои просьбы приютить на-

ходящуюся в обмороке девушку мне ответили паническим отказом... Я вышел на улицу. Там встретил меня крик толпы человек в сорок. — «Вот он... жидовский прихвостень... бей его... бей». — Спасаться было некуда. Я положил девушку к ногам, прислонился спиною к забору и, выставив вперед револьвер, готовился дать смертельный отпор. Толпа попятилась.—«Смелей, робя... не бойсь... он все патроны расстрелял... он убил мово товарища», — заорал громила, которого я пощадил, и кинулся вперед. Началась свалка. Я несколько раз в упор выстрелил в груду наседавших на меня тел и, сбитый с ног, — упал. Очнулся я в больнице. Весь в бинтах. Боль во всем теле. У меня оказалось сломлено два ребра, повреждена грудь, в нескольких местах пробитая голова, и весь я был покрыт кровоподтеками и ранами. Как я уцелел? Не понимаю. Девушку, как оказалось, я так и не спас. Она была убита.

Прошло много лет, и все-таки я иногда эту картину вижу перед глазами, как живую».

На утро 20 октября погром вспыхнул с новой силой. Опять вихрь обезумевшей толпы, опять кровь и жертвы, опять пожары и опять отчаянная стрельба. В этот день, кроме еврейских квартир, были разгромлены квартиры многих радикальных и либеральных общественных деятелей. Кое-кто из них был не только избит, но и тяжко изувечен. Погром расширял поле своей деятельности. Даже у полиции появились опасения, и она на всякий случай вывела на улицы войска. Полицеймейстер Мараки и вице-губернатор Кноль в сопровождении казачьего отряда стали об'езжать город. При этом они не только не принимали видимых мер к прекращению погрома, но даже отдавали «под козырек», когда погромная толпа встречала их восторженными криками «ура».

Разгромив в этот день все, что было позволено, а может быть, и намечено, черная сотня задумала двинуться в железнодорожные «выселки», что за «губернаторским» переездом. Она хорошо знала, что в этот рабочий поселок спаслось много семей евреев и интеллигентов.

Рабочие, в особенности железнодорожники, узнав о надвигающейся опасности со стороны черной сотни, собрались огромной толпой для защиты своих семей и тех, кто искал и нашел у них спасенье от верной гибели. Рабочие вооружились чем попало и готовы были драться, что называется, до последнего. Обе толпы встретились по обе стороны переезда. Погромщики, увидев перед собою организованную силу, да к тому же бешено настроенную,

не только не решились на нападение, но и быстро ретировались, оглашая воздух руганью и угрозами. Такая же история была и с другой попыткой черной сотни напасть на рабочий, так называемый, Очкинский поселок. Там рабочие также храбро выступили против погромщиков и прогнали их. Таким образом рабочие поселки, охраняемые самими рабочими, не пострадали. Более того, рабочие не раз пытались пробиться в город для ликвидации погрома, но каждый раз они натыкались на угрожающую щетину штыков войсковых застав...

По приезде Столыпина (он был в отпуску) 21 октября войска были приведены в действие и стали разгонять громил. Часа в три дня, во время столкновения дружинников с погромщиками, войскам был дан приказ стрелять в толпу. Расчет, конечно, был попутно уничтожить и дружинников. Однако офицер, командовавший войсками, помог дружинникам сманеврировать, и весь залп пришелся по черной сотне. После этого погром прекратился. Получилось впечатление, что погром прекращен Столыпиным, т.-е. тем, кто без сомнения был его организатором. После погрома черная сотня устроила патриотическую манифестацию, которая была разрешена, несмотря на тревожное настроение в городе и на то, что кое-где на «горах» еще происходили отдельные избиения и разгромы. По неполным данным, за три дня погрома было убито 30 ч., ранено до 250 (из них тяжело — 50), разгромленных квартир, магазинов и зданий — 200, поджогов и крупных пожаров — 22.

Черная сотня отпраздновала манифест по-своему.

Саратовские мостовые были залиты невинной кровью.

XII. ПОХОРОНЫ Т. ГОРАБИКА.

Одной из жертв погрома был т. Горабик, рабочий завода б. Гантке. Промучившись несколько дней в больнице от тяжкой раны, он умер 30 октября. Утрата прекрасного товарища, которого знали и ценили не только рабочие своего завода, но и вся широкая рабочая масса Саратова, вызвала тяжелое настроение, с одной стороны, а с другой — породила желание похоронить его так, чтобы память о нем надолго сохранилась.

Наш комитет и комитет местной организации партии эсеров (Горабик был членом эсеровской боевой дружины) развили широкую устную и письменную агитацию за устройство демонстративных похорон. Наш комитет писал:

«Товарищи! В кровавой схватке с врагом погиб один из бойцов пролетариата — рабочий завода Гантке — Людвиг Горабик. 20 октября, отделившись от боевой дружины, он был зверски искалечен черносотенцами и тяжело ранен. 30 октября славного борца за светлое будущее не стало... долг пролетариата почтить павшего в борьбе за святое дело свободы. Саратовский комитет РСДРП приглашает товарищей 1 ноября в римско-католическую церковь к 3 ч. дня для участия в похоронной процессии. Порядок должен охраняться участниками. Товарищи! В ком не угасла святая жажда свободы — пусть придет к дорогой могиле и скажет товарищу последнее «прости». Мужество — наша защита, оно же — залог победы».

Была выделена организационная комиссия, при чем комитетом эсеров был выработан план шествия. Решено было итти на Немецкую ул. к костелу, а затем, после обряда, по той же улице двинуться к кладбищу с развернутыми красными знаменами и пением революционных песен. Охранять процессию от черной сотни и полицейских наскоков должна была боевая дружина. Однако полиция не допустила осуществить этот план. Распоряди-

телям процессии было предложено итти от квартиры Горабика по Астраханской ул. на кладбище, не пытаясь осуществить своего плана, ибо все улицы, ведущие в центр города, будут заставлены казачьими и солдатскими нарядами. Во избежание кровавых столкновений пришлось принять навязанный план. С утра стали сходиться рабочие, служащие, учащаяся молодежь. Часам к двум набралось тысяч пять, и процессия двинулась. Впереди обитого красной материей гроба несли более двух десятков венков с красными лентами... Провожающие шли рядами, взявшись за руки... по бокам и впереди процессии шла цепь вооруженных боевиков... Хор и вся процессия неустанно пели то «Вечная память», то «Вы жертвою пали», «Служил ты не долго, но честно для блага родимой земли», то — боевую Марсельезу... Около технического училища были выкинуты на бамбуковых, складывающихся древках черный траурный и красный флаги. Когда выходили через переезд к кладбищу, был выкинут третий — красный — флаг.

На кладбище перед открытой могилой говорили речи П. И. Клочков и П. М. Мерситов от нас и А А. Минин и А. А. Герасимов от эсеров. — «Спи, дорогой товарищ, — говорил Мерситов, — мы смыкаем свои ряды в борьбе и не кончим ее до тех пор, пока не победит пролетариат». Думалось ли ему тогда, что он, большевик, будущий член ПК нашей партии, в момент победы пролетариата будет ярым ее противником... Будет помощником палача Деникина, вспоенного и вскормленного той самой черной сотней, от руки которой погиб славный Горабик...

XIII. ДЕКАБРЬСКАЯ ЗАБАСТОВКА.

Упорная октябрьская забастовка и последовавший погром не оказали на революционную энергию масс того подавляющего влияния, которого можно было бы ожидать. Похороны т. Горабика показали это вполне наглядно. Усталость, конечно, брала свое, но разгрома пролетарских сил не было и в помине. Закончив политическую забастовку, имея некоторое удовлетворение в виде манифеста, местные рабочие и служащие снова вошли в сферу отдельных экономических забастовок и самоорганизации для дальнейших боев. Наиболее крупной стачкой за ноябрь была стачка местных почтово-телеграфных служащих, примкнувших к всероссийской забастовке почтельсоюза. Вот что о ней сообщала местная газета:

«Забастовка почтово-телеграфных чиновников в Саратове началась в ночь с 15 на 16 ноября. На 15 ноября, как известно, назначен был в Москве всероссийский с'езд делегатов от союзов губернских и уездных почтово-телеграфных контор. Известный циркуляр начальника главного управления почт и телеграфов г. Севастьянова об увольнении всех почт.-тел. чиновников, которые примкнут к местному и московскому союзам, страшно возбудило местных п.-т. чиновников, и здесь к союзу примкнуло более 200 ч. 15-го здесь были получены сведения об увольнении со службы организаторов московского с'езда, а затем об аресте наших делегатов. Московский с'езд потребовал отмены этих распоряжений. Но вечером 15-го с Саратовом прекратили телеграфное сообщение Петербург, Москва, Харьков, Казань, Самара, Царицын и еще некоторые конторы. В 12 ч. утра 16-го собрание п.-т. служащих постановило и приняло к исполнению немедленно прекратить работу в главной п.-т. конторе и во всех ее отделениях».

Что же касается известной петербургской забастовки протеста против военно-полевого суда над взбунтовавшимися крон-

штадтцами и против введенного во всей Польше военного положения, то она отразилась на местной жизни не прекращением работ, а лишь митингами...

Кстати этими последними наполнен весь ноябрь; при чем они носили пропагандистский и организационный характер.

Для примера митингов первого типа приведу содержание митингов 30 октября, 10 и 13 ноября.

Многолюдный рабочий митинг 30 октября был занят выяснением причин погрома и протестом против искажения событий погрома «Российским Агентством». По первому вопросу митинг постановил остаться при прежней пролетарской тактике, добиваться всенародного учредительного собрания и признать необходимым реорганизовать местные органы городского самоуправления на началах всеобщего избирательного права; по второму — протестовать против сообщения о том, что саратовские рабочие приняли участие на стороне черной сотни в погроме — «саратовские рабочие составляют авангард революционного местного движения и борются с темными силами всеми средствами, которые находятся в их распоряжении. Случаи участия рабочих в черных бандах единичны, и против таких рабочих, отщепенцев от общей революционной массы, уже принимаются меры». Для того чтобы и таких единичных переходов рабочих на сторону черных не было, митинг постановил усилить пропаганду и агитацию среди «бессознательных» элементов рабочего класса.

10 ноября состоялся митинг в фельдшерской школе, на котором Мерситовым по поручению нашей организации была прочитана лекция по аграрному вопросу. Народу собралось столько, что зал школы не мог вместить всех желающих. Пришлось организаторам обещать повторение лекции. Доклад, излагавший точку зрения социал-демократии, был выслушан с напряженным вниманием. После доклада начались прения с эсерами, которые затянулись за полночь.

13 ноября нашей же организацией был устроен митинг в самом сердце черносотенной организации — в чайной на Пешем базаре. Пришло также очень много народа, но в зал можно было пустить лишь 1.000 человек. Состав публики был крайне разношерстный. Тут были рабочие, ночлежники, мещане и определенные черносотенцы. Последние даже пришли с палками и держали себя вызывающе. Пахло маленьким погромом. Однако инициаторы решили митинг все-таки открыть и попытаться идейными мерами

сломить погромное настроение. Первым выступил т. А. А. Богданов, который нарисовал безотрадную картину экономического положения русского народа, начиная с крестьян. «Надельная землю, — говорил он, — не дает крестьянину и половины того, что приходится выплачивать. Аренда у частных владельцев не оправдывает труда, который вкладывается в обработку земли. Ужасные экономические условия, в которых живут рабочие и крестьяне, вызвали страшную заболеваемость и смертность, какой нет ни в одной стране. Положение других трудящихся классов — ремесленников, мелких торговцев, приказчиков и т. п. — такое же как и рабочих. Правительство всегда стояло на стороне помещиков и фабрикантов. Этим, между прочим, об'ясняется, почему постоянно ставились препятствия к просвещению народа. Его старались держать в темноте, чтобы было свободнее эксплоатировать и распоряжаться им. Война вскрыла все эти язвы, и вот рабочий класс увидел, к чему ведет родину неограниченное господство чиновников, и потребовал, чтобы делами государства распоряжался сам народ в лице своих представителей». Затем оратор выяснил значение для рабочего класса и вообще трудящегося народа гражданских свобод. Речь Богданова, произнесенная с под'емом, простым и ясным языком, произвела впечатление и заставила черносотенцев присмиреть. После Богданова говорили опять наши ораторы — Дружинин и Мерситов. В заключение аудитория благодарила докладчиков и просила почаще устраивать такие собрания и выяснять «темному народу» правду...

Организационные митинги имели своим содержанием строительство «беспартийных» профессиональных союзов. Из этих митингов выросли профсоюзы — металлистов, деревообделочников, портных, почтельчиновников, медицинского персонала и т. д.

XIV. СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Местное рабочее движение в процессе борьбы изыскивало наиболее целесообразные формы своей организации. Оно шло от митингов, как простейшей формы, к выделению из заводской среды делегатов для переговоров с предпринимателями и административными властями, а затем стачечных комитетов. От последних и параллельно с ними движение перешло к организации профессиональных союзов. Наконец, опыт октябрьской забастовки и надвигающаяся решительная схватка с правительством заставили массу искать более широкой, более гибкой и более связанной с заводами и даже с цехами организации.

Рабочие наших центров, Петербурга и Москвы (несколько раньше рабочие Иваново-Вознесенска), уже нашли такую форму и создали Советы Рабочих Депутатов. Совершенно естественно и наши рабочие все более и более настойчиво стали говорить об организации такого же Совета. Наша организация, с опаской относившаяся к беспартийным массовым организациям, стремившаяся быть организационным гегемоном движения, в конце концов должна была поставить на свое обсуждение вопрос об организации и у нас Совета. На общепартийном собрании 29 ноября вопрос был обсужден всесторонне. Некоторые товарищи так и остались при том мнении, что Совета не нужно, ибо он может вырвать руководство движением из рук партии. Большинство же, опираясь на центральный опыт, на статьи т. Ленина, разрешило вопрос в положительном смысле. Совету ставились задачи очень широкие: он должен был быть «защитником интересов рабочего класса», центром руководства предстоящего вооруженного восстания, а в случае победы восстания он должен был стать местным временным революционным правительством [1]). Как видите, идея, что Со-

[1]) Формулировку задач Совета см. в прокламациях «К гражданам», «К рабочим и работницам г. Саратова» и т. п.

веты есть органы пролетарской власти, у нас была выражена даже с большей отчетливостью, чем в Питере и в особенности в Москве. Это, конечно, об'ясняется только поздней организацией у нас Совета, тем, что мы уже имели на этом счет достаточные директивные указания вождя партии. Однако и большинство собрания, принявшее идею Советов, высказывало беспокойство по поводу беспартийности Совета. По этому вопросу было решено добиться от Совета признания гегемонии нашей организации, для чего: 1) взять организацию Совета в свои руки, 2) развить широкую кампанию выборов и добиться в Совете своего большинства.

Структура Совета не имела чего-либо особого от структуры центральных Советов. Совет должен был состоять из депутатов от каждой сотни рабочих по одному. Во главе Совета стоял его Исполнительный Комитет, избираемый Советом. Впрочем, в Исполнительный Комитет допускалась и кооптация. На случай ареста действительных членов Совета должны были быть выбраны кандидаты.

Вся кампания должна была закончиться к 7 декабря; к этому дню Совет должен был начать свою деятельность.

Так как «шила в мешке не утаишь», то эсеры, быстро узнав о наших решениях, тоже повели работу в направлении организации Совета.

В течение недели мы и они вели горячую избирательную кампанию. Помимо устной агитации на фабриках и заводах, мы выпускали прокламации, раз'ясняющие смысл организации Совета и призывающие голосовать за наши списки («К рабочим и работницам г. Саратова» и др.). На каждом заводе фигурировали наши списки. В эти списки мы включали не только партийцев, но и беспартийных рабочих, сочувствующих нашей партии. При выборах приходилось иногда комбинировать наши списки со списками эсеров или уступать настроению рабочих, желавших иметь беспартийного, «своего», «знаемого» депутата.

В результате кампании мы получили большинство в Совете. Но так как в этом большинстве были депутаты меньшевики и беспартийные сочувствующие, которые и слышать не хотели о «партийности» Совета, то на первом же заседании (8 декабря) в фельдшерской школе мы провалились с своим предложением. Совет постановил не связывать себя программой исключительно одной партии, а быть беспартийным руководителем беспартийной в большинстве рабочей массы.

На этом же собрании тайной подачей голосов был избран Исполнительный Комитет, куда вошли на правах кооптации представители нашей организации и эсеров.

Мы были страшно возмущены изменой меньшевиков, провалившихся нашу попытку поставить Совет формально под партийное руководство.

Однако по существу партийное наше руководство Советом существовало в течение всего довольно короткого периода его «жизни и деятельности». Гегемония принадлежала все-таки нам, а не эсерам и даже не меньшевикам. Рабочие очень гордились «своим» Советом, и он пользовался большим авторитетом не только у рабочих, но и у широких слоев служащих и радикального городского мещанства.

Очень скоро Совет был арестован. Возобновление Совета не удалось. Железный кулак реакции стер его на много лет.

XV. СОБЫТИЕ, СВЯЗАННОЕ С ДЕКАБРЬСКОЙ ЗАБАСТОВКОЙ.

Организация Совета Депутатов, созданная в предвидении решительной и «быть может последней схватки с правительством», закончилась как раз к моменту начала знаменитой декабрьской всеобщей забастовки. К концу ноября правительство от колеблющейся политики перешло в решительную атаку против революционных масс. Оно увидело, что дальнейшие его колебания, «попустительства» суживают его базу в стране и грозят привести к полной победе пролетарских сил. Петербургский Совет Рабочих Депутатов встретил эту атаку контр-атакой. 2 декабря он совместно с комитетом Всероссийского крестьянского союза и комитетами революционных партий выпустил манифест с призывом отказаться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Правительство арестовало Совет; 4 декабря был организован Совет с новым составом, который обратился к стране с указанием на то, что правительство начало гражданскую войну, и лихорадочно приступил к подготовке «решительной» забастовки. 8 декабря Совет по соглашению с железнодорожниками и Союзом Союзов об'явил всеобщую забастовку.

В Саратове известия о забастовке были получены того же 8 декабря [1]). Подтверждение ее привезли делегаты железнодорож-

---

[1]) Бюро Всероссийского союза железнодорожников и конференция 29 жел. дорог разослали по линиям следующую телеграмму: Товарищи! Правительство, уступившее под давлением всеобщей октябрьской забастовки и об'явившее 17 минувшего октября высочайший манифест о свободе слова, собраний, союзов и неприкосновенности личности, теперь отказывается от своего манифеста; вместо свободы слова оно закрывает лучшие газеты, вместо свободы собраний — разгоняет, вместо свободы союзов грозит тюрьмой за участие в железнодорожном и прочих таких союзах, вместо неприкосновенности личности арестует Совет Рабочих Депутатов в Петербурге, чле-

ного с'езда. Немедленно собрался Исполнительный Комитет местного Совета рабочих депутатов, который решил присоединиться к забастовке и немедленно направить своих представителей с призывом к забастовке (на 10 октября) к железнодорожным служащим [1]). Кроме того, было решено в случае восстания захватить правительственную местную власть, стать на ее место и озаботиться организацией снабжения безработных и голодающих. Призыв питерского Совета, призыв железнодорожного с'езда и призыв местного Совета всколыхнули местные революционные массы. 9-го происходили непрерывные митинги по предприятиям и по учреждениям (главным образом в управлении Ряз.-Ур. жел. дор.). В тот же день забастовали рабочие мастерских и депо Ряз.-

---

нов Крестьянского союза в Москве и граждан в других местностях России; оно выбрасывает сотни тысяч фабрично-заводских рабочих на улицу; оно усмиряет голодных крестьян с помощью генерал-ад'ютантов и пулеметов, оно предает полевому суду восставших солдат и матросов. Товарищи! Дальше терпеть нельзя. Правительство вызывает нас на новый бой. Пусть будет так. Вина за последствия падет на преступное правительство. Конференция депутатов от 29 жел. дорог, совместно с центральным бюро Всероссийского жел.-дорожного союза, присоединяясь к постановлениям Совета рабочих депутатов Петербурга и Москвы, об'являет на 7 декабря всеобщую политическую забастовку. Об'являя забастовку, мы берем на себя возвращение войск из Манчжурии и доставим это войско в Россию гораздо скорее, чем это сделало бы правительство. При этом обращаемся к нашим братьям-воинам в Манчжурии, чтобы они сами во время следования по жел. дорогам оказывали содействие нашим организациям и поддерживали порядок, установленный нами. Пассажиров, захваченных в пути забастовкой, мы доставим до ближайшего большого города в направлении их следования. Кроме того, мы примем все меры для перевозки продовольственного хлеба голодающим крестьянам и провизии для товарищей на линии. От старого правительства больше ждать нечего, оно изжило себя, только учредительное собрание, избранное на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, выведет Россию из такого положения, в которое ее поставило петербургское правительство. До тех пор, пока грозят военным положением, усиленной охраной, пока свободе слова, печати, собраний союзов и неприкосновенности личности угрожает опасность, всеобщая политическая забастовка не может прекратиться, она должна продолжаться. Товарищи! Смело и дружно в борьбу за свободу народа. Мы не одни, городской пролетариат, трудовое крестьянство, сознательная часть армии и флота уже восстали за народную свободу, землю и волю».

[1]) С забастовкой промышленных рабочих решили повременить, «чтобы рабочие вступили в забастовку вполне подготовленными».

Ур. жел. дороги. 10-го забастовали управленцы [1]), при чем для ведения забастовки избрали стачечный комитет. 11-го, на своем заседании в фельдшерской школе, Совет рабочих депутатов постановил призвать к забастовке рабочих промышленных предприятий и начать забастовку типографских рабочих. С утра 12-го забастовали: механические заводы «Сотрудник», б. Беринга, б. Гантке, Коробова, Парусиновых, Макарова и Заматорина; 13-го забастовали типографии Яковлева, Лихтенвальд, Сергеева, Шельгорн, Винклер, губ. земства, Панина и ряд ремесленных предприятий; 14-го забастовали типографии Феокритова, Тобиас, «Приволжского Края», «Саратовского Дневника» и «Саратовского Листка»; 15-го прекратили работу Волжский сталелитейный, механический завод Терентьева, табачная фабрика Левковича и мельница Рейнеке; 17-го забастовали прочие мельницы и лесопильные заводы. Максимального напряжения забастовка достигла 17-го, когда бастовало около 5.000 занятых в промышленности рабочих. Волна забастовки начала падать с 19-го и закончилась к 28 декабря. В среднем декабрьская забастовка длилась около двух недель, и рабочие потеряли до 70.000 рабочих дней. По количеству участников и по длительности эта забастовка уступала предыдущим забастовкам и в особенности октябрьской, но по политическому качеству, по целям, которые она ставила, и по силе революционного напряжения участников она имела исключительный характер. Это был, поистине, девятый вал местного революционного движения рабочих. Так как забастовка пресле-

---

[1]) Всей линией руководил так называемый Временный Исполнительный Комитет, который был избран на с'езде делегатов рабочих и служащих Р.-У. жел. д., заседавшем в Москве с 15 ноября по 6 декабря. Председателем Комитета был избран член нашей организации Г. Г. Сушкин. Члены Комитета, прибыв в Саратов, повели энергичную работу и были фактическими распорядителями на всей жел. дороге. Первым актом Врем. Исполн. Ком. было обращение к населению с об'яснением «Почему мы бастуем»; в этом об'яснении, указав те же мотивы забастовки, которые были указаны и в телеграмме-манифесте конференции 29 дорог, Комитет сообщает: «Рабство в оковах старого строя, или свобода в борьбе... Мы, железнодорожники, встанем в ряды русского революционного пролетариата... Мощные, грозные ряды передовой армии, в бой за лучшее, за политическую свободу, за социализм!» А затем он за все время забастовки давал распоряжения по линии, направлял эшелоны с солдатами, возвращавшимися из Манчжурии, поезда с хлебом для голодающих и пр. В Саратове он действовал рука об руку с местным Советом рабочих депутатов. Он же 21 декабря

довала политические цели, то экономические требования, в отличие от предыдущих забастовок, почти отсутствовали... Забастовке рабочих, хотя и не в прежних размерах, сопутствовали забастовки служащих, приказчиков и учащихся... Во всяком случае в Саратове существенного уклонения в сторону от рабочих не замечалось, за исключением определенно цензовых элементов во главе с городской думой и губернским земством...

Совет рабочих депутатов и его Исполнительный Комитет, руководя забастовкой, энергично готовились в удобный момент перевести ее в вооруженное восстание. Внешние события способствовали и толкали как партии, так и Совет в эту сторону. 9 декабря в Москве началось вооруженное восстание. 10-го были построены баррикады и раздались первые пушечные выстрелы по восставшему народу... пошли кровопролитные бои...

Доходили смутные сведения о баррикадных боях в Ростове н/Д, в Сормове, Харькове и т. д.

Чтобы держать массу в курсе событий, чтобы подготовлять ее к восстанию, Совет депутатов систематически организовывал и проводил большие рабочие и народные митинги[1]). Московское восстание обострило революционную атмосферу митингов до крайности. Ораторы и руководители митингов остро ощущали это настроение и стремились динамику настроения перевести в динамику действия. На митинге 11 декабря (в фельдшерской школе), где по заданию нашего комитета и Совета депутатов

дал сигнал к прекращению стачки. При чем этот сигнал был дан в следующей форме: «По всем линиям и ветвям Р.-У. жел. дор. — служащим и рабочим. Всероссийскую политическую стачку считать оконченной. Ликвидируя стачку на нашей дороге, Врем. Исполн. Ком. пред'явил сегодня управлению дороги след. требования: 1) уплата денег за все время стачки, 2) никто из служащих и рабочих не должен быть подвергнут никаким взысканиям за стачку, 3) неприкосновенность Врем. Исполн. Ком., который должен пред'явить экономические и правовые требования, выработанные московским делегатским с'ездом, 4) освобождение арестованных за стачку товарищей. Но управление отказалось разговаривать с Комитетом, сославшись на приказ Немешаева. Ввиду этого Врем. Исполн. Ком. лишен возможности ликвидировать стачку и, пока действует приказ Немешаева, пред'явить требования, выработанные московским с'ездом, почему слагает с себя всякую ответственность и предоставляет свободу действия самим служащим».

[1]) Кроме того он выпускал ряд информационных листков и прокламаций (напр., «К гражданам» и др.).

говорили Н. И. Малинин, Н. М. Дружинин, А. А. Богданов, я, С. Н. Бриллиантов и др., основными темами были: 1) неизбежность восстания, 2) необходимость вооружения, захвата правительственных учреждений и техника восстания вообще, 3) учет роли и настроения местных войск (при чем учет этот, как впоследствии оказалось, был неправильным — войска не примкнули к революции), 4) оценка аграрного движения крестьян в общей борьбе с правительством и значение революционного союза между крестьянами и рабочими. Лично я говорил о технике восстания, о том как не нужно и как нужно строить баррикады и иллюстрировал свои соображения опытом московских баррикад...

Этот митинг, являвшийся преддверием кровавого митинга 16 декабря, очень сильно взбудоражил и без того обеспокоенных жандармов, полицию и самого П. А. Столыпина. Ими было решено захватить митинг и его «головку» и после этого вообще не допускать «скопищ». Посланная с этой целью к фельдшерской школе сотня казаков, оберегая свою шкуру от пуль дружинников, во-первых, двигалась «к месту назначения» очень медленно, а во-вторых, уклонилась от «решительных действий по аресту митинга». Получив сообщение о наступлении казаков, митинг почти благополучно разошелся. Казаки арестовали кое-кого из опоздавших уйти. Эта неудача разозлила власть. На следующий день, по указанию охранки, было арестовано человек 20 и во всех местах обычных собраний поставлены полицейские наряды и военные части. Все попытки масс собраться пресекались полицией «в самом корне». Полицейские разгоны этих дней еще более революционизировали настроение. Волна гнева и накопившейся энергии могла перехлестнуть руководство. Слухи о том, что в Москве и Петербурге победили рабочие, что там уже образовано временное революционное правительство, что солдаты перешли на сторону этого правительства, одним словом, желаемое, принимавшееся за действительное, — еще более подогревали настроение и не только масс, но и их руководящих организаций. 15 декабря Совет рабочих депутатов постановил, вопреки запрещению митингов, организовать большой митинг на Институтской площади и в случае нападения полиции дать вооруженный отпор; в случае удачи в борьбе с полицией было решено прорваться в город, связаться с солдатами и начать решительную схватку...

* * *

С утра 16 декабря возле так называемого «галчиного клуба» стала собираться революционная масса, которая часам к 12 достигла двух-трех тысяч человек. Собрание было настроено крайне нервно и довольно решительно. На просьбы отдельных городовых «разойтись» толпа отвечала: «Митинги нам не разрешены, но они нами взяты...».

Вскоре начался митинг, председателем которого был избран наш товарищ — А. И. Клещевников. Выступали: Н. И. Молчанов, А. А. Богданов, Н. И. Малинин и др. Все их речи дышали страстным призывом к восстанию.

Призыв итти в город нашел полное сочувствие в участниках митинга, и он уже собирался выполнить свое намерение, как появились казаки... Боевые дружины под «об'единенным командованием», в составе двухсот — двухсот пятидесяти дружинников, вооруженных по преимуществу плохими револьверами устарелых и плохих систем и самодельными бомбами, тотчас же были построены в боевой порядок для отпора наступающим царским опричникам.

Казаки под'ехали к митингу, и наглого вида офицер потребовал немедленного его прекращения. Волнующийся митинг не успел принять какого-либо организованного решения, как, по знаку офицера, группа казаков ворвалась в митинг и стала разгонять его, хлеща нагайками направо и налево...

Дружинники ответили стрельбой.

Тогда казаки, ускакав «шагов на 150», спешились. Заиграла труба — к бою. А затем казаки дали залп...

Митинг, теряя раненых и убитых, стал искать спасения в роще и среди переулочков Очкинского рабочего поселка.

Казаки, увидев бегущую толпу, увлеклись и кинулись за убегающими в один из переулков поселка. Переулок был узенький, и если бы наши дружинники не растерялись, то они могли бы закидать преследователей бомбами, и все бы казаки полегли. Беспорядочная стрельба наших боевиков заставила одуматься зарвавшихся опричников, и они, сломя голову, выскочили из ловушки-переулка. Собравшись на Институтской площади, казаки «на выбор» расстреливали толпы народа, хотя и разбежавшегося, но не уходившего домой. Это веселое занятие они могли себе

позволить уже по одному тому, что они были вне досягаемости револьверных пуль; их же карабины и винтовки доставали толпы народа на большом расстоянии...

* * *

Мое возвращение из Москвы на паровозе дало себя знать. Несколько дней я перемогал себя и наконец заболел окончательно. Утро 16 декабря застало меня в постели с 39° температуры. Зная, что на сегодня назначен один из тех митингов, который может перейти в восстание, я крайне волновался и этим волнением еще более обессиливал себя... Приходившие ребята успокаивали меня и говорили, что нигде ничего особенного нет. Но я им не верил и не находил себе покоя...

Около часа прибежал отец и взволнованно сообщил, что на Астраханской улице стреляют и что его чуть-чуть не подстрелили казаки.

Услышав об этом, я почувствовал необычайный под'ем. Если несколько минут тому назад я не мог встать с постели, то теперь я мигом вскочил, оделся и, захватив свое «смертоносное оружие» — девятизарядный «веледок», бросился на улицу. Когда я выбегал, мать, с глазами полными мольбы и ужаса, спросила— «Идешь?» — «Да, иду». — «Иди». Чего стоило ей сказать это слово, я увидал по возвращении. Она вся почернела. Но мне было не до этого. Я, сломя голову, мчался к Институтской площади. Через несколько минут я уже был у магазина потребителей Рязано-Уральской железной дороги на Астраханской улице. У магазина стояла толпа рабочих, которые издали ругали казаков и царское правительство. Не успел я двинуться дальше, как раздался залп; пули цокали по кирпичной стене магазина, отрывая куски кирпича. Один из рабочих упал раненым. Толпа даже не разбежалась, а как-то лишь посторонилась от пуль и — осталась на месте.

Перебегая через дорогу к Очкинскому поселку, я увидал, как с переезда скачет казак. Предполагая, что он с донесением, я подбежал к нему как можно ближе и выстрелил. Казак качнулся, пригнулся к луке и, потеряв шапку, бешено погнал коня по Астраханской улице, преследуемый улюлюканьем толпы. На мой выстрел казаки с Институтской снова дали залп, но я скатился по насыпи вниз на линию и, легко поднявшись по откосу, вбежал в Очкинский поселок. Здесь меня окружила толпа железнодорож-

ников, которые потребовали, чтобы я их повел в город. На вопрос, имеется ли у них оружие, все в один голос ответили, что кроме ножей и кастетов ничего нет. Ориентировавшись в положении и убедившись, что попытка пройти в город приведет лишь к бессмысленной бойне безоружных людей, я посоветовал собравшимся разойтись и ожидать новых распоряжений Совета и нашего комитета. В дальнейшем я попытался найти наши дружины, но они

«Бой с казаками».
Барельеф на памятнике «Жертвам 1905 года», воздвигнутый саратовскими рабочими в 1925 году.

рассеялись, и каждый боевик действовал так, как ему было лучше. Казаки не делали больше попыток захватить рабочих ни в поселке, ни в роще, а довольствовались обстрелом тех мест, откуда изредка стреляли дружинники.

Рабочие массы, почти не вооруженные и не имеющие поддержки солдат, не могли прорвать завесу из пуль и должны были отступить.

Столкновение кончилось.

Полиция понесла три «жертвы»: одного избитого, одного раненого казака и одну убитую лошадь.

Со стороны рабочих и революционных масс города жертвы во много раз превышали жертвы полиции. По одним данным было убито 8 ч. и 24 тяжело ранено (из них умерло 7 ч.), по другим данным убито 7, ранено — 29 (из них умерло 11 ч.). Значительное количество убитых и раненых было в домах поселка. Пули казаков пронизывали стены рабочих лачуг и поражали их обитателей насмерть. «В Очкинском квартале, — писал «Саратовский Дневник», — в квартирах лежат трое убитых: Елизаров, Клоков и Потапова. Последняя убита в своей квартире, у нее разбит череп и настолько сильно, что мозг вывалился. Убитая Потапова была беременна в периоде 6—8 месяцев; пулей, пробившей стену, убит ребенок в люльке. В квартире также лежит убитый 5-летний ребенок...» Среди умерших от ран был и 22-летний сын Горабика, убитого во время погрома черной сотней.

Это кровопускание, последовавший вскоре арест Исполкома Совета депутатов, известие о поражении московского восстания произвели серьезную дезорганизацию в революционных рядах.

Волна движения разбилась... Надолго ли? Никто не мог сказать, но всем думалось, что не надолго.

Под гром пушек и треск пулеметов карательных отрядов наступал новый, 1906 год.

Но на-ряду с победными реляциями Дубасовых, Минов, Риманов и прочих палачей рабочего класса неслись к правительству отовсюду тревожные сообщения вроде нижеследующего: «Имею честь присовокупить, что усиленная агитация ведется теперь по селам Саратовской губернии, где образуются «крестьянские союзы» и идет подготовка к аграрному весеннему движению, или, лучше сказать, к повсеместному захвату помещичьих земель. Приняв во внимание особенно сильную распропагандированность крестьян губернии, а также и то, что во главе движения стоят испытанные и старые руководители из служащих земства и местной уездной интеллигенции, можно с уверенностью сказать, что весной во всей губернии вспыхнут опять беспорядки, тем более что штаты чинов корпуса жандармов, уездной и сельской полиции и войск более чем незначительны. Ротмистр Федоров».

Казалось, что мужик поправит дело революции.

XVI. ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1905 ГОДА.

После майской забастовки движение рабочих и служащих в уездных городах, так же как и в Саратове, потеряло прежнюю интенсивность. Все лето прошло в незначительных и мелких забастовках и событиях, не имевших сколько-нибудь существенного значения. Единственным случаем, выходящим из рамок уездных событий, было июльское избиение черной сотней и казаками, в присутствии губернатора Столыпина, собравшихся на митингах балашовских врачей, уездных гласных и других общественных либеральных деятелей г. Балашова. Фактическая сторона событий. возмутивших не только г. Балашов, но и Саратов, излагалась в официальных отношениях так: «21 июля 1905 г. произошли в г. Балашове крайне прискорбные и угрожающие по своим последствиям события. В течение целого дня город находился во власти буйствовавших громил, совершавших на глазах властей избиение отдельных лиц и разграбление чужого имущества. Подобные действия происходили неоднократно последнее время в разных местах России, но здесь это насилие и буйство было уже направлено против общественного учреждения, против земских служащих и состава земской управы, против исправляющего должность уездного предводителя дворянства. Здесь нанесено оскорбление всему земству». Это писал «сам» и. д. уездного предводителя дворянства, получивший по шее нагайкой, Н. Н. Львов. Балашовская уездная управа следом писала: «В 5 ч. дня 21 июля врачи и другие земские служащие подверглись нападению уличной толпы в г. Балашове. Громилы разбили два дома (Феологова и Тараракина) и угрожали разрушить здание управы. По улицам гонялись за земскими служащими и подвергали их избиению... Данная г. губернатором, для того чтобы безопасно доехать до вокзала, охрана — казаки — неожиданно набросилась на тех, ко-

торых должна была защищать от толпы, и, невзирая на присутствие губернатора, била их нагайками. Ударам нагайки подверглись и. д. предводителя дворянства Н. Н. Львов, 6 врачей и еще 10—12 других служащих. Спасавшиеся от толпы врачи... были жестоко избиты в полицейском управлении пожарными...».

Об этом событии долго говорили, в особенности в земской среде, и последствием ее было то, что, когда дворянское собрание выносило благодарность Столыпину за ликвидацию крестьянского движения (6 декабря 1905 г.), группа таких сановитых дворян как кн. Ухтомский, А. Минх, А. Юматов, С. Унковский, А. Сумароков и др. не только отказались дать свои подписи, но и внесли свое особое мнение, выражавшее по существу недоверие политике Столыпина. «Со времени балашовских событий 21 июля я, — писал К. Веселовский, — имею веские данные относиться отрицательно к деятельности г. Столыпина». Впрочем, это ничуть не повредило царскому церберу; напрактиковавшись в погромной работе по Саратовской губернии, Столыпин вскоре стал погромщиком всероссийского масштаба...

Балашовская история не повлекла каких-либо значительных массовых выступлений. Негодование, вызванное ею, вспыхнуло и — быстро погасло... Лишь к началу октябрьской забастовки началось общее оживление движения в уездных городах. Этому способствовало то, что, с одной стороны, наши уездные города в своем большинстве находятся при станциях железной дороги, а с другой — то, что с октября началась серьезная раскачка крестьянского движения. Под воздействием обоих этих влияний революционизировался даже местный обыватель-мещанин...

В Царицыне, Аткарске, Балашове, Вольске, Камышине и т. д. и октябрьская и декабрьская забастовки прошли довольно дружно. При чем везде картина движения была почти одна и та же. Начинали железнодорожные рабочие и служащие забастовку, избирали стачечные комитеты, устраивали митинги, регулировали воинское и товарно-продовольственное движение, мешали передвигаться карательным отрядам, перевозили крестьян на митинги, организовывали боевые дружины и вооружались, отыскивая в вагонах ящики с винтовками и револьверами. К железнодорожникам примыкали рабочие и служащие. Устраивались демонстрации (в связи с манифестом 17 октября), освобождались из тюрем политические заключенные, в особенности крестьяне-аграрники. Погромная волна после 17 октября прокатилась по всем городам,

но нигде не имела той силы, какую мы видели в Саратове. Черная сотня в уездных городах оказалась куда трусливее черной сотни Саратова. Маленькие боевые дружины наших местных организаций, а также эсеров держали эти банды в спасительном страхе.

Исключением в этом отношении является избиение погромщиками манифестации учащихся в г. Вольске 20 октября. Если в Саратове полиция пряталась за кулисы погрома, то здесь, в Вольске, она не сумела проявить такой же ловкости рук. Без всякой дипломатии она открыто демонстрировала свою инициативу и участие в погроме. Передо мною лежат показания избитых и изувеченных погромщиками людей, а также и простых свидетелей, которые ярко описывают картины избиения и участия в них полиции. Для иллюстрации приведу показание хотя бы стороннего наблюдателя, сына владельца бани, некоего Александрова. Вот что он показал: «Утром 20 октября я узнал от встречавшихся мне реалистов, что у них собирается сходка в д. Шмукер, а затем пойдут по Московской ул. на площадь служить молебен. В первом часу я из любопытства вышел на угол Московской ул., против земской управы. Тут на углу уже стояла толпа горожан. Вскоре показалась процессия учащихся с красными флагами. Торговцы стали запирать магазины... Когда учащиеся подошли к земской управе, то мальчишки стали рвать выставленный у управы национальный флаг и свалили шест, на котором он был вывешен. Тут кто-то крикнул: «Чего вы глядите, бейте, господа!», — и толпа кинулась на учащихся... Учащиеся кинулись бежать, а толпа кинулась за ними, избивая их... Впереди меня шел акцизный чиновник Александров с женой... Пристав Розанов, указывая на него стоявшим возле него полицейским, сказал — «вон идет зачинщик», и полицейские, человек шесть, с криками «вот зачинщик» кинулись на Александровых и стали бить их шашками в ножнах... В процессии должна была быть моя сестра-гимназистка, и я смотрел, не попадется ли она мне... Я перешел к полицейскому управлению, где толпа кого-то била. Оказалось, били аптекаря Широкогорова. Толпа вокруг была настолько густа, что протискаться было невозможно. Но я видел, как из этой толпы вылез какой-то старик, весь в поту, с окровавленными руками и стал обтирать лицо полой, приговаривая: «Вот как надо бить». Начала избиения Широкогорова я не видел, а подошел к концу, когда он лежал уже избитый. Видел я, как какой-то городовой вынул у него из кармана какие-то бумаги... В толпе, избивавшей Широ-

когорова, были и полицейские... На избиение смотрел околоточный Алексеев и пристав Розанов и никаких мер к защите не принимали. Видал я затем как били Волковых, брата и сестру, техника Глазкова, Гумилевского и Яблочникова. Когда гимназистку Волкову вели в полицию двое городовых, то она была почти голая, при чем панталоны у нее спустились и путались в ногах, так что она могла двигаться очень медленно, и толпа, пользуясь этим, продолжала наносить ей удары и рвать за волосы. Брата ее все пинали ногами, когда он пытался подняться. Яблочникова начали бить от магазина Клейнгольда до магазина Залогина, откуда его увели в полицию. В избиении этих лиц отличались особым зверством колбасник и калачник. Колбасник до того ожесточился, что даже в злобе грыз пуговицы, отрывавшиеся от форменных пальто избиваемых реалистов. Избиение пом. провизора Одинцова я видел издали, так как толпа, бившая его, настолько озверела, что страшно было подойти к ней. Били его и частные лица и полицейские... На другой день в содержимую моим отцом баню пришел переодетый городовой бляха № 13, и я разговаривал с ним об избиении. Он прямо сказал мне, что они разыщут всех учащихся и перебьют их».

Это избиение надолго наложило свой отпечаток на жизнь Вольска. С этого времени он как бы выбыл из революционного строя. Активная роль лишь сохранялась за вольскими цементными заводами...

Декабрьская забастовка ни в одном из уездных городов не только не перешла в восстание, но и не привела к серьезным столкновениям с вооруженной силой старого порядка.

Борьба перешла из городов в деревню.

XVII. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

В одном из предыдущих отрывков, в самых грубых контурах, были указаны причины, которые вызвали сильное аграрное движение в Саратовской губернии. Дать детальную зарисовку этого движения — дело будущего, когда будут собраны, систематизированы и вообще доступны для исследования все материалы, относящиеся к движению. Поэтому здесь я могу рассказать лишь очень неполно, лишь в пределах мне известного, привлекая память и необходимый для иллюстрации документальный материал...

* * *

В первой половине пятого года, когда рабочие растрачивали свою энергию на борьбу с самодержавием, саратовский мужик еще не был захвачен стихией борьбы. В своей массе он только еще раскачивался. Лишь кое-где, в особенности в уездах, особенно сильно пораженных неурожаем, он начинал борьбу в форме пред'явления требований о снижении аренды, увеличения зарплаты за сельскохозяйственные работы у крупных землевладельцев, запашки (самовольной) помещичьей земли, пастьбы своего скота на частновладельческих землях и порубки леса. Из с. Сокур, Саратовского уезда, корреспондент сообщал в половине апреля: «Крестьянский надел не больше ½ тридцатки. Волей-неволей сокурцы вынуждены снимать землю в местной экономии баронессы Бенкендорф-Гинденбург. Владелица за ту землю, которая стоит 2—3 р., берет 5—6 р., а стоющую 5—6 р. — по 9—10 р. за казенную десятину. За ту же десятину полагается или вывезти из экономических кошар в поле, засеваемое экономией, 4 воза назему, или привезти из лесу 2 воза хворосту, или с хутора — соломы да заплатить 30 коп. за пастьбу скота на этой земле, что составит еще 1 р. 50 коп. на десятину. Кроме того, в местной экономии с нынешнего года стал производиться так называемый

контрольный посев. Это значит: дают мужику хорошей земли по 12—15 р. за десятину; он уплачивает по 2 р. задатку, засевает ее, убирает и уродившийся хлеб должен ссыпать в экономический амбар на покрытие долгов прошлых лет, и только солома поступает к крестьянину. Чаша переполнилась, и крестьяне обратились к управлению с следующими требованиями: 1) скостить с цены на землю по 2 р. с десятины, 2) упразднить подводную повинность, 3) не брать денег за пастьбу скота». В Хованщине, Сердобского уезда, крестьяне постановили: «На поденную работу по помещичьей цене не ходить, а кому крайняя нужда, то ходить, чтоб не дешевле 1 р. 50 к. для мужчины и 75 к. для женщины в день... Землю покупать (арендовать) больше по той цене не будем, а если желают они (землевладельцы) продавать по 5 р. за десятину, то будем покупать, только не так, как арендовали раньше по одной десятине каждый, а желаем покупать всем обществом, чтобы было всем хорошо, достаточно и чтобы пользовался каждый домохозяин нашего об-ва, а не только одни богатые». 31 мая в с. Ахтубе, Атырского уезда, сельский сход решил составить договор, по которому частное лицо обязуется не снимать земли у гр. Шереметьева, а снимается она всем об-вом и делится между его членами. Крестьяне потребовали отпускать землю по 30 р. за сотенник, а не по 45—55 р., как в прошлом году. В Баланде, того же уезда, оставшиеся без «кормов» крестьяне начали «самовольно» гонять лошадей на экономическую порубку того же графа. В начале июля крестьяне д. Барановки выкосили у арендатора Рославлевой луга, пустили в лесные луга свой скот... То же в Даниловской волости и т. д. А вот как описывается в одном документе рубка леса и столкновение с казачьим отрядом крестьян с. Мордовского Карая, Балашовского уезда [1]).

«О-во крестьян Мордовского Карая в продолжение многих лет вело тяжбу из-за земли с соседними владельцами: князем Волконским, Львовым, Нарышкиным и др. Дело это стоило о-ву до 10.000 р. и было проиграно во всех инстанциях... Усковы(ходоки) не переставали «смущать» членов об-ва, и им удалось убедить своих сторонников... подать прошение... императрице Марии Федоровне о пересмотре их земельного дела, но и на этот раз получили отказ. В первых числах февраля 1905 г. крестьяне соседнего с Мордовским Караем с. Романовки произвели массовую

---

[1]) Из обвинительного акта о крестьянах П. И. Ускове и др.

самовольную порубку в лесу землевладельца кн. Волконского, с которым они уже в течение 5 лет вели тяжбу из-за 174 дес. земли. Пример романовских крестьян не остался без влияния и на крестьян с. Мордовского Карая... 14 февраля они, снарядив до 500 подвод, отправились в лес Львова и произвели там массовую порубку, продолжая таковую и в последующие дни. Для прекращения порубки по распоряжению саратовского губернатора были высланы две роты солдат и 30 ч. казаков, а затем губернатор 16 февраля сам приехал в село... Собрав сход, губернатор потребовал от крестьян об'яснения по поводу произведенной ими... массовой порубки... Сход с самого начала держал себя спокойно, при чем некоторые старики стали показывать губернатору документы, доказывающие по их мнению право села на лес Львова и между прочим пред'являли об'явление канцелярии по принятию прошений на «высочайшее» имя, которым оставлялось без последствий ходатайство крестьян о пересмотре их судебного дела... Это об'явление крестьяне просили посмотреть «на свет» и указали на подклейку на обороте об'явления, называя ее «заплаткой», доказывающей... подложность..

Губернатор распорядился выбрать 10 ч. уполномоченных, с которыми можно было бы спокойно говорить... Этих уполномоченных с большим трудом удалось губернатору убедить в том, что если они имеют домогательство или претензии к Львову, то должны обратиться за разрешением этого в судебные установления, и вместе с тем губернатор раз'яснил, что произведенное крестьянами насилие должно быть наказано и что за нарушение обязательного его постановления о недозволенных сборищах некоторые из крестьян будут подвергнуты аресту. Среди говоривших находился П. И. Усков, арестованный за три дня перед этим за сбор подписей... согласных на порубку леса... и освобожденный затем крестьянами. Губернатор уговорил Ускова добровольно отправиться в арестантскую, но лишь только тот вышел... как в толпе раздались крики, что арестовать никого не дадут, что все виновны одинаково, и толпа начала напирать на волостное правление. Губернатор вновь вышел к толпе на крыльцо... Крестьяне то становились на колени, прося отобрать у Львова какой-то «плант», то выкрикивали угрозы, а затем при от'езде губернатора, встав на колени, закричали, что рубить лес Львова будут... Из 20 подлежащих аресту отозвалось и добровольно вышло из толпы человек пять, за остальными же пришлось послать казаков... Когда этих 11 арестованных вывели... чтобы отправить... в село Романовку, то в толпе, достигшей 3.000 ч., поднялся страш-

ный шум, крики—«не дадим, бери всех», при чем в казаков, которым было приказано оттеснить толпу... полетели кирпичи, камни, палки и колья... подстрекали... крича: «бейте, бейте казаков — они наемные»... Так как толпа все более свирепела... губернатор об'явил крестьянам, что оставляет арестованных у них на поруках и затем уехал в с. Романовку, вытребовал из Саратова еще 200 ч. пехоты и вернулся в Карай, имея в своем распоряжении 480 ч. пехоты и кавалерии... Все, подлежащие аресту, были арестованы».

После февральского указа (18 февраля) крестьянство, имея еще надежду на царя, пошло по линии составления приговоров-петиций. Этим движением попытались овладеть, с одной стороны, либеральные помещики-земцы и даже махровые монархисты, а с другой — революционные партии и, в первую очередь, сильные в деревне социалисты-революционеры. Земцы главным образом работали через «экономические советы» уездных земств, куда привлекались представители крестьянских обществ. Вторые работали на месте, через кулаков, лавочников, монархически настроенных стариков, земцев-монархистов и подкупленной деревенской голытьбы (уголовного элемента деревни). Революционные партии действовали также на месте, через «передовых крестьян» и уездную интеллигенцию и даже через радикально настроенных попов. К июлю революционные партии настолько овладели положением и вышибли из седла своих конкурентов, что Столыпину пришлось писать следующий «раздражительный» циркуляр:

«В некоторых сельских об-вах происходит весьма нежелательное явление: крестьяне собираются тайно в лесах, обсуждают там свои нужды, по большей части в присутствии лиц, совершенно посторонних об-ву, и тайно записывают приговора и постановления для отсылки их в высшие правительственные учреждения... На сборищах этих обсуждаются часто вопросы и дела совершенно незаконные — о нарушении права собственности землевладельцев, об изменении законов империи и т. п. Такого рода приговора и постановления, как ведущие к беспорядкам, к разрушению государственного строя, а не к улучшению его, являются незаконными, и лица, участвующие в таких собраниях, подвергаются мною ответственности за участие в незаконных сборищах...».

И немудрено было «раздражаться», когда даже те крестьяне, которые вызывались в «экономические советы» земств, уходили от земской либеральной платформы и составляли резолюцию вроде нижеследующей:

«Экономический совет [1]), обсудив значение для улучшения народного благосостояния разных видов кооперации, пришел единогласно к заключению желательности самого широкого распространения кооперативных организаций, как-то—мелких об-в сель.-хоз. кредита, потребительных товариществ и т. д. В то же время совет признает, что общие политические и общественно-хозяйственные условия ставят этому распространению часто непреодолимые препятствия. Главные бедствия у нас, в крестьянской жизни, два: первое бедствие это — малоземелье, второе — наше бесправие. Мы родились и воспитались в крестьянстве. Никаких промыслов, кроме земледелия, мы не знаем и не в силах знать, так как у нас нет для этого ни капитала, ни науки. Земледелие должно нас поить и кормить. Оно должно нам давать возможность скопить копейку на черный день, когда придется, например, свадьбу сыграть, сына в солдаты отправить или голодный год пережить. С него же мы подати платим, свое сельское начальство и суд содержим, духовенству за требы даем, церковь, больницы, школы строим, дороги исправляем, а что самое главное, — косвенные налоги на своих плечах выносим. Весь акциз на вино, на спички, на керосин, чай, сахар и прочие продукты собирается по большей части с нас. Сотни миллионов рублей дали мы, крестьяне, выжав из матушки земли, чтобы удовлетворить общегосударственные нужды. Однако земли в нашем распоряжении имеется столько, что мы не в силах жить на ней даже впроголодь. Кроме того, нет у крестьян выгонов для скота, нет сенокосов, нет леса для топлива и самых необходимых построек, нет водопоев, нет никаких угодий. Все угодия либо казенные, либо монастырские и церковные, либо дворянские и купеческие. Такое положение дел заставило крестьян залезть с головой в кабалу к владельцам земли. Кабала эта во всем: снимет ли крестьянин землю за деньги — он платит в виде аренды весь свой урожай, берет ли исполу землю — он отдает задаром весь свой труд, снимет ли луга и пастбища — платится своею шкурой. И год от году становится все хуже и труднее, а деться некуда. Пробовали мы посылать ходоков в Сибирь, чтобы переселиться, но там для мужиков приготовлена новая кабала, и все лучшие земли Сибири принадлежат кабинету его величества и казакам, почему заграждены для переселенцев. Земли же лесные и неудобные хотя и от-

---

[1]) «Резолюция крестьян Саратовской губернии, изданная 3 августа 1905 г. Экономическим Советом земства Петровского уезда.

даются крестьянам переселенцам, но они требуют для приведения их в состояние плодородия громадных, непосильных для крестьянства затрат труда и капитала и к тому же отводятся смежно с помещиками, которыми хотят обогатить Сибирь, как и Россию. Вот как живется нам при малоземельи, но не лучше приходится и от бесправия... Наконец, самое главное... скорее устранить нашу кабалу, остановить наше разорение. Так как кабала развилась от того, что рядом с трудящимся крестьянином-землепашцем живут собственники-землевладельцы, богатеющие от крестьянского труда благодаря беззаконному праву собственности на дар божий — землю, указанную создателем во владение тому, кто в поте лица снедает хлеб свой, то необходимо всю землю в Русском государстве отобрать от частных собственников, кто бы они ни были, и отдать ее в пользу земледельческим обществам, с тем чтобы земля делилась по душам между хлебопашцами-общественниками, обрабатывающими ее своим трудом». В конце резолюции формулированы обычные тогдашние политические требования.

В связи с этой петиционной кампанией, для обсуждения наказов, прошений, резолюций началась широкая митинговая кампания, шедшая все лето и захватившая почти все крестьянство губернии.

Под влиянием этой митинговой кампании, оформления экономических и правовых требований крестьяства в наказах и пр., а также под влиянием репрессивных мер, которые принимал губернатор Столыпин, темная, проникнутая лишь экономическим содержанием, крестьянская мысль стала проясняться и достигать понимания связи между экономикой и политикой. Конечно, наиболее чуткими в этом отношении оказались те слои крестьянства, которых экономика толкала на более революционные способы борьбы, т.-е. бедняки и середняки. Кулачество же, пошедшее сперва со всей толщей крестьянства, по мере развертывания классовой борьбы, начало отделяться и примыкать к «союзам землевладельцев» и т. п. контр-революционным организациям. Оно также за лето стало уяснять связь своей экономики с политикой, но не революционных классов, а командующих...

* * *

Столкновения из-за аренды, леса и угодий постепенно стали переходить в разгром помещичьих, купеческих и крупно-кулацких имений. Отдельные разгромы происходили все лето; к осени движе-

ние стало усиливаться и развернулось особенно сильно с октябрьской забастовкой. В этом сказалось несомненное влияние городской политической борьбы, а затем и влияние манифеста 17 октября, который был понят крестьянством, как «разрешение царя на свободу действия крестьян против помещиков». Как и следовало ожидать, с наибольшей силой движение разразилось в тех уездах, где крестьяне имели наименьший надел и наибольшие кабальные отношения и где было наиболее крупное помещичье землевладение, т.-е. в Аткарском, Саратовском, Петровском, Балашовском и Сердобском уездах. Вот несколько характерных сообщений из местных газет и др. источников:

«Аграрное движение в нашем уезде, — пишет корреспондент «Приволжского Края», — за время с 12 по 22 октября достигло самого сильного развития. За это время не проходило ни одной ночи, чтобы в двух-трех местах горизонт не освещался зловещим заревом. В город со всех сторон в паническом страхе, оставив все свое имущество на местах, с'езжались землевладельцы, управляющие, торговцы и др. лица, боясь сделаться жертвами этого движения, хотя, по рассказам некоторых приехавших в Аткарск, видно, что крестьяне, увлеченные аграрным движением, открыто в некоторых случаях заявляли, что они никакого насилия над личностью владельцев, их семей и служащих не допустят, и предлагали остаться на местах, говоря, что им нужен хлеб и больше ничего. В Лопуховской волости у землевладельца А. А. Юрьевича при д. Кочетовке сожжена вся усадьба. У брата его было несколько попыток поджечь усадьбу, в имении при с. Лопуховке. В Аткарской вол. у С. А. Юрьевича сожжена усадьба при д. Елизаветино. В Больше-Екатериновской волости сожжены два хутора Воронцова-Дашкова; тоже два хутора у Топорина; у арендатора удельного участка Шанина сожжен хутор; у Путкова около д. Араповки вывезен весь хлеб. В Спастушинской волости у Чернигиных сожжены два хутора; тоже у Аносова при д. Кочеевке; у Липперт сожжены все постройки, развезен весь хлеб из амбаров, расхищено все домашнее имущество в доме управляющего, угнано 10 голов рогатого скота и заколоты на месте все свиньи. В поселке при ст. Лопуховка разгромлены и расхищены у трех крупных торговцев лавки с разным товаром, разбита винная лавка, и все вино разобрано по рукам. С мельницы Яковлева вывезен и поделен весь хлеб в муке и зерне. Хотели сжечь самую мельницу, но Яковлев откупился за 1.500 р., и таким образом мельница уцелела от огня. С самой ст. Лопу-

ховка развезен весь хлеб и товар из вагонов и пакгаузов. В Даниловской вол. у Мельникова, Глаголева и Агринской развезли хлеб и т. п.».

По донесениям исправника за октябрь в Аткарском уезде разгромлены имения: Липперт, Колесниковой, Шиловой, Корниенко, Глаголева, Воронцова-Дашкова, некоторые удельные хутора, Меньшикова, Топорина, Найденова, Комиссарова, Ушакова, Тихомирова, Куткина, Бахметьева, Зайцева, Иванова, Воскобойникова, Шмидт, Минха, Крымского, Шишкина, Белоногова и др. По Саратовскому уезду за то же время сожжены или разгромлены имения Столыпина, Катковой, некоторые экономии удельного ведомства, Щербатова, 4 хутора Бенкендорфа-Гиндербург, Сперанского, Шаронова, Максимовых, Ковалева, Менде и др.

Из Петровского уезда писали:

«Горят имения Бекетова, Самсонова, Угарова, Габленц, Оболенской, Логиновых, Мишиной, Малышкина...». Со станции Салтыковка Сердобского уезда телеграфировали: «Каждую ночь виднеются зарева пожаров в 6 — 8 местах. На 28 октября сгорели имения помещиков и купцов: Лихарева (земский начальник), Михайлова, Сусанова, Лешева, Червякова, Кривской, Устинова, Деконского, Симонова, Крузе, Янишевского, Фрейлинг, Голомбиевской, Шимановской, кн. Гагариной и многих других. Все пожары производятся окрестными крестьянами, предупреждающими об этом помещиков заранее. При чем ими разрешается помещикам вывозить движимость. Крестьяне свои действия об'ясняют так: «земля и хлеб — наши, движимость — ваша; постройки не нужны нам, и мы их приносим в жертву». Как только разберут по возам хлеб, сейчас же зажигают строения».

Другой корреспендент, подводя итоги, пишет:

«В результате пожаров истреблены сотни построек на несколько миллионов рублей. Сожжены до-тла все постройки в таких огромных имениях, как имения герцога Лихтенбергского, кн. Вяземского, такие дома-дворцы, как кн. Прозоровского и Демидова. Часто сжигаются усадьбы безотносительно к тому, каковы ранее были отношения крестьян к владельцам, безотносительно к взглядам помещиков; сожжены постройки известных либеральных земцев — Львова, Ермолаева, Веселовского и др.; разорены десятки старинных дворянских усадеб с ценными библиотеками и пр. В Балашовском, Аткарском, Петровском и Сердобском уездах уцелевшие помещичьи усадьбы считаются единицами».

А вот как описывал один потерпевший картину погрома, в общем типичную для этой стихийной полосы крестьянского движения:

«Шестьдесят вагонов разного хлеба было разобрано в течение 7 часов. Изорвав шелковые сита во всех цилиндрах и сняв передаточные ремни, нашли нелишним отвинтить гайки у рукоятки с вальцов, разбить динамомашину, разорвать все провода, уничтожить лампочки... Наконец, дошла очередь до господского дома. Мигом полетели камни в окна, посыпались бемские стекла, цельные... и в то время, как мальчишки и девчонки бегали кругом дома и выбивали палками окна, — мужики ломали рамы и двери и влезали в дом. Бабы со свечами в руках лезли за ними, освещали им путь. Быстро застучали топоры и ломы, разлетелся вдребезги буфет и посыпался богемский хрусталь. В мелкие куски превращались зеркала и зеркальные шкафы, а тем временем бабы и ребятишки тащили золоченную мебель, срывали обивку и драпировки, уносили севр, бронзу, выносили вещи палисандрового дерева с инкрустацией и бронзой... тащили меховые вещи, белье, платья, уносили ружья, патроны, фотографические принадлежности... добрались до денежного сундука...».

Нужно подчеркнуть, что такие формы разгрома были лишь там, где накопилась особо острая ненависть к землевладельцу и где не было организованной крестьянской передовой силы. В основе этого стихийного напора лежала мысль, которую крестьяне формулировали так: «Если мы не сожгем помещичье гнездо, то помещики смогут вернуться в свои дома и зажить попрежнему... мы этого не хотим... ну и равняем за-под-лицо». Таким-то способом наше крестьянство ликвидировало в этот период до 100 имений, значительная часть остальных была докончена с весной 1906 года, но об этом в своем месте.

На-ряду с стихийными формами движения с лета начались поиски более устойчивых организационных форм крестьянской борьбы. В этом отношении крупнейшую роль сыграла местная организация партии социалистов-революционеров [1]). В течение нескольких месяцев, развивая колоссальную энергию, эсеры сумели покрыть

---

[1]) Саратовская организация эсеров в это время имела в своем составе: Н. И. Ракитникова, И. И. Ракитникову, С. В. Аникина, А. С. Чумаевского, А. А. Минина, Д. Н. Черненкова, Д. Н. и Н. Н. Кураевых, А. А. Герасимова, Г. М. Гальперина, М. Веденяпина, Брешко-Брешковскую, Г. К. Ульянова, А. И. Альтовского и др.

почти всю губернию сетью сельских ячеек, так называемых крестьянских «братств». Эти «братства» об'единялись в районные организации, районные — в союзы районов, эти последние— в «уездные группы». Всю организацию венчала «группа крестьянского союза партии соц.-рев.», созывавшая губернские с'езды и являвшаяся «отделом губернского комитета партии». Мотивы создания такой организации были следующие: «Прежде чем говорить об организации, — замечает местный эсеровский документ, — мы должны выяснить, какими средствами партия думает осуществить свои ближайшие задачи, потом — на какие боевые силы может опереться партия и, наконец, — каковы те политические условия, в которых партии приходится работать...». Отметив общее положение и указав, что «на борьбу подымаются уже не только вполне сознательные, но малосознательные и совсем несознательные», что «эти последние не знают куда итти и что делать», — документ продолжает: «Как бы то ни было эти несознательные должны быть так или иначе подчинены партии... наша организация должна отвечать следующим требованиям: она должна 1) об'единить всех сознательных, принявших полностью программу соц.-рев., в единую, твердо сплоченную партию, единообразно действующую во всех своих частях; 2) она должна об'единить и подчинить партии всех революционно настроенных, но малосознательных и совершенно несознательных, чтобы а) облегчить ознакомление их с нашей программой, б) дать возможность партии взять в свои руки руководство ими на случай восстания; 3) наша организация должна решить такую задачу: охватить как можно большее число лиц и вместе с тем быть тайной и оградить нашу тактику и программу от искажений». Уже из этого отрывка, между прочим, видно, что этим «братствам» и вообще всему эсеровскому крестьянскому союзу придавалось значение отнюдь не какой-то крестьянской профессиональной организации, на манер рабочих профсоюзов, а чисто политическое: борьба с правительством, вплоть до восстания. Тот же политический характер имела и другая, более широкая крестьянская организация — крестьянский союз Саратовской губернии, сформировавшийся ко второй половине декабря, и примкнувший к Всероссийскому крестьянскому союзу, начало которому было положено еще 31 июля 1905 г. на учредительном с'езде в Москве. Если идея крестьянского союза в Москве возникла в противовес попытки организовать под своим влиянием крестьянство со стороны монархистов и пошла в страну, так ска-

зать, сверху, то в Саратовской губернии она выросла органически на основе эсеровских «братств» [1]). Начиная с 2 августа стали строиться по селам комитеты крестьянского союза, имевшие в среднем до 40 — 50 членов; сельские комитеты об'единялись в волостные, волостные — в уездные с «центральными уездными бюро», и, наконец, уездные — в губернское «отделение Всероссийского союза». Подготовка к губернскому с'езду прошла довольно удачно. Предварительно была произведена большая агитационная кампания на сельских сходах, волостных и уездных с'ездах. Всюду на этих с'ездах основное влияние принадлежало, конечно, «монополистам деревни» — соц.-революционерам. Вот, для примера, резолюция, принятая 4 декабря на с'езде уполномоченных от сел и деревень: Большой Дмитровки, Двоенки, Широкого Карамыша, Ключей, Каменки, Рыбушки, Золотой Горки, Сергиевки, Копен, Синеньких, Полтавки, — всего пяти волостей Аткарского и Саратовского уездов:

«Обсудив назревшие нужды нашего государства, мы постановили следующее: 1) не ожидая от Государственной Думы благотворного для нас разрешения всех наших нужд, требуем немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, 2) требуем равенства всех перед законом и уничтожения всех сословных привилегий, 3) правительство хочет без согласия учредительного собрания сделать внешний заем. Зная, что этот заем даст возможность отживающему самовластью продержаться несколько лишних мгновений во вред нам, постановили считать себя не обязанными выплачивать сделанный настоящим правительством заем, 4) требуем отмены косвенных налогов, за исключением налога на предметы роскоши, и введения подоходного прогрессивного налога, 5) требуем без выкупа перехода всех земель в уравнительное пользование трудового народа, 6) требуем бесплатного образования за счет государства до высшего включительно, 7) требуем совершенной отмены выкупных платежей,

[1]) В Февральскую и в особенности Октябрьскую революции 1917 г. на место комитетов Крестьянского союза стали Советы крестьянских депутатов со своими исполнительными комитетами. Цель комитетов Крестьянского союза — «борьба за землю и власть» — осуществлена была Советами — этими органами нового государства. Вот почему, между прочим, является политической нелепостью или контр-революционным ходом разговоры о «крестьянском профсоюзе», какой-де был в 1905 году. Из изложенного видно, что никакого крестьянского профессионального союза тогда не было.

8) требуем немедленного уничтожения института земских начальников, 9) требуем уничтожения постоянной армии и замены ее народным ополчением, немедленного роспуска наличного состава войск, 10) требуем уничтожения полиции и передачи всего дела охраны порядка и общественной безопасности в руки населения, 11) требуем немедленного распущения запасных и возвращения русской армии с Дальнего Востока, 12) требуем, в интересах сохранения и поддержания многомиллионного земского хозяйства, немедленного избрания представителей губернии для обсуждения земских вопросов на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, 13) требуем отделения церкви от государства, 14) требуем выборности, сменяемости и подсудности всех должностных лиц, 15) требуем предания суду всех расхитивших народные деньги, 16) требуем отмены смертной казни, 17) требуем, чтобы рука правительства не посмела коснуться великого и славного борца за свободу, лейтенанта Шмидта, 18) требуем немедленного освобождения из тюрем, ссылки, каторжных работ всех заключенных по религиозным и политическим убеждениям с возвратом им всех общегражданских прав, которых они лишены, 19) выражаем наш братский привет вступившим в неравный бой за землю и волю крестьянам, томящимся в тюрьмах Саратовской и др. губ., и требуем немедленного их освобождения, 20) шлем наш горячий привет великой русской женщине [1]), выступившей мстительницей за угнетенное крестьянство и сразившей смелой рукой одного из палачей народа, генерала Сахарова, 21) присоединяемся к Всероссийскому крестьянскому союзу, 22) из всех сметных приговоров постановляем выкинуть расходы, которые бесполезны и вредны крестьянам, 23) составить приговора о закрытии винной монополии и уничтожении шинков».

Влияние нашей партийной организации выразилось в организации (свыше сотни по губернии) комитетов бедноты и батраков, так называемых «крестьянских революционных комитетов РСДРП», и в с'ездах представителей этих слоев деревни, созывавшихся в то же время аграрной группой нашего комитета. Такие с'езды происходили по Саратовскому, Аткарскому, Камышинскому, Балашовскому уездам [2]). Для иллюстрации настроений и требований этих с'ездов

---

[1]) Биценко.

[2]) С'езд 25 волостей Аткарского и Саратовского уездов состоялся 20 ноября; с'езд Камышинский — 4 декабря; с'езд Балашовский — 10 декабря.

приведу две резолюции. Первая резолюция (тактическая), принятая на с'езде крестьян Саратовского и Аткарского уездов гласила:

1) «В целях внесения сознательности и организованности в крестьянское движение немедленно приступить к организации выборных крестьянских комитетов из представителей разных сел. Эти крестьянские комитеты — а) открыто обсуждают, какие именно земли и какими селами и деревнями должны быть захвачены в момент под'ема крестьянского движения; при чем различные села и деревни должны притти между собою к соглашению, дабы в момент борьбы не возникло выгодной для старого порядка междоусобной войны среди крестьянства; решения эти закрепляются в постановлениях комитетов, б) в момент под'ема крестьянского движения комитеты наблюдают за движением заранее составленных и утвержденных планов захвата земель, удерживая при этом крестьян от стихийных форм борьбы, как-то — убийств, поджогов, разгромов экономий и т. д., в) крестьянские комитеты конфискуют помещичьи усадьбы, скот, инвентарь владельца и т. д., берут на себя хранение и заведывание конфискованным имуществом, убеждая крестьян окончательное разрешение вопроса о судьбе имущественного инвентаря и скота, а также и участков земли, обрабатываемых при их помощи, предоставить учредительному собранию; 2) обсудив вопрос о захвате и конфискации частновладельческих земель, с'езд признал, что захвату и конфискации в момент движения, до созыва учредительного собрания, подлежат: а) все отрезки, б) все земли крупных землевладельцев, в) как общее правило, захват земель мелких землевладельцев должен (по тактическим соображениям) избегаться, за исключением земель, имеющих кабальный характер; вопрос о судьбе мелкого частного землевладения должен быть представлен на усмотрение учредительного собрания; 3) с'езд признал необходимым провести в жизнь массовый коллективный (общий) отказ от уплаты арендных денег и провести забастовку сельских рабочих; 4) обсудив вопрос о подготовительных формах политической борьбы, с'езд признал необходимым: а) немедленный отказ от уплаты казенных податей, б) отказ давать правительству рекрутов и новобранцев (военная забастовка), в) смещать всех старшин, старост, писарей и др. выборных властей, тянущих руку властей, и избирать на их место своих товарищей, не пред'являя их на утверждение земскому начальнику, г) отказываться от выполнения каких-либо постановлений земских начальников и полиции и об'явить им полный бойкот, д) пересмотреть все мирские и волост-

ные сметы доходов, исключив из них все статьи, навязанные земскими начальниками и вредные для общества; не пред'являть этих смет расходов и доходов на утверждение земских начальников, е) пред'явить помещикам требование оплачивать часть мирских и волостных расходов; 5) признавая, что все указанные выше способы борьбы только тогда будут иметь значение, когда получат массовое общее распространение, с'езд постановил: а) дать самую широкую огласку своим резолюциям, б) вести самую широкую агитацию за осуществление их, в) закреплять эти постановления решениями сходов, г) селения, проведшие в жизнь постановления с'езда, должны тотчас же дать знать об этом в газете, а также привлекать к движению соседние села, посылая туда гонцов, агитаторов, резолюции и т. д.; 6) в интересах политической борьбы с'езд признал крайне важным, чтобы рабочее движение и крестьянское шли рука об руку, в видах чего должно быть установлено самое тесное общение между городом и деревней; 7) с'езд признал необходимым созыв учредительного собрания на основе всеобщей равной, прямой и тайной подачи голосов и постановил вести самую широкую политическую агитацию за его осуществление; 8) с'езд признал желательным созвание общегубернского крестьянского с'езда».

Вторая резолюция была принята на с'езде крестьян бедняков Камышинского уезда. Она делится на пять глав, а именно: 1-я содержит обычные политические требования, выдвигавшиеся тогда нашей партией; 2-я — общие экономические требования, куда входило лишь одно требование отмены косвенных налогов и установление прогрессивного налога на доходы и наследства; 3-я — экономические требования для рабочих, охватывающие 4 требования: а) 8-часового рабочего дня для всех наемных рабочих, б) законодательной охраны мужского, женского и детского труда во всех отраслях производства и уголовной ответственности предпринимателей за нарушение законов об охране труда, в) участия выборных от рабочих в выработке правил, устанавливающих отношение между предпринимателями и рабочими, и в наблюдении за исполнением этих правил, г) государственного страхования рабочих на случай старости, полной или частичной утраты способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов; 4-я глава устанавливает экономические требования для крестьян, при чем, в отличие от предыдущей резолюции, здесь введена конфискация не только отрезков и крупных поместий, но и «всех земель казенных, удельных, дворцовых, монастыр-

ских и церковных». Кроме того, с'езд внес в эту главу отрицание национализации, на том основании, «что национализация теперь земель, т.-е. передача земли в распоряжение буржуазного государства... является средством усиления правительственной власти». Конечно, была отвергнута и социализация, как утопичная и не приводящая «к законному уравнению всего крестьянства, которое расслоено на различные хозяйственные группы»; наконец, 5-я глава почти ничем не отличается от предыдущей резолюции. Новое лишь в том, что решено крестьянские комитеты создавать в каждом селе в составе 5 — 7 выборных, да в случае неудачи военной забастовки предлагается родственникам убеждать рекрутов отказываться от присяги и всем крестьянам, имеющим родственников в войсках, — немедленно же написать солдатам, чтобы они присоединились к общему освободительному движению.

Вся эта организационная работа дала возможность созвать губернский с'езд для создания губернского крестьянского союза. Ко дню открытия с'езда, 18 декабря, с'ехались 51 уполномоченный от различных крестьянских обществ [1]), при чем каждый приехал с приговором, удостоверяющим его полномочия, и резолюцией, характеризующей настроение крестьян. С'езд должен был заседать в фельдшерской школе, но вследствие запрещения местной власти перебрался за Волгу, в Покровскую слободу, где и открыл свои заседания. Основными решениями с'езда были:

1) Частная собственность на землю должна быть уничтожена (принято 50 против 1); 2) должны быть отобраны без выкупа земли монастырские, церковные, удельные, кабинетские и государственные (единогласно); 3) у частных землевладельцев земля должна быть отобрана без вознаграждения (единогласно); 4) вся земля должна быть передана без выкупа в общее уравнительное, справедливое пользование всего рабочего народа без наемного труда (49 за, 2 против); 5) непосредственное распоряжение землей должно принадлежать самим трудящимся земледельцам, об'единенным в волостные поместные общины (мелкие земские единицы); уравнение земли между отдельными волостными общинами производится уездными и губернскими земствами и народным представительным собранием, избранным путем всеобщей, прямой и тайной

---

[1]) Впоследствии к резолюциям с'езда присоединилось не менее 150 обществ.

подачи голосов (50 за, 1 против); 6) все леса должны остаться во владении всего народа; верховное право распоряжения ими должно принадлежать народному представительному собранию; непосредственно заведывать лесным хозяйством должны земские учреждения (единогласно); 7) земство и государство должны оказывать поддержку трудовым крестьянским товариществам для развития общественной артельной обработки земли и организации выгодного для крестьян сбыта их продуктов и покупки нужных им товаров (единогласно); 8) не покупать совершенно земли у владельцев (единогласно); 9) не брать земли в аренду (единогласно); 10) не входить ни в какие земельные договоры с владельцами (единогласно); 11) одним из средств борьбы за землю Саратовский крестьянский союз признает общую земледельческую забастовку, т.-е. отказ владельческим хозяйствам всех наименований в рабочей силе с целью закрыть их (единогласно); 12) отказать правительству в уплате податей, закрыть все винные лавки и отказаться от употребления вина, чтобы лишить правительство доходов от винной монополии (единогласно); 13) для восстановления прав человека необходимы: неприкосновенность личности, жилища и т. д. (единогласно); 14) не выбирать ни в выборщики, ни в уполномоченные в Государственную Думу, т.-е. бойкотировать ее (единогласно); 15) считать врагом народа всякого, кто будет принимать участие в выборах в Гос. Думу; 16) немедленно открыть широкую предвыборную агитацию и выбирать только в учредительное собрание на основе и т. д. (единогласно); 17) все земские учреждения должны быть немедленно переизбраны на началах всеобщего и т. д. (единогласно); 18) чтобы немедленно же уничтожить власть чиновников и дворян над крестьянским населением, необходимо: не представлять сельских и волостных приговоров на утверждение земских начальников, а приводить их в исполнение постановлениями сходов; ни по каким делам, в том числе и по судебным, к земским начальникам не обращаться; не давать земских, волостных и мирских подвод чиновникам и полиции, не отводить им квартир и не посылать к ним сотских, десятских и рассыльных; сменить всех тянущих руку властей крестьянских должностных лиц и писарей и выбрать на их место лиц, угодных населению и справедливых; в выборах этих должны участвовать все проживающие в волости от 20-летнего возраста, без различия пола, народности и вероисповедания, а не одни только домохозяева; голосование всеобщее, равное и закрытое; отменить все мирские и волостные сборы, которые

сходы признают для крестьян бесполезными; для охраны общественного имущества избрать тем же порядком, как и остальных должностных лиц, особых уполномоченных; не давать показания и сведения жандармам и полиции по всем делам, по делам же Крестьянского союза, а также по делам товарищей, борющихся за землю, права и свободу народа, никаким властям показаний не давать (единогласно); 19) крестьянский с'езд находит необходимым крестьянам вооружаться для прямой борьбы против правительственных насилий и для того, чтобы в случае необходимости силою оружия совместно с городским (рабочим) классом добиться созыва учредительного собрания; (единогласно); 20) предложить от имени крестьянства запасным возвращаться из Манчжурии с оружием в руках и по дороге освобождать арестованных крестьян и учреждать, где возможно, временные правительства (единогласно); 21) крестьянский с'езд шлет горячий привет великой русской женщине, сразившей генерала Сахарова за его зверские расправы над крестьянами (единогласно); 22) крестьянский с'езд требует немедленного освобождения как эсерки, сразившей Сахарова, так и всех вообще политических заключенных и крестьян, сидящих за аграрные беспорядки (единогласно); 23) с'езд выражает глубокое негодование правительству по поводу ареста членов бюро Всероссийского крестьянского союза и всецело присоединяется к постановлениям Совета рабочих депутатов, Главного комитета Крестьянского Союза, партии соц.-рев., партии РСДРП, Польской соц. партии (ППС), выраженным в Манифесте всех этих организаций (единогласно); 24) войти в соглашение с революционными партиями и организациями для издания общего обращения к солдатам (единогласно); 25) пригласить сельские общества и волостные сходы составлять приговора с требованием к солдатам, чтобы они отказались сражаться с народом, и с угрозой в противном случае не принять в свою среду по возвращении со службы (единогласно).

На с'езде уполномоченные представляли до 10.000 избирателей. С'езд признал себя губернским и организовался в Губернский крестьянский союз, признав своей программой все вышеприведенные постановления. Затем с'езд присоединился к Всероссийскому крестьянскому союзу и избрал губернский комитет в количестве 12 человек.

На всех с'ездах и совещаниях Всероссийского крестьянского союза делегаты нашего крестьянства выступали на крайней левой

и тем влияли на принятие с'ездами наиболее революционных практических мероприятий.

Они выступали от имени «восставшего крестьянства Саратовской губернии», и это было действительно так.

* * *

Организационное начало, внесенное в стихию крестьянского движения работой революционных партий, привело к тому, что во многих местах губернии было проведено планомерное выступление крестьян против правительственной власти. Кое-где даже были образованы свои «республики» с революционными временными правительствами. Обычно крестьяне ряда сел собирались на волостной сход. Многие из них бывали вооружены ружьями, револьверами, косами, превращенными в рогатины, и т. п. Оружие обычно доставалось из помещичьих экономий и от разоружения сельской полиции. На этих сходах постановляли сменить выборный состав и, произведя выборы новых должностных лиц, обязывали старых сдавать дела, книги и деньги. Новая власть заявляла, что, кроме воли избравших, она не будет подчиняться никому, что «как народ приговорит, так она и будет поступать». Очень часто старые, смещенные власти, а также и чины полиции подвергались изгнанию из пределов села или волости. Охрана поручалась особым уполномоченным. Порядок управления волостью предусматривал обычно «народный с'езд», который имел законодательные, распорядительные и судебные функции, и «народное правление»— исполнительный орган «народного с'езда». В компетенцию «с'езда» входили дела по распределению земли, леса, лугов и других угодий между гражданами волости, народное вооружение, вступление в союз с другими волостями, народный суд, волостная касса, избрание народного правления и его председателя.

Под боком у Саратова, в с. Николаевский Городок и в прилежащих к нему селах, была образована, правда лишь на несколько дней, такая республика. При этом интересно то, что в «николаевском восстании» руководящую роль играли не социалисты-революционеры, а наш «крестьянский революционный комитет».

Дело происходило приблизительно так:

При Николаевском Городке было расположено Мариинское земледельческое училище. Ученики этого училища с давних пор отличались своей революционной работой среди крестьян (1902 — 1904 г.г), при чем сперва там имели основное влияние соц.-револю-

ционеры, а в 1905 г. это влияние перешло к нам. Крестьянство окружных сел и деревень, опутанное кабалой помещиков, шло навстречу революционной пропаганде и организации. Поэтому наша ученическая организация в Мариинском училище очень скоро связалась с передовыми крестьянами и образовала «крестьянский революционный комитет РСДРП Мариинской волости». Этот комитет, руководствуясь директивами аграрной группы нашего комитета, повел широкую подготовительную работу, втянув до 10 окрестных селений. Центром было с. Николаевский Городок. С началом октябрьской забастовки местный революционный комитет, рассматривая забастовку как начало восстания пролетариата, решил времени не терять и привлечь окрестное крестьянство к этому восстанию. Здесь понимали необходимость единого удара по правительству со стороны рабоче-крестьянских масс. С 13 октября начались митинги в чайной Об-ва трезвости, которые продолжались до 19 октября. Несколько раз устраивались по селу после митингов демонстрации с красными флагами и пением революционных песен. Манифест 17 октября произвел на крестьянство огромнейшее впечатление, но не своим содержанием, а тем, что «для всех стала ясна сила революционного народа, который вынудил у правительства этот манифест».— «Манифест,— говорилось в местном «Приговоре», — есть только первая победа, лишь начало борьбы, которую крестьяне будут продолжать, пока вместо Госуд. Думы не будет созвано учредительное собрание, и пока вся земля, не по праву находящаяся во владении казны, уделов и помещиков, не будет передана без выкупа в пользование всего трудового населения».

После этого последние элементы недоверчивости к членам революционного комитета у крестьянской массы исчезли, она признала его своим вожаком и начала действовать по его указаниям, т.-е. начала восстание. Руководили восстанием члены комитета. 20 октября, утром, собравшаяся толпа мариинских крестьян двинулась к волостному правлению и захватив все дела и документы, перенесла их в свой «штаб» — в чайную Об-ва трезвости. Затем толпа направилась к канцелярии и к квартире станового пристава, сломала замки, произвела обыск и забрала официальные книги, документы, печать и оружие. По дороге толпа разоружила двух стражников, срезала с них погоны и об'явила им, что они уволены от должности. То же, что с квартирой пристава, было проделано и с квартирами об'ездчика казенных земель и жандармского унтерофицера. Крестьянам очень хотелось арестовать этих должностных

лиц старого порядка, но все они заблаговременно сбежали из села. В этот же день были отобраны деньги и оружие в местной винной лавке и в Мариинской ферме. В казенке было забрано 30 р. выручки, на ферме — 500 р. казенных денег; при чем следует отметить, что при отобрании денег всегда выдавалась соответствующая расписка, за подписью члена комитета и печатью волостного правления. Наконец, было занято почтово-телеграфное отделение и порвана связь с Саратовом. Власть перешла в руки революционного комитета. Ночью село охранялось крестьянскими патрулями... То же происходило и в соседних селениях, например, в Кувыке, Кармыше, Константиновке, Марьевке, Слепцовке и др. Чтобы захватить более широкий район, мариинцами была выпущена прокламация к «товарищам крестьянам», в которой говорилось, что революция в России началась, что рабочие требуют учредительного собрания, что крестьяне также должны подняться, поддержать рабочих и захватить все земли помещиков, казны и уделов.... что они должны отбирать оружие и хлеб и смещать старшин, старост, писарей, отказывающихся примкнуть к народу, брать в свои руки волостные правления, организовывать свою власть...

За четыре дня существования революционной власти «республики» пострадал ряд помещиков, у которых отбиралось оружие, деньги и хлеб в зерне. Ни одного поджога, физического насилия над помещиками, а тем паче убийства, не было. В этом сказалось влияние нашей аграрной тактики...

23 октября пришли войска... Попытка защищать построенные баррикады не удалась... Начались аресты, избиения крестьян, вытряхивание из их закромов взятого у помещиков хлеба...

За несколько часов свободы крестьяне этой округи заплатили многими годами тюрьмы и ссылки. Пострадало от репрессий более 100 человек. Наша местная организация была разгромлена.

Крестьяне затаили злобу.

* * *

Крестьянское восстание, как в формах стихийных, так и в формах организованных, жестоко било помещиков, купцов, крупных кулаков, сельскую «выбранную земскими начальниками» администрацию, сельскую полицию и контр-революционное духовенство. «До 17 октября с. г., — писал поп с. Нарышкино в саратовскую охранку, — у меня в приходе небесный мир царил, а днесь мои нарышкане, разожженные речами в здании училища Медведевым,

Зуевым и Павловым, касательно свободы, поколебались и верят этим вожакам, что можно все грабить и жечь. Теперь вокруг меня по селам масса пожаров... Стою крепко. 25/10, свящ. И. Лебедев». Естественно, что сторонники «небесного мира» пытались на революционные удары ответить контр-ударом. И там, где им это удавалось, они с бешеной яростью в свою очередь устраивали не только погромы, но и убивали самым зверским образом «вожаков», «поджигателей» и вообще участников революционного движения. Черносотенная погромная волна, прокатившаяся после 17 октября по городам, захватила, хотя и не в такой мере, деревню. Там обычно контр-революционные элементы начинали орудовать с прибытием карательной вооруженной силы. Однако бывали случаи и самостоятельной расправы. К примеру, возьмем случай, наиболее нашумевший в свое время, — это черносотенный погром в с. Малиновке, Сердобского уезда. Как и в других селах, в Малиновке организовалось эсеровское братство, которое руководило аграрным движением малиновцев и крестьян окрестных селений; к этому братству примыкали крестьяне из местных сектантов. Поп и причт местной церкви, кулаки во главе с волостным старшиной, полиция и прочие черносотенные крестьяне отчаянно боролись с братством за влияние над односельчанами. Видя, что они уходят к братству, и воспользовавшись настроением, созданным манифестом, контр-революционные элементы стали сеять клеветнические слухи о братчиках и местных сектантах. 28 октября произошел пожар дома церковного причта. В толпе, собравшейся на пожар, пошли слухи, что сектанты и братчики хотят поджечь церковь, волостное правление и все село. Легковерная, нервно настроенная фанатическая толпа «православных», разжигаемая черносотенцами, поверила этой клевете и, стихийно сорвавшись с места, бросилась избивать сектантов и членов братства, громить их избы и имущество. В течение двух дней шел погром, закончившийся зверским убийством 42 человек. Следственные документы по этому делу так рисуют отдельные моменты расправы: «Толпа окружила крестьянина П. И. Серебрякова... Честнов выстрелил в Серебрякова из револьвера... Серебряков упал, и его лежачего начали бить вилами по голове... ломом по ногам, приговаривая: «а то он встанет и уйдет»... Затем эта толпа ушла, а через некоторое время проходили мимо крестьяне... увидев умиравшего Серебрякова, они сказали: «Он еще живой, хрипит, добьем его» и стали его бить палкой и железными вилами, пока Серебряков не умер... К толпе, только что убившей Серебрякова,

под'ехал волостной старшина В. С. Панкрашкин... Он указал толпе на стоящего поблизости своего племянника Т. С. Панкрашкина и сказал: «Убейте моего племянника»... Тогда выстрелили из ружей в Тихона и... начали бить его лежачего палкой с железной гайкой, а Александрочкин наносил ему удары ножем в шею... Старшина в волостном правлении отдал Гурьянову 20 р. для передачи на водку «бойцам» за то, что они «постарались»... Синев зашел к церковному сторожу в сторожку, куда вскоре явился Анофриков, который, увидев Синева, сказал: «убить бы надо Синева», а затем позвал проходивших крестьян, крикнув: «вот это Синев, берите его»... Синева вывели наружу... Один ударил его вилами по голове, другой выстрелил ему в глаз из ружья... Анофриков ударил Синева несколько раз колом... После убийства дом его был разграблен... Галишников железной лопатой разрывал мешки и выкидывал из них муку, говоря, что она привезена «с забастовки»... Продавец местной казенки Попов вытащил из погребицы горшок с коровьим маслом фунтов около 20 и увез его... Честнов крикнул: «Зачем же вы проходите мимо дома Литовкина?». Кто-то ответил: «Его не нужно бить, его и так осенью сожгли», но Честнов крикнул: «его бить надо» и с этими словами выстрелил из револьвера в окно; толпа вслед за тем бросилась к дому и разгромила его... Когда Литовкин был избит на-смерть, Гурьянов сказал: «надо выводить Смирнова, чтобы он на Литовкина казнился, а потом его убить». Вслед за этим... группа крестьян... отправилась в арестантскую и вывела оттуда Смирнова; здесь Стариков привязал его вожжами к коновязи и спросил: «у нас бог есть, или нет?». Смирнов ответил: «есть» и, указав на церковь, добавил: «вон святая церковь». Тогда Стариков ударил его несколько раз вилами по затылку. Смирнов упал, и его начали бить... вилами... палками с гайками... железным ломом... Гурьянов... ударил Щубенина по голове палкой с гайкой на конце. Щубенин сказал: «Иван Власович, не бей меня палкой, убей меня лучше из ружья»... Александрочкин сел на него и нанес ему несколько ударов ножем в грудь...».

Даже из этого, написанного чиновником, документа исходит весь ужас этого кошмарного дела.

Погромами, или как в официальных кругах выражались «общественной инициативой граждан порядка», ни рабочего, ни крестьянского революционного движения задушить было нельзя. Оставалось прибегнуть лишь к действию «христолюбивого воинства», и оно было использовано в полной мере. Министр внутренних дел Дурново

открыто рекомендует применять массовый расстрел, ибо «аресты теперь не достигают цели: сотни и тысячи людей судить невозможно». Саратовские власти, и в первую голову губернатор П. А. Столыпин, сперва пытаются воздействовать на крестьян моральными мерами, «в присутствии готовой к действию вооруженной силы». Губернатор раз'езжает по «крамольным» селам и «мирно» их уговаривает. До поры до времени этот маневр удается, хотя не везде и не всегда. Часто бывало так, что крестьяне, выслушав Столыпина, «винились», возвращали захваченное имущество землевладельцев, даже выдавали «зачинщиков»; но стоило губернатору уехать, как крестьяне опять начинали «бунтовать» и отбирать только что возвращенное добро. Надо отметить, что удачные выступления Столыпина целиком относятся к личным качествам этого последнего крупного человека последней эпохи старого режима. Между прочим, он прекрасно знал крестьянскую психику и умел пользоваться этим знанием в самые критические моменты.

Мне рассказывали местные эсеры об одном случае с Столыпиным, где лишь его находчивость, соединенная с знанием крестьянской психики, спасла его от неминуемой, казалось, смерти. Крестьяне одного села произвели крупную порубку у большого помещика. Столыпин приехал с казаками в село и созвал сход. Казаки расположились недалеко от схода, а губернатор вошел в круг. Учитывая, что крестьяне уважают начальство, когда оно и внешне одето как начальство, Столыпин явился в мундире, как на парад. На плечах у него была накинута «николаевка». В сходе находились «братья». Один из них, молодой парень, пришел на сход с целью убить губернатора и для этого захватил топор. Пока Столыпин говорил, парень протиснулся к нему и прицеливался, как лучше «хряснуть барина». Еще одно мгновение — и Столыпина не было бы на свете. Случайно он заметил жесты парня, не теряясь ни минуты, он быстро сбрасывает «николаевку» и начальственным жестом бросает ее парню:—«Держи!» Тот смешивается и подхватывает брошенную ему шинель. Топор падает из рук, а Столыпин быстро ретируется и становится под охрану казаков. Привожу этот случай, как интересный факт использования представителями старой власти рабских привычек даже у революционных крестьян. Однако революционное настроение переросло «мудрость» Столыпина очень скоро. А манифест 17 октября совсем подорвал его авторитет. Уезды превратились в пылающие костры.

«Крестьяне громили и жгли усадьбы помещиков, — писало «Новое Время» о событиях в Саратовской губернии [1]), — уничтожая все, что ими не могло быть взято и употреблено в дело. Погромы носили стихийный характер; точно ураган пронесся по Саратовской губернии и смел на своем пути все, что ему попадалось. Уныло и мертво смотрели разгромленные усадьбы; ни одной живой души не было видно там, где прежде, и так еще недавно, шла деятельная и кипучая работа... только вороны мрачной стаей носились над обгорелыми и дымящимися еще развалинами жилья, находя себе пищу в остатках погибших на пожаре животных...».

У власти оставались лишь меры механического воздействия.

«Войска,—пишет та же газета,—вызванные губернатором в уезды, разбились небольшими частями и, располагаясь в разных, наиболее угрожаемых местах, охраняли еще не уничтоженные имения. Иногда 10 — 8 и даже менее человек солдат отстаивали целость вверенного их охране имущества... Там, где появлялись войска, грабежи прекращались, но население не успокаивалось, и волнения перебрасывались на другие, соседние деревни. Поспеть всюду и предупредить разгром не всегда удавалось, так как невозможно было предвидеть, где вспыхнет пожар. Для ограждения же всех поместий нехватало войск. Особенно ценна была кавалерия. Пехота хотя и отправлялась обыкновенно на подводах, но крестьяне умышленно долго собирали эти подводы или совершенно отказывались их ставить; поэтому пехотные части в редких случаях могли прибыть к месту погрома своевременно. Благодаря спешной отправке войск в уезды и дробного их распределения по разным местам, произошло полное перемешивание всех частей, рот, эскадронов и сотен...».

Началась кровавая вакханалия по рецепту Дурново.

В особенности она усилилась с момента приезда в Саратов (3 ноября) присланного со специально палаческой целью генерал ад'ютанта Сахарова. Этот «царский слуга» повел форменную войну с крестьянством, при чем войну того типа, которую вели и ведут империалисты с населением колоний в какой-нибудь Центральной Африке. Экспедиция шла за экспедицией. По всем уездам пошел стон от расстрелов сотен и тысяч крестьян, от разгрома при помощи артиллерии целых селений, от поголовной порки и

---

[1]) Передовица-некролог по Сахарову, № 10684 1905 г.

других насилий. Бывали случаи, когда по полсуткам держали сходы на коленях, бывали случаи загона в ледяную воду всего населения деревни, при чем оно находилось там от зари до зари, под страхом немедленного расстрела. Все тюрьмы, арестные дома, каталажки были забиты крестьянами... Трупы расстрелянных валялись на улицах селений, так как убирать их было нельзя, опять-таки под угрозой расстрела...

Чтобы не оставаться голословным, приведу следующую корреспонденцию из Кузнецкого уезда:

«В уезде казаки неистовствуют, истязают всех попадающихся под руку. Мужиков уводят, над бабами насильничают. Требуют деньги, при отказе секут. Надевали на шеи веревки, уводили на пожарище и там устраивали экзекуции. Казаки глумятся над жителями и издеваются. Примеров масса: 1) в Шемышейке казак рассказывает, что в Урлейке отсек старику голову, и тот стоял на ногах десять минут, 2) он же убил в Мачкасах Фролку, 3) в Шемышейке же казаки хотели изнасиловать дочь некоего Соловьева, 4) 20 ноября в д. Галкина изнасиловали 6 девушек, 5) в с. Турках избили нагайками сельского старосту, который по дороге в Кузнецк умер, 6) в Шемышейке избиты 63-летний Емелин (теперь болен) и кр. Галкин, три человека из Урлейки; в Армиеке пять человек высечено зверски, 7) в Кулясах избили старуху (70 лет) и сына ее — Ульяновых — по указанию местного (как говорят) священника; в Чиндясах изнасиловали женщину... Казаки грабят все, что попадается: гуси, свиньи туши (в Кулясах), шерстяные платки, сапоги, холст, кофты, фартуки, юбки, — все что имеет цену... В одном селе награбят—в другом продают... Вообще, творится что-то ужасное».

И такими корреспонденциями заполнены все номера местных газет. Но наиболее зверские расправы не нашли себе отражения в газетах и передавались из уст в уста.

Беспощадный белый террор повис над деревней. Крестьянское движение, захлебнувшись в собственной крови, вынуждено было ослабить свой темп... до весны 1906 года.

К началу декабря генерал Сахаров мог послать «всеподданнейший доклад» о наступившем «умиротворении в Саратовской губернии».

«Только вороны мрачной стаей носились над обгорелыми и дымящимися развалинами» сел и деревень.

* * *

Кошмарная расправа с крестьянством вызвала самозащиту, в обычной для этого слоя форме — индивидуального красного террора. До этого убийства агентов власти были сравнительно редким явлением. Со времени же карательных экспедиций этот террор увеличился во много раз. Местная эсеровская организация не только приняла участие в индивидуальном терроре, но и попыталась ввести стихийные его проявления в русло организованного действия. Целиком эта попытка не удалась. Однако значительное количество покушений было произведено под руководством эсеров. Из этих покушений наиболее крупными были покушения (около пяти) на Столыпина, на вице-губернатора Кноля и на генерала Сахарова. Все покушения на Столыпина оказались неудачными. Покушение на Кноля (бросал бомбу К. Д. Бакшанов) тоже было неудачным: бомба, брошенная в Кноля, не взорвалась. Покушение на Сахарова оказалось удачным и произвело значительное волнение в правящих кругах...

«22 ноября в 12 ч. дня к под'езду губернаторского дома, — говорило официальное сообщение, — под'ехала на извозчике прилично одетая дама и, расплатившись с извозчиком, прошла в дом. Швейцару и околоточному дежурному надзирателю она заявила, что имеет просьбу к генерал-ад'ютанту Сахарову относительно ограждения ее имения от разорения крестьянами. Надзиратель попросил ее пройти в приемную наверх к чиновнику особых поручений и заявить, что желает лично видеть его превосходительство. Когда о ней было доложено г.-а. Сахарову, то он приказал просить. В гостиной, где обыкновенно принимает генерал просителей, в это время находился ад'ютант... Дама вошла в приемную, подала прошение и пожала протянутую г.-а. Сахаровым руку и по его приглашению села в кресло. Ни поведением своим, ни манерами, ни наружностью она не вызывала ни в ком никакого подозрения.

Когда села просительница, сел и ген.-ад., начав читать поданное ею прошение от имени будто бы землевладелицы Пензенской губ. Софии Фокиной, в котором она просит прислать ей для защиты от погрома разбойниками крестьянами ее имения — солдат и казаков. Прошение написано собственноручно убийцей. Это установлено. Их разделял друг от друга стол. Ад'ютант сел у другого стола шагах в пяти от них. Вдруг дама эта выхватила из-под пояса «браунинг» и произвела, сидя, четыре выстрела в ген. Саха-

рова почти в упор, после чего была схвачена за руки ад'ютантом и обезоружена. Она заявила: «будьте осторожны, там есть еще патроны, — можете убить себя». Его превосходительство был убит; при чем пули попали: одна в правую руку, раздробив кость, а две— в грудь. Пули были все надрезанные «на-крест« и деформировались в теле. На вопрос она заявила, что она приезжая и казнила ген. Сахарова по приговору Летучего отряда боевой организации партии социалистов-революционеров. На остальные вопросы она категорически отказалась отвечать...»

Это была Биценко, ныне член нашей партии.

Как и рабочее движение, крестьянское восстание было разгромлено по частям. Кровавый опыт показал, что только совместные удары рабочих и крестьян могут сломить старый порядок. Осуществить этот вывод удалось лишь через 13 лет — в огне Октябрьской революции.

XVIII. САРАТОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ПЯТОГО ГОДА.

После 1 мая наша организация еще более усилила свою работу. Прежде всего следует отметить, что она еще точнее определила свою структуру. Низовой ячейкой было заводское или даже цеховое собрание рабочих, принимающих нашу программу, платящих членские взносы и работающих активно. Заводское или цеховое собрание избирало центральный кружок. Этот последний, в свою очередь, избирал одного или двух организаторов в районный комитет. Весь город был поделен на четыре основных района: механический (куда в частности входили железнодорожные мастерские при ст. Саратов и ст. Князевка), ремесленный, мельничный и городской. Во главе каждого района стоял районный комитет, куда как я уже упоминал, входили организаторы от центральных кружков. Районные комитеты избирали ответственных организаторов в городской комитет. Последний был высшим в городе партийным органом на весь срок своего избрания, который устанавливался в три месяца. Городской комитет состоял из избранных и кооптированных членов. В целях самозащиты от правительственных властей и необходимости иметь товарищей партийных специалистов правом кооптации пользовались очень широко. Руководя организацией, комитет был обязан не реже одного раза в месяц отчитываться в своей работе перед собранием членов районных комитетов. На этих собраниях, кроме отчета, рассматривались все острые вопросы организации, план работы на предстоящий месяц и проект приходо-расходной сметы. Районные комитеты пользовались известной автономией в деле постановки работы у себя в районе, в издании прокламаций, в созыве собраний. Кроме этих партийных органов, были специально обслуживающие органы, к каковым относились: аграрная группа, военная организация, боевая дружина,

коллегия пропагандистов и агитаторов, ученическая группа [1]). Ограничения в предоставлении права решающего голоса по партийным вопросам, которые существовали до получения решений III партийного с'езда, были ослаблены. Против этих ограничений бунтовали все «лишенные прав» подсобные органы. В особенности много трений по этому вопросу происходило у комитета с аграрной группой, военной организацией и коллегией пропагандистов и агитаторов. «Ввиду крайней важности, — сообщал комитет членам организации 13 сентября, — для постановки вопроса о взаимных отношениях периферийных организаций и комитета, с одной стороны, и в интересах возможно более нормального и полного участия периферийных работников в партийной деятельности, Саратовский комитет, после всестороннего обсуждения, пришел к следующему заключению: 1) исходя из организационных норм III партийного с'езда, сводящихся к сосредоточению идейного и практического руководства местной работой и всем тем, чем в настоящее время живет партия, желательно и целесообразно по важнейшим вопросам, и в особо определенных комитетом случаях, предоставить части периферийных организаций право решающего голоса; 2) при наделении периферийных работников по предлагаемым вопросам решающим голосом в основу должна быть положена большая или меньшая степень целостности и ответственности той или иной фракции. На основании этого Саратовский комитет единогласно постановил: 1) в особо намеченных комитетом вопросах предоставить право решающего голоса в пределах автономии Саратовского комитета всем организациям, работающим на положении районных комитетов. Все остальные периферийные работники приглашаются на общее собрание с правом совещательного голоса; 2) принципиально решен вопрос о предоставлении военной и губернской аграрной группам равных с районными комитетами прав, но окончательное решение отложено до завершения организационного строительства названных групп».

Последнее принципиальное решение не удовлетворило ни военную, ни аграрную группы. Они подняли «бучу», и комитет вынужден был вскоре издать следующее «раз'яснение»: «Выяснив окончательно вопрос об организационном строительстве как районных комитетов, так и групп губернской аграрной и военной, в связи с ответственностью их функций, Саратовский комитет раз'ясняет,

---

[1]) См. приложение № 3.

что правом решающего голоса, при указанных в постановлении комитета от 13 сентября по данному вопросу условиях, пользуются все подрайонные организаторы из районов и губернской аграрной группы и организаторы отдельных частей войск из военной группы». Конечно, здесь было не только давление той или другой группы. Эти решения обусловливались, с одной стороны, количественным и качественным ростом организации, важностью задач, стоявших перед нею, а с другой — вытекали из решений III партийного с'езда (см. §§ 6, 11, 12 устава партии и резолюцию об обязанности центров осведомлять периферию о партийных делах и считаться с ее мнением).

Правильная, с точки зрения общеполитической и внутрипартийной ситуации, постановка структуры организации, более или менее налаженное взаимоотношение ее составных частей значительно облегчили работу организации; прежде всего они дали возможность использовать всех активных работников, организованно и быстро проводить в массы директивы комитета и влиять не только на движение в городе, но и в деревне. Кроме того, новая структура давала нам, большевистской части организации, возможность влиять на все важнейшие организационные элементы организации и, в первую голову, — на районные комитеты и комитет общегородской. Наиболее сильными нашими районными комитетами были: механический и мельничный. В особенности первый. Он всегда у нас был определяющим жизнь и деятельность организации. Партийные товарищи рабочие железнодорожных мастерских, завода Беринга и Гантке всегда были самыми активными и боевыми.

Руководящий состав организации тоже значительно изменился: многие были арестованы, многие вынуждены были выехать. Между выехавшими был и лидер нашей организации и большевистской ее части И. П. Гольденберг. Этот урон был восполнен новыми крупными работниками, или приехавшими из других мест или выросшими из местных товарищей. На место Иосифа Петровича стали: «по политической части» — Дюбюк, «по организационной» — В. А. Миллер. Наиболее крупными работниками в этот период были: из рабочих—1) А. А. Петров (больш.), 2) П. И. Клочков (больш.), 3) Н. А. Баханов, (больш.), 4) П. И. Лалов (больш.), 5) В. Т. Сергеев (больш.), 6) С. Т. Ковылкин (больш.), 7) И. И. Мичурин (больш.), 8) Д. М. Борисов (больш.), 9) А. И. Клещевников (больш. с правым уклоном), 10) Т. К. Чугунов (больш.), 11) А. В. Кузнецов (больш.), 12) А. В. Клещов (больш.), 13) Д. В. Гордеев (больш.), 14) Ф. Ф. Во-

ронков (меньш.), 15) М. И. Судачков (меньш.), Я. С. Пятибратов (меньш.), 17) Н. Г. Калашников (меньш.), и др.; из не-рабочих—1) Н. Дюбюк (больш.), 2) В. А. Миллер (больш.), 3) П. А. Лебедев (больш.), 4) А. Я. Ветров (больш.) 5) Малинин (больш.), 6) Ф. Т. Иванов (больш.), 7) А. Ф. Ретлинг (больш.), 8) И. Н. Талалов (больш.), 9) В. И. Вегер (больш.), 10) Н. М. Дружинин (больш.), 11) Е. К. Романенко (больш.), 12) Г. А. Оболдуев (больш. с правым уклоном) 13) В. К. Сережников (меньш.), 14) В. Н. Тихорский (меньш.), 15) М. Н. Загрубский (меньш.), 16) В. И. Коваленко (колеблющийся), 17) Н. А. Стрелков (меньш.), 18) Д. А. Топуридзе (меньш.), 19) Д. М. Майзель (колеблющийся) и многие другие. Во всей организации насчитывалось свыше 1.500 человек.

Николай Прокофьевич Баханов (Ярый).

Все мы работали с бешеной энергией. Не было времени поспать. А когда удавалось, то сваливались на постель не раздеваясь. Бывало забрежжит свет — и снова на ногах, и снова за работой. При чем все время шла игра со шпиками и полицией. Каждый не знал, что будет с ним завтра. Останется ли он на свободе или будет смотреть на «мир божий» через железную решетку. Но это мало кого тревожило. Большинство горело революционным энтузиазмом и довольно беззаботно относилось к своей личной судьбе. Главное было продержаться на воле как можно дольше и за это время сделать для революции все, что только в силах и способностях. Особенно тяжкими были условия работы для товарищей-мучеников, сидевших в «склепе», т.-е. в подпольной типографии. Это была поистине каторжная работа. И посылали за нее царские суды тоже в каторжные работы...

Резолюции III партийного с'езда пришли к нам с некоторым запозданием и вызвали большую дискуссию. Наш комитет подавляю-

щим большинством против трех вынес и опубликовал следующее решение: «Саратовский комитет, выслушав и обсудив сообщение о III с'езде и конференции», постановил: «1) оставить открытым вопрос о законности и партийности с'езда, как формально, так и в качественном отношении, ввиду отсутствия всех необходимых документов; 2) признать идейную позицию III с'езда, выразившуюся в его резолюциях и в его организационном уставе, соответствующей идейной позиции Саратовского комитета; 3) признать центры, избранные с'ездом[1]); 4) войти в сношения с организационной комиссией, с целью участия в организуемых ею конференциях и работах по подготовке IV с'езда и с целью получения от нее литературы; 5) признать необходимым на страницах центрального органа свободную дискуссию по тактическим и организационным вопросам, в особенности по аграрному вопросу; 6) принимая во внимание, что разногласия между большинством и меньшинством не настолько значительны, чтобы исключить возможность совместной работы в единой организации, выразить пожелание, чтобы центры, избранные с'ездом и конференцией, возможно скорее пришли к необходимому на этот счет соглашению».

Альберт Фридрихович Ретлинг.

Эта резолюция вскоре же была обсуждена на собрании, как теперь выражаются, актива и принята значительным большинством голосов (45 против 20, при одном воздержавшемся). Интересно голосование по отдельным пунктам резолюции комитета. Так, за первый пункт высказалось 50 голосов, против — 16, воздержался один; за второй — 37, против 21, воздержался один, при особом мнении — 8; за третий — 45, против — 19, воздержалось трое; за

[1]) Курсив мой. *А. С.*

остальные пункты — голосовали в с е. Против аграрной резолюции с'езда голосовали тоже в с е. Из этого голосования прежде всего видно, что актив наш имел 37 большевиков, 21 меньшевика и 9 колеблющихся (болото), а затем и то, что наши большевики не отличались той «твердокаменностью» и фракционной выдержанностью, которыми отличались большевики рабочих промышленных районов и центров. Лично я, имевший возможность участвовать в московской дискуссии по с'ездовским вопросам, принадлежал к той незначительной группе товарищей, которая решительно во всем приняла с'ездовские резолюции. За это некоторые меньшевики, например, Тихорский, жестоко обрушились на меня, называя «медно-лобым». Я, конечно, в долгу не оставался. — «Лучше быть медно-лобым, чем вместо головы носить брюссельскую капусту (Тихорский был кудрявым)», — отругивался я. (Впоследствии, когда я в 1906 — 1907 г.г. несколько «свихнулся» и сполз на примиренческую линию, Тихорский уже меня не бранил, а очень похваливал. Впрочем в 1908 г. я снова вернулся на позиции большевизма, и Тихорский снова перестал относиться ко мне дружественно.) Собственно с момента одобрения резолюций с'езда у нас началось более резкое расхождение с меньшевиками. До этого, как это видно и из пункта шестого постановления нашего, в большинстве большевистского, комитета мы не считали разногласия с ними серьезными и «существенными». Тем более, что меньшевики очень дружно работали с нами и очень часто принимали не только теоретически, но и на деле, практически нашу линию. Было этакое неустойчивое равновесие. То меньшевики гнулись к большевикам, то большевики — к меньшевикам. О причинах этого я уже говорил в предыдущем очерке о состоянии нашей организации.

Как бы там ни было, но, в общем и целом разделяя резолюции с'езда, наша организация пошла в своей работе по выверенному компасу. При этом иногда ей было легко руководствоваться компасом, иногда очень трудно. Легко было тогда, когда резолюции с'езда, так сказать, подытоживали местную практику, и трудно, когда они расходились с этой практикой. Тогда нам казалось, что решения с'езда неправильны. Мы свою практику незаметно для себя обобщали на всю страну и всю партию. Это «погрязание» в местной практике, между прочим, привело организацию к ряду ошибок, на которых следует остановиться.

Наиболее трудными для усвоения были решения с'езда о профессиональных союзах и аграрной тактике.

Я уже говорил, что наша организация, учтя тягу рабочей массы к организации своих сил, с апреля начала кампанию за строительство профессиональных союзов и провела ее самым энергичным темпом. По вопросу о том, как строить профсоюзы, произошла значительная дискуссия. Одни товарищи считали, что нужно строить массовые, беспартийные союзы и постепенно на повседневной работе добиваться влияния партии; другие, и большая часть, настаивали на строительстве партийных профсоюзов. В основу практической работы легла следующая резолюция нашего комитета: «Принимая во внимание рост революционного пробуждения в самых широких массах рабочего класса, чрезвычайно повышенное стремление в их рядах к организации, с одной стороны, а с другой, — считая единственно отвечающим с точки зрения социал-демократии интересам переживаемого момента расширения идейной и организационной связи с широкими слоями рабочего класса, Саратовский комитет находит единственно целесообразным в этой области выступление перед массой для организации ее в социал-демократические профессионаальные союзы, примыкающие к партийной организации и работающие под ее руководством».

На основании этой директивы и был разработан проект устава социал-демократического профессионального союза. Этот типовой устав мною уже приводился. Образовавшиеся на этой основе профессиональные союзы были очень активными организациями, но в то же время очень малочисленными. Очень часто они не охватывали и $^1/_{10}$ своей профессиональной массы. Центральный орган нашей партии «Вперед» очень мягкими замечаниями стремился выправить нашу линию, но мы бунтовали, и в качестве ответа на статьи центрального органа наш комитет совместно с периферийным собранием во второй половине сентября еще раз подтвердил прежнее свое решение.

Эта ошибочная линия, так схожая с нынешней линией «левых» западных коммунистов, привела лишь к тому, что эсеры, поведшие агитацию за широкие, беспартийные профсоюзы, на некоторое время оттянули к себе значительные рабочие массы.

Увидев к каким отрицательным результатам приводит комитетская линия, мы подняли вопрос о ее пересмотре. Линия к октябрю была пересмотрена, и наши активные работники приступили к стро-

ительству беспартийных союзов [1]). Перегнули палку и получили удар.

В другом вопросе, об аграрной программе и тактике, палку, наоборот, недогнули. Ожесточенная полемика с местными эсерами вызвала у нас своеобразную реакцию: мы ни в чем и ни за что не хотели считаться с эсеровскими, по существу крестьянскими, требованиями в вопросе о земле. Всякое отступление от своей старой программы мы считали загрязнением марксистских, пролетарских риз мелкобуржуазным влиянием. Все методы, которыми пользовалось крестьянство в борьбе с царизмом и помещиками, наша организация сурово осуждала, и знаменитые «отрезки» считались альфой и омегой последовательного большевизма. Поэтому-то так единогласно и была у нас отвергнута аграрная резолюция с'езда. Однако и здесь опыт разбил и разоблачил ошибочность нашей позиции. Могучее революционное движение крестьянства, большие районы, охваченные восстанием, уход сознательного крестьянства от нас к эсерам, фактическое проведение крестьянством не программы «отрезков», а захвата всей «государевой и помещичьей» земли, важность всего этого движения для борьбы рабочих,—в конце концов разбили, если не целиком, то в значительной мере, предрассудки организации и заставили ее вернуться к резолюции с'езда.

С октября организация, через свою аграрную группу, хоть и поздновато, взялась за ум и попыталась исправить результаты своей ошибки и распространить свое влияние на бурлящую крестьянскую массу. Все способы, указанные в с'ездовской резолюции, были так или иначе использованы и дали сравнительно прекрасные результаты. Своими сельскими, волостными и районными крестьянскими революционными комитетами, своими бедняцкими с'ездами и вообще своим руководством организация внесла довольно много элементов планомерности в стихию крестьянского движения. На ряде созванных нами в декабре крестьянских (бедняцких) с'ездов мы уже ни словом не обмолвились на счет «отрезков», а говорили о конфискации всех земель в пользу крестьянства. Но в это время мы опять отставали от общей революционной ситуации, от требований момента. Идея национализации земли, этот пролетарский корректив к крестьянским требованиям, у нас не привилась. Она была у нас отвергнута, и на своих крестьянских с'ездах мы дискредити-

[1]) Наиболее активными организаторами союзов были: В. А. Миллер, А. Я. Ветров, М. Б. Самсонов, М. И. Шушков, Д. Гальпер, И. М. Ляховецкий и др.

ровали ее на-ряду с эсеровской социализацией. Лишь отдельные товарищи разделяли эту идею, но не решались выступить за нее со всею определенностью. Мне, как пропагандисту, приходилось иметь дело с пропагандистскими программами, в том числе и с программами для крестьян. В приложении я даю две таких программы, а здесь приведу лишь те выдержки, которые дают схему наших взглядов на аграрный вопрос. Во второй и третьей лекции программы, утвержденной комитетом для крестьянских кружков, говорилось: 1) Борьба с остатками крепостнической кабалы. Организация с этой целью крестьянских революционных комитетов. Требования социал-демократии: возвращение крестьянам кабальных земель и выкупных платежей, конфискация удельных, казенных, кабинетских и прочих земель для создания культурного фонда, отмена выкупных платежей и всяких других, лежащих на крестьянстве, как на податном сословии. Регуляция арендных отношений. Средства борьбы: стачка арендаторов, бойкот, демонстрации. Нецелесообразность единичного террора. Необходимость массовой борьбы на два фронта: с помещиками и с царизмом. Организация податных и военных стачек. Изгнание властей. Подготовка вооруженного восстания. 2) Либеральные потуги: банки, мелиорация, травосеяние, агрономия, ветеринария, артели, выкуп части помещичьих земель. Цель этих потуг: привлечь на свою сторону крестьянство, создать внутренний рынок, прикрепить крестьян к помещичьей земле. Проекты социалистов-революционеров — национализация и социализация земли. Утопичность их попыток частичного осуществления социализма и попыток улучшить экономическое положение крестьян; обнищание крестьян при наделении их землею по трудовому принципу; рост диференциации, как результат разницы в средствах производства, в свойствах почвы, условий рынка и пр. Единственное средство уничтожить эксплоатацию и неравенство — социализм, т.-е. обобществление средств производства и организация равномерного распределения продуктов. С.-демократия не посягает на мелкого крестьянина и его собственность. Возможность существования мелкой собственности в социалистическом строе. Добровольный переход крестьян к коллективному производству. Всемирная социал-демократия — носительница идеи социалистического переворота. Диктатура пролетариата — преддверие в социалистическое общество [1]).

---

[1]) См. приложения №№ 4 и 5.

Аграрные споры были самыми больными в нашей организации.

В отношении прочих вопросов момента дело обстояло более или менее благополучно.

Анализируя классовые отношения в революции, наша организация, став сперва на меньшевистский путь, очень скоро выработала правильные большевистские взгляды. Еще до с'езда в брошюре А. А. Богданова «О либералах» мы говорили: «Либералы, вчера еще бессильные и робкие, вдруг уверовали в свои силы... они хотели бы привлечь на свою сторону рабочий народ, чтобы в случае борьбы с самодержавием двинуть его на битву. И вот они говорят теперь рабочему народу: спрячьте ваше красное знамя. Теперь не время говорить о социализме, теперь перед нами стоит великая задача— низвергнуть самодержавие и завоевать политическую свободу. Теперь не должно быть ни с.-д., ни либералов, теперь должны быть только неумолимые враги самодержавия. Забудем же наши разногласия, нашу взаимную борьбу, соединимся в тесный союз для борьбы с нашим общим врагом. Так говорят теперь русские либералы. Но можем ли мы им поверить? Можем ли спрятать свое красное знамя и стать под знамя либеральной буржуазии? Можем ли забыть нашу великую цель — социализм? Станем ли проливать свою кровь, гибнуть по тюрьмам и ссылкам для торжества либеральной буржуазии? Для того, чтобы по нашим трупам, добравшись до трона, она впоследствии стала усмирять нас пулями и штыками?—Нет,товарищи, мы этого не можем сделать». Поэтому резолюция о либералах, принятая партийным с'ездом, не только не вызвала возражений большинства, но и вполне оформила существующие в организации взгляды. Проводя практически эти взгляды, мы в полной мере загладили первоначальные грехи и в полной мере уничтожили всякое влияние либеральной буржуазии на рабочую массу и в значительной степени на массу служащих. В связи с этим вопросом (и курсом на вооруженное восстание) нами была проведена кампания против Государственной Думы. Нами были созваны многочисленные массовки, на которых передовыми рабочими целиком были приняты наши резолюции. Вот парочка таких резолюций:

А) Резолюция, принятая на собрании организаторов кружка и представителей предприятий берегового района от 1 сентября:

«Исходя из того положения, что только демократическая республика дает рабочему классу возможность вести последовательно и свободно борьбу за социалистический строй, который окончательно освободит всех от ига капитала (от безработицы, голода,

угнетения, унижения, проституции, невежества и прочих бед); что, следовательно, демократическая республика для рабочего класса является только средством для достижения полного счастья, социализма, а не целью, что только класс пролетариев в борьбе за социализм является единственным решительным и последовательным борцом за демократическую республику, мы, саратовские рабочие, собравшись 1 — 2 сентября в количестве 23 человек, вынесли следующую резолюцию: преступная война, начатая самодержавием без согласия народа, принесшая море слез и бедствий всему населению России и усилившая народное недовольство самодержавным строем, героическая борьба рабочих на улицах городов — Варшавы, Лодзи, Тифлиса, Баку, Одессы, Иваново-Вознесенска и мн. др., возмущение самодержавно-полицейским порядком среди доселе верного оплота — войск — заставили правительство дать народу Государственную Думу. Но новое учреждение нашего бесстыдного правительства, кроме грубой обиды, народу ничего не дало. Дума, долженствующая составиться из народных представителей, царем устраивается без народных представителей, ибо при неслыханном еще таком высоком имущественном цензе для избирателей, при двух-,трех, а для крестьян частью даже четырехстепенных выборах, при лишении избирательного права миллионов рабочего населения, — Дума, представляемая по сословиям, лишенная права законодательного и права контроля над действиями правительства, Дума, подчиненная контролю земских начальников, предводителей дворянства и губернаторских чиновников, Дума без свободы слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенности личности и жилища, — такая Дума есть Дума не представителей народных, а это есть учреждение самодержавного правительства, устроенное для наглого, бесстыдного обмана народа. Признавая это, мы в то же время глубоко уверены и заявляем, что только учредительное собрание, созванное на основе и т. д., может дать требуемое всей Россией представительство; а так как самодержавие царей само не подпишет себе смертного приговора, мы признаем, что только всенародное вооруженное восстание даст все нужное народу для свободной борьбы за полное счастье всех, а потому мы, называя всякого, тем или иным способом участвующего в деле избрания булыгинской Думы, предателем интересов народа и врагом его, наравне с самодержавием царя, считаем необходимым в самых широких размерах распространять свою резолюцию и приводить к согласию с нею всех, чтобы ко дню об'явления

ложных народных представителей в Государственной Думе, эта резолюция была мнением всего рабочего люда г. Саратова, чтобы в нужный момент поднять знамя восстания. Долой самодержавие! Долой булыгинскую Думу! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует демократическая республика!».

Б) Резолюция, принятая на собрании членов с.-д. профессиональных союзов в количестве 120 ч. 8 сентября:

«После всестороннего ознакомления с основными положениями Государственной Думы, собрание пришло к следующему заключению: 1) Государственная Дума, как по условиям выборов в нее представителей, так и по вытекающему из этих условий своему составу, должна представлять только интересы крупных помещиков, крестьян-кулаков, городских капиталистов, угнетавших и грабивших трудящийся люд до сих пор от имени самодержавного правительства, а теперь собирающихся в союзе с тем же самодержавием выступить против народа под прикрытием якобы данных им тем же народом полномочий. Ввиду всего этого учреждение Государственной Думы есть не что иное как один из обычных способов обмануть народ и, подавив непрерывно увеличивающееся в его среде недовольство, отдалить в далекое будущее достижение свободного государственного порядка. 2) Так как вообще безрассудно надеяться на освобождение России от варварских порядков путем милостей сверху, то народ, т.-е. рабочий класс и крестьянство, должен отнестись самым отрицательным образом к созыву такой противной желанию народа Думы и заключить между собою соглашение для совместной решительной борьбы за водворение в стране вполне свободного строя. 3) Переходя к вопросу о способах борьбы против Государственной Думы и отстаивающих ее партий, собрание находит необходимым: а) развить самую энергичную агитацию в широких массах в целях выяснения истинного значения Думы, б) устройством народных демонстраций, общих политических стачек, проникновением народа на собрания выборщиков протестовать против новой попытки ввести в заблуждение народ, не останавливаясь перед вооруженным отпором всем темным силам самодержавия, стремящимся и на будущее время держать народ в рабстве, в) готовиться уже теперь к всероссийской политической стачке с основными требованиями — долой дворянскую и купеческую Думу, да здравствует Временное Революционное Правительство, которое созовет на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов всенародное учредительное собрание, для установле-

ния единственно отвечающего интересам народа государственного строя — демократической республики, г) так как всероссийская стачка должна носить боевой характер, так как правительство царя и идущих в царскую Думу партий постарается подавить народный протест вооруженной силой и поэтому стачка может перейти в открытое восстание, необходимо возможно больше усилить агитацию в войсках и приступить к немедленному вооружению народа. 4) В целях наилучшего и наипростейшего распространения взглядов, выраженных в выработанной собранием резолюции, и в целях более широкого выступления народа, собрание считает нужным переходить от тайных сходок к открытым народным собраниям».

В соответствии с этим комитетом была издана и распространена прокламация — «Единение царя с народом» [1]), в которой настойчиво внушалась мысль, что «пролетариат должен активно выступить против Думы, разоблачая эту жалкую комедию выборного представительства, готовясь к вооруженному восстанию и поддерживая ту часть буржуазной демократии, которая склонна не к торгашеству, а к революционному образу действия, к бойкоту Думы, к усиленной агитации в народе для протеста против этой Думы...».

К восстанию призывала и готовилась организация чуть ли не с февраля. Все крупнейшие митинги, собрания, все столкновения с полицией и войсками, борьба во время погрома в городе — шли в максимальной степени под руководством нашей организации. Конкурирующая партия эсеров не могла даже созвать приличного митинга, и ее руководителям приходилось «вторгаться» на наши митинги.

Аграрная группа, агитационно-пропагандистская группа (коллегия), боевая дружина работали великолепно. Хуже работала военная организация. Отсутствие сильных организаторов, темнота культурная и политическая местных войсковых частей до крайности тормозили работу. Однако к началу октябрьской забастовки мы уже имели, правда слабоватую, связь (результаты этого сказались в декабрьские события) с следующими войсковыми частями: с 225-м, 227-м и 228-м, и Хвалынским запасн. и действ. батальонами, с 1-й и 2-й батареями 3-й запасной бригады, с музыкантскими командами Лесного и Хвалынского батальонов и с конвойной

---

[1]) См. приложение № 7.

командой. На масовки, устраиваемые военной организацией, в лучшем случае приходило до 30—35 ч., обычно—10—15 ч. На все крупнейшие события в стране и в губернии организация откликалась энергичной устной и письменной агитацией. Между прочим, на погром она ответила не только борьбой с громилами своей боевой дружины, но рядом митингов и прокламаций. В одной из них—«Ко всем гражданам»—она говорит: «Три года тому назад оно (царское правительство) пыталось кишиневской кровавой баней нанести смертельный удар еврейскому пролетариату. Теперь, когда пламя революции охватывает всю Россию,—оно готовит всероссийский Кишинев. Устами продажных попов и полицейского отребья оно травит революционеров, рабочих, интеллигентов, всех граждан, у кого не погибли еще честь и совесть. Оно избивает руками переодетых шпионов и дворников в Нижнем и Балашове. Оно обратило в арену жестокой гражданской войны злосчастный Кишинев. Оно готовит погромы в ряде других городов. Оно сеет реакционный ветер и пожнет революционную бурю. Силе надо противопоставить силу. На насилие надо ответить насилием. Готовьтесь к отпору хулиганским бандам... организовав отпор хулиганам, превратите его в организованное нападение и победу над хулиганами и правительством...»

С начала сентября наша организация стала готовиться к всеобщей политической забастовке, и поэтому, когда развернулась октябрьская борьба, мы были к ней подготовлены и провели ее с максимальным руководством и организованностью. При чем руководство наше распространялось также по всей линии Ряз.-Ур. жел. дороги. Из массы информационных листков и прокламаций, которые были выпущены в это время, приведу лишь три, относящиеся к началу октябрьской забастовки. В первой прокламации, обращаясь к рабочим, мы призывали:

«Товарищи! На улицах Москвы идет героическая борьба наших братьев-рабочих с сворой царских слуг. Наши братья требуют хлеба — их кормят свинцовыми пулями. Наши братья рвутся к свободе — их насаживают на стальные штыки. Мирные собрания рабочих беспощадно избиваются гнусными полчищами полицейских и казаков. Не стало сил терпеть больше. Долой правительство насильников! Долой палача самодержца! Да здравствует свобода! Да здравствует демократическая республика! Вот боевой клич, широкой волной прокатившийсц по всей России. Мирные забастовки московских типографщиков и пекарей вызвали кровавую расправу

со стороны правительства. На защиту московских рабочих поднялись железнодорожники. Остановились московский узел, Сызрань и Пенза. Товарищи! Дело московских рабочих—общее дело всего рабочего класса. На улицах Москвы льется наша рабочая кровь. Жертвы зовут нас на бой, на кровавый бой за свободу и лучшую долю».

Во второй прокламации наш комитет писал:

«Граждане, всеобщая забастовка все растет и растет. Стал весь Петербург, стала Сибирская жел. дорога, стал Златоуст, начались волнения в Ростове на/Д, Тифлисе и ряде других городов. В Петербурге генерал-губернатор Трепов — этот главный палач всей России — грозит восставшему народу массовыми расстрелами, призывает солдат «холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Продолжается всеобщая забастовка и у нас в городе. Поддерживать эту забастовку — долг каждого гражданина, которому дороги интересы свободы, дорого счастье народа: поддерживать личным участием, деньгами, всем, чем только возможно. На-ряду с этим долг каждого гражданина принять участие в завоевании права народных собраний. Нас разгоняют, нам не дают собираться. Мы должны, несмотря на запрещения, собираться везде, где только возможно: в думе, в земской управе, в школах и правительственных зданиях, театрах и ресторанах, чайных и пивных, заводах и мастерских. Завоевать право собраний, завоевать на деле, а не на бумаге—вот насущная задача наших дней. На это завоевание должны быть направлены все наши силы. Да здравствует забастовка! Да здравствуют свободные собрания народа!»

Эта прокламация была издана дня за два до манифеста 17 октября. Обращаясь «К солдатам», мы писали:

«Солдаты! Мы, саратовские рабочие, обращаемся к вам, солдатам, с братским словом призыва. В Саратове, и не только в Саратове, но и по всей России, вспыхнула всеобщая забастовка. Все рабочие, как один человек, бросили работу, все рабочие, как один человек, требуют свободы. Истомился народ в цепях неволи. Своры чиновников с царем во главе грабят безжалостно рабочий люд. Некуда стало податься ему от мучений. Не стало мочи терпеть. И вот народ поднялся против своих угнетателей, чтобы свергнуть их господство, чтобы добиться лучшей жизни. В ответ на справедливые требования народа царское правительство посылает на народ войско: солдат с ружьями и казаков с нагайками. Свистят пули, рекою льется народная кровь... Брат-солдат убивает брата-

рабочего. Солдаты! Вы такие же рабочие и крестьяне, как и мы, но только в солдатских мундирах. И вам не сладко живется, и над вами тяготеет гнет жестокий царя и его приспешников. И вот вас, таких же бесправных, как и мы, людей, начальство посылает усмирять нас, честных рабочих. Разве вы станете стрелять в нас, в своих братьев? Нет, солдаты! Вы не будете кровопийцами. На команду «стрелять» отвечайте отказом. С оружием в руках переходите на сторону восставшего народа. Долой правительство насилия! Долой шайку грабителей народа! Да здравствует народное правительство! Да здравствует союз восставшего народа с революционной армией!».

Организуя массы, работая на митингах, мы в то же время делали попытки выхода из подполья. С конца октября мы начали устраивать явочным порядком общие собрания своей организации, сохраняя в то же время основные свои учреждения в нелегальном положении. Даже «приобрели» легальную газету «Приволжский Край», которая стала органом местной организации. На одном из таких общих собраний был вырешен вопрос об организации в Саратове Совета рабочих депутатов. Через несколько дней после решения, как я уже об этом говорил, мы провели удачную кампанию выборов и создали почти на целый месяц «ячейку пролетарской власти».

Наибольшее напряжение организация пережила с началом декабрьской забастовки и попытками перевести забастовочное и митинговое движение в восстание. В наших руках в этот период было очень многое: Ряз.-Ур. жел. дорога, вся масса промышленных рабочих, все стачечные комитеты, Совет рабочих депутатов, значительные кадры служащих, в том числе на почте и телеграфе, а также на вокзале, до пятисот человек так или иначе вооруженных, наши крестьянские комитеты в деревне и т д. и т. п. Сама организация имела солидных по культурности работников, способных стать у власти и организовать «второй день революции». Единственно, чего нам нехватало, — это армии. Она, за исключением ничтожных сравнительно группок, осталась верной царизму и решила исход попытки к восстанию. [1]).

---

[1]) В. А. Миллер, один из крупных работников того времени, при просмотре этой работы, отметил существенную причину наших декабрьских неудач. По его мнению причина эта заключалась во взгляде организации на роль Саратова в общем движении: ему придавалось значение не ударного очага восстания, а подсобного, лишь оттяги-

Подводя итоги работы нашей организации за описываемый год, мы можем сказать, что достоинствами ее были: более или менее правильная структура, значительный удельный вес пролетарских элементов, квалифицированный состав руководящих органов, широкая организация и руководство всеми формами и организациями рабочего движения, а отчасти и крестьянского, проведение в основном резолюций III партс'езда, более или менее правильное решение многих вопросов еще до резолюции с'езда. К недостаткам ее относятся: обывательское товарищество, нечеткое размежевание между большевиками и меньшевиками, отклонение некоторых важных резолюций с'езда, как резолюции о профсоюзах и аграрной политике, провал идеи национализации, недостаточно продуманный охват всех форм рабочего и в особенности крестьянского движения, неправильный подход в агитации к солдатской массе (мы обращались к солдатам как к рабочим, упуская из виду, что большинство армии — крестьяне) и вообще недостаточное внимание к овладению воинскими частями. Были и другие, более мелкие недочеты, но они не влияли на общий тип и линию работы...

В заключение несколько слов о нашей технике и наших финансах.

Несмотря на частые провалы [1]), наша техника выполнила огромную работу. Мы имели не только издания на мимеографе, но и печатные. Последние производились в значительных количествах как в типографиях легальных, так и нелегальных. За год мы выпустили свыше двух миллионов экземпляров разных изданий. Тысяч триста было захвачено полицией, остальное достигло цели, распространившись в широких массах городского и деревенского населения. Литературное качество этих изданий тоже было довольно высоко, так как писанием их занимались наиболее политически развитые люди (Гольденберг, Дюбюк, Миллер и др.).

вающего на себя некоторые силы царского правительства. «После митингов, — говорил Миллер, — я чувствовал, что наша организация идет в хвосте стихийного настроения: масса требовала от нас действия, но мы не давали ей лозунгов действия, а ограничивались лозунгом поддержки».

[1]) Провалов с мимеографами было 7—8 случаев (по городу); наиболее крупный провал был в июле, когда провалилась хорошо оборудованная подпольная типография на Жандармской ул. в д. Безродновой. При провале погиб почти набранный № 1 нелегальной «Пролетарской Борьбы».

Что же касается финансов, то они складывались, во-первых, из членских взносов, во-вторых, из пожертвований и, в-третьих, от продажи легальных и нелегальных изданий (книг, брошюр, политических открыток и т. п.). Кроме того, приходилось делать займы. Вот некоторые данные, взятые из месячных отчетов нашего комитета: за июль поступило 242 р. 80 к.; за август — 238 р. 70 к.; за сентябрь — 196 р. 83 к.; за октябрь — 592 р. 50 к.; за ноябрь — 151 р. 15 к. и за декабрь — 266 р. 67 к. Сюда входили и сборы по особым «подписным листам» [1]).

Наибольший прилив средств за год был в начале революции, т.-е. в январе и феврале, и перед ее концом — в октябре и ноябре.

Резкое падение в декабре знаменовало поражение и отход от революционного, пролетарского движения имущих классов.

Красный год прошел.

* * *

Мы сделали все, что могли, для победы революции.

Многие из наших товарищей погибли.

Многие заплатили тяжкими ранами, долгим заключением в тюрьме и каторге, ручными и ножными кандалами, неизбывными нравственными страданиями, душевными болезнями и... разложением...

Красный год прошел. Прошли годы чудовищной реакции.

И наступил новый красный год — год пролетарского Октября.

И там, где лилась рабочая кровь поколений пятого года, рабочие поколения Октября воздвигли прекрасный памятник, возглавленный мощной фигурой победившего рабочего.

---

[1]) См. приложение № 8.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

ТРЕБОВАНИЯ САРАТОВСКИХ РАБОЧИХ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ, ПРЕД'ЯВЛЕННЫЕ В ПЕРИОД ЯНВАРСКОЙ ЗАБАСТОВКИ 1905 ГОДА, И ОТВЕТ НА НИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ.

(Составлено по сводкам фабричной инспекции, партийным прокламациям и местным газетам.)

В отдельных крупных предприятиях и у наиболее типичных групп рабочих требования имели следующий вид: А) Требования рабочих жел.-дор. мастерских: 1) 8-часовой рабочий день, 2) отмена сдельных работ и повышение поденной платы на 100%, 3) отмена сверхурочных работ, 4) отмена штрафов и обысков, 5) улучшение санитарных условий; введение электрического освещения; удаление отхожих мест от мастерских (сборного цеха); устранение сквозного ветра в токарной мастерской; исправление отопления; улучшение вентиляции, 6) выдача за все дни болезни сполна, 7) немедленная выдача пособия за увечье, 8) расширение школ для детей рабочих, 9) вежливое обращение со стороны администрации и мастеров, 10) увольнение монтера Берлиса, мастера сборного цеха Ивонина, пом. мастера токарного цеха Понятина, смещение начальника депо Бенешевича и табельщика Бойцова, 11) выдача платы за каждые две недели в рабочее время, 12) плата за царские дни, 13) пригласить женщин-врачей, 14) за командировку на линию слесарей для сопровождения паровозов производить уплату по расчету два дня за день, 15) столяров снабжать общественным инструментом, 16) чернорабочим увеличить жалованье на 50%, 17) за дни забастовки произвести уплату рабочим. Б) Требования ж.-д. машинистов: 1) приурочить к поездным и маневренным бригадам 8-часовой рабочий день, 2) отмена денежных штрафов, 3) введение электрич. освещения и улучшение санитарных условий, 4) выдача платы за все дни болезни и причитать плату из поверстных или суточных в размере 50% из среднего заработка, 5) до суда обеспечение в случае увечья в размере 50% месячного жалованья, 6) расширение школы для детей рабочих, 7) вежливое обращение со стороны администрации и служащих как в депо, так и станционных, 8) увольнение кочегара Герасимова, 9) иметь женщин-врачей и акушера, 10) общий месячный заработок для каждого пассажирского машиниста не менее 160 р., товарным — 120 р., маневренным —

80 р., а пом. машиниста — $^2/_3$ заработка машиниста и из этой суммы вычет за перерасход топлива быть не должен; исправляющие должность машиниста и помощников должны пользоваться правами как штатные, 11) введение правильных порядков старшинства, считая со сдачи экзамена, для имеющих ценз образования давать преимущество, 12) установить участие нас в обсуждении проступков наших товарищей, 13) причислить долгосрочных больных к разряду увечных. В) Требования рабочих Волжского сталелитейного завода: 1) введение 8-часового рабочего дня, 2) нормальной оплаты чернорабочего не ниже одного рубля, 3) отмена штрафов за прогульные дни не менее трех сряду, 4) отмена сверхурочных работ, в случае необходимости требуем считать час за два, 5) половинной платы во время болезни, 6) полной платы за пропуски в случае поранения или увечья по вине администрации, 7) внимательного отношения медицинского персонала к заболевшим рабочим, 8) вежливое обращение заводской администрации со всеми рабочими, 9) выработка правил, по которым администрация не могла бы увольнять рабочих без совещания с комиссией, выбранной из среды рабочих, 10) пропуск опоздавших, 11) ежедневного отчета по заводским делам перед комиссией рабочих, 12) устройство при заводе бесплатной школы, 13) устройство библиотеки, бесплатной и с допуском всех книг, 14) недопущение на ответственные работы лиц, не достигших 18 лет, 15) оставление всех участников забастовки, 16) уплата полностью за все дни забастовки, 17) улучшение санитарных условий: устройство вентиляции, исправного отопления, 18) упразднение всех единоличных подрядных работ, 19) бесплатная баня не менее 2 дней в неделю для всех рабочих и их семейств, 20) бесплатные квартиры или квартирные деньги не менее трех рублей в месяц, 21) повышение мастеровым заработной платы на 100%. В конце требований приписка: «до тех пор пока все эти требования не будут удовлетворены, мы будем давить вас всеобщими стачками». Г) Требования рабочих завода б. Гантке: 1) введение 8-часового рабочего дня, 2) повышение заработной платы на 100%, 3) безусловное уничтожение сдельной работы, 4) выдача жалованья за все дни забастовки сполна, 5) немедленная выдача пособия за увечье, 6) отмена детского труда до 15-летнего возраста, 7) выдача поденной платы за дни болезни до 3 месяцев и бесплатное лечение на средства завода, 8) образование на заводе особой комиссии, составленной из выбранных рабочих, для рассмотрения дел по столкновению рабочих с администрацией, 9) улучшение санитарных условий на заводе, 10) безусловно вежливое обращение администрации с рабочими, 11) за забастовку никого не увольнять, 12) устройство библиотеки при заводе за счет администрации, состоящей из всех произведений печати, 13) отмена штрафов, 14) улучшение гигиенических условий, 15) температура во всех цехах не менее 13°. Д) Требования рабочих типографий: 1) установление 8-часового рабочего дня, а в канун праздника 6-часового, 2) прибавка жалованья на 25%, 3) улучшение санитарных условий рабочих (приспособление помещений относительно света, температуры, чистоты и вентиляции), 4) сохранение полного со-

держания во время болезни, не принимая во внимание прослуженного времени; время получения содержания во время болезни определяется в два месяца, 5) каждая типография должна иметь своего доктора, который должен лечить как рабочего, так и его семейство, 6) отмена каких бы то ни было штрафов, 7) за прогульные дни вычитается с рабочего причитающаяся ему плата, 8) опоздание на 15 минут опозданием не считать, 9) вежливое обращение с рабочими как хозяев, так и старших мастеров, 10) удаление по представлению рабочих вредных элементов из их же среды, 11) учреждение комиссии из среды рабочих и администрации, которая бы разбирала недоразумения между рабочими и администрацией, 12) единовременную плату или пенсию во время увечья выдавать немедленно после медицинского освидетельствования, не оттягивать время волокитой по судам, 13) время получения жалованья считать два раза в месяц — 1 и 15 числа, перед пасхой — за несколько дней ранее; если случится в том надобность, перед рождеством по заявлению рабочих выдавать авансом ¼ жалованья, 14) все сверхурочные работы отменить, 15) уплата жалованья рабочим за все время забастовки, 16) администрация типографии не имеет права уволить рабочего за агитацию среди рабочих, хотя бы кто-нибудь и указал на такого рабочего, 17) просить администрацию возбудить в самом непродолжительном времени перед кем следует ходатайство о скорейшем введении государственного страхования рабочих; Е) Требования рабочих ремесленных предприятий: 1) уменьшение рабочего дня, 2) воспрещение в законодательном порядке жить подмастерьям (мужчинам и женщинам) при мастерских; то же воспрещение распространить на учеников и учениц, 3) увеличение заработной платы, 4) улучшение санитарных условий мастерских, 5) вежливое обращение хозяев, 6) уничтожение цеховых управ и учреждение общего ремесленного собрания, состоящего из депутатов от каждого ремесла, избранных общим, равным и тайным голосованием хозяев и рабочих, 7) учреждение общей ремесленной управы, состоящей из выборных лиц на общем ремесленном собрании, 8) учреждение ремесленного суда, состоящего из равного числа представителей от хозяев и рабочих, 9) введение ремесленных инспекторов и инспектрисс. Наконец, рабочие мельниц, кроме общих требований, выставили требование прекращения работы перед воскресеньем с 2 ч. дня и остановки работы по царским дням, а рабочие табачной фабрики Штаф настаивали на уплате полного заработка в течение одного месяца беременным. Под напором рабочих предприниматели пошли на уступки. Размер их определялся организованностью рабочих и невыгодностью или опасностью длительной остановки предприятия для предпринимателей. Первым пошло на уступки управление Ряз.-Ур. жел. дороги, так как оно несло значительные убытки по приостановке работ в депо и мастерских и по приостановке местного товарного движения. Кроме того, оно боялось, что угроза рабочих (и служащих) остановить движение до Москвы будет, в случае неудовлетворения требований, осуществлена. Если бы администрация могла предвидеть, что ее уступка рабочим (и служащим) Саратовского узла воодушевит на борьбу не только рабочих и служащих

по линии всей дороги, но и других дорог страны, то, конечно, администрация выступила бы против забастовщиков самым решительным образом. Но тогда это было неизвестно, а реальный ближайший «вред» бил больно по карману. Поэтому управляющий дорогой Кандауров согласился на установление 9-часового рабочего дня, а для машинистов — на три смены, на отмену штрафов и обысков (у ворот), при чем рабочие уведомлялись, что будут выработаны особые правила участия рабочих в охране ж.-д. имущества; на отмену сверхурочных работ, в случаях же исключительных они будут применяться лишь с согласия рабочих, оставляемых для работы, на выплату заработка два раза в месяц и в рабочее время. Кроме того, было обещано увеличить чернорабочим жалованье с 50 к. до 60 к., командированным на линию слесарям выплачивать двойную поденную плату, выплачивать за царские дни как за праздничные (при чем последние оплачивать 1½ ч. за час), выплатить за дни забастовки, при условии начала работ в установленный срок. По вопросу о вежливом отношении — «таковое вменено в обязанность». Против требования машинистов об увеличении заработной платы было отмечено — «будет сделано представление в правление об увеличении поверстных денег на однопутных участках за первые 2.000 в. каждого месяца: для машинистов — с 15 р. до 18 р., а для пом. машинистов — с 7 р. 50 к. до 9 р. за каждые 1.000 в. и с оставлением за дальнейший пробег сверх 2.000 в. прежней поверстной платы; что же касается маневренных бригад, то в связи с введением трехсменных дежурств устанавливается плата в размере — машинисту 1 р. 60 к., а пом. маш. — 80 к. за каждое двенадцатичасовое дежурство».

Заводоуправление Беринга согласилось прибавить 10 к. чернорабочим-литейщикам, выработать в двухнедельный срок общие расценочные табели, допускать рабочих, ожидающих начала работы, в теплое помещение, своевременно и аккуратно выплачивать заработную плату.

Правление завода б. Гантке заявило, что оно согласно установить для денной смены 10-часовой раб. день, а для ночной — 9-часовой, при чем почасовая оплата поденных рабочих будет увеличена настолько, чтобы при уменьшенном числе рабочих часов заработок рабочих не уменьшился; затем дано согласие на отмену детского труда, на лечение за счет завода рабочих и их семей, на отмену денежных штрафов, на устройство библиотеки с ассигнованием от завода 100 р. В заключение давалось обещание, что «никто из рабочих уволен не будет».

Администрация Волжского сталелитейного завода обещала: за сверхурочные работы уплачивать полуторную плату, при чем за вещи, испорченные не по вине литейщика, будет уплачиваться, принять во внимание все замечания рабочих при пересмотре правил внутреннего распорядка, улучшить санитарные условия, «если это не будет соединено с большими затратами», устроить библиотеку с ассигнованием от завода 100 р., никого не увольнять за забастовку.

Владельцы типографий, по соглашению с рабочими, вынесли следующее решение: 1) признать настоящее положение рабочих в саратовских типографиях требующим улучшения, 2) единогласно принято

установление 9-часового рабочего дня вместо существующего 10-часового, 3) для рабочих и поурочно плата увеличивается на 10%, за ночные газетные дежурства также прибавляется 10%, при чем за набор ночных телеграмм полагается плата по обычной расценке, 4) относительно санитарных условий помещений строго руководствоваться как существующими законами, так и обязательными постановлениями городской думы, 5) выдавать заболевшим и лишившимся вследствие этого трудоспособности рабочим жалованье в половинном размере и не более как в течение двух месяцев, требуя медицинское свидетельство, удостоверяющее болезнь, 6) вопрос об организации медицинской помощи, т.-е. о враче, оставить открытым впредь до выяснения условий, при которых возможно будет осуществить это требование, 7) относительно штрафов постановлено сохранить предусмотренные законом штрафы, 8) отклонить требование об отмене взысканий за опоздание, 9) принять вежливое обращение как хозяев и заведующих, так и старших рабочих со всеми рабочими, 10) отклонить требование об увольнении тех рабочих, которые по мнению рабочих нетерпимы в их среде, как «вредный элемент», 11) создание паритетной конфликтной комиссии отклонить, 12) жалованье выдается в ближайшую субботу после 1-го и 15-го, а перед пасхой — в четверг на страстной неделе; перед рождеством выдается аванс в размере $^1/_4$ месячного жалованья, 13) по вопросу о сверхурочных работах придерживаться существующих узаконений, 14) в субботу работы прекращать на час раньше, а в те субботы, когда будет выдаваться жалованье, — на два часа раньше круглый год, 15) этот договор считается обязательным для обеих сторон только в том случае, если на работу явится не менее $^3/_4$ всего состава рабочих каждого заведения.

Владельцы мельниц и лесопильных рабочих требований своих рабочих не удовлетворили. Таким образом свыше 65% всех рабочих в той или иной степени добились уступок со стороны предпринимателей.

Частичная победа, неудовлетворение ряда существенных требований победивших рабочих, отказ в требованиях для остальных рабочих, — все это создало базу для новой забастовочной волны, которая и началась в первой половине февраля.

Приложение 2.

ТРЕБОВАНИЯ САРАТОВСКИХ РАБОЧИХ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ ЗАБАСТОВКИ.

(Составлено по сводкам фабричной инспекции, партийным прокламациям и местным газетам.)

Требования рабочих представлялись обычно через избранных делегатов и имели следующее содержание: А) Рабочие мельниц требовали: 1) установления трех смен по 8 часов, при трех комплектах рабочих, 2) установления 8-часового рабочего дня для денных рабочих, 3) повышения заработной платы: а) рабочим в мельнице —

до 20 руб., б) дневным — до 25 руб., в) масленщикам — до 25 руб., г) разборщикам до 35 руб., д) засыпщикам младшим — до 35 руб., е) выбойщикам месячным — до 28 руб. и сдельным — повышение расценка на 25%, ж) тяжелоразгонным — до 28 руб., з) легкоразгонным — до 20 руб., и) столярам месячным до 30 руб., а поденным не менее 1 р. 50 к., к) слесарям месячным до 35 р., а поденным не менее 1 р. 50 к., л) ученикам и мальчикам до 13 руб., м) поденным рабочим не менее 1 руб.; 4) полной платы во время болезни, 5) полной платы во время болезни от увечья, 6) лечения за счет хозяина, 7) полной платы за те дни, когда рабочий не может явиться на работу по особо важным домашним обстоятельствам, 8) отмены штрафов и обысков и вежливого обращения с рабочими, 9) закрытия для работы мельниц с 6 ч. вечера в субботу до 6 ч. утра понедельника; то же самое в двунадесятые праздники, при чем работы должны прекращаться в 10 ч. утра в пятницу на страстной неделе и возобновляться в 6 ч. у. в среду на пасхальной неделе, 10) производства сверхурочных работ лишь с согласия рабочих, а равно и установления за такие работы платы по соглашению с рабочими, 11) запрещения увольнять рабочих старшим без согласия остальных рабочих, 12) неувольнения за забастовку, 13) выдачи полной платы за все дни забастовки. Б) Рабочие ж.-д. мастерских и депо требовали: 1) 8-часового рабочего дня, 2) повышения поденной платы всем без исключения рабочим и чернорабочим на 20 к. в день, 3) повышения сдельной платы на 20%, т.-е. по такому расчету, чтобы денной заработок был не ниже 70 к. и не выше 1 руб., 4) ежегодного повышения заработной платы на 10 к. всем получающим менее 1 руб. в день; получающим же более рубля повысить плату по усмотрению комиссии из рабочих, 5) учреждения постоянной комиссии из рабочих для рассмотрения и улаживания недоразумений между администрацией и рабочими, 6) немедленного удаления некоторых служащих, 7) перечисления в штат нештатных помощников мастеров и табельщиков, 8) устройства при мастерских больницы для мастеровых и их семейств; обязать врачей принимать больных с 9 ч. у. ввиду утомительного ожидания приема до 4 ч., 9) устройства за счет дороги общего здания для собраний мастеровых, 10) немедленного выполнения старых обещаний — удвоить командировочную плату, улучшить санитарные условия и пр., 11) уплаты жалованья за все время стачки. В) Рабочие Волжского сталелитейного завода требовали: 1) 8-часового рабочего дня, 2) увеличения поденной заработной платы на 40%, 3) отмены сверхурочных, а в случае необходимости — считать 1 ч. за 2 ч., 4) окончания работ перед праздниками в 2 ч. дня, 5) уплаты сполна за все забастовки, как за январскую, так и за настоящую, 6) введения расценка 1-й мартеновской печи — 1902 г., 3-й мартеновской печи — 1904 г.; остальных цехов: чугунолитейного — 1900 г., прокатного — 1903 г., сталелитейного — 1903 г., механического — 40%, мельницы — 1903 г.; канавным рабочим — 1903 г., подвозчикам — 1902 г., 7) внимательного отношения медицинского персонала к рабочим и их семьям, 8) отмены штрафов, 9) отмены единичных подрядных работ, 10) полной поденной платы во время увечья рабочего, 11) учреждения

смешанной комиссии для разбора недоразумений между рабочими и хозяевами, 12) устройства вентиляции в чугунолитейной, 13) полной поденной платы во время болезни. Г) Рабочие завода б. Гантке требовали: 1) увеличения расценка на многие сорта изделий на 20%, 2) отмены труда подростков до 16 лет, 3) учреждения комиссии из выборных рабочих для урегулирования недоразумений между хозяевами и рабочими, 4) немедленной уплаты следуемой за увечье суммы, 5) полной платы за время болезни в течение 3 месяцев, 6) уничтожения почасовой оплаты и замены ее поденной, при чем за канун праздника и каждую ночную смену платить как за полный день, 7) санитарного улучшения мастерских и устройства вентиляции во всем заводе, 8) устройства купальни, 9) установления минимальной платы чернорабочему в 1 р., 10) принятия по возвращении со службы призванных и притом на то же место; если это будет невозможно, то на другое место, но с сохранением прежнего заработка. Д) Рабочие лесопильных заводов требовали: 1) установления 8-часового рабочего времени при трех сменах, 2) увеличения заработной платы: а) рамщикам — с 30 — 35 р. до 40 р. в месяц, б) пом. рамщика — с 20 — 25 р. до 30 р., в) масленщикам — до 25 р., г) пилоправам — от 35 до 40 р., д) поденным рабочим — не ниже 1 р. 50 к., 3) уплаты за сверхурочные работы двойного жалованья, 4) бесплатной медицинской помощи, 5) уплаты жалованья за время болезни, 6) неувольнения рабочего без согласия остальных рабочих, 7) уничтожения штрафов, 8) вежливого обращения, 9) выдачи прослужившим более года при увольнении месячного жалованья, 10) окончания работ накануне праздников в 2 ч. дня. Е) Рабочие маслобойных заводов просили: 1) увеличить заработную плату с 3 р. в месяц до 6 р., а в летние месяцы до 15 р., 2) оказывать медицинскую помощь за счет хозяев, 3) рассчитывать лишь в случае приостановки работ на срок не менее недели, 4) кончать работу перед праздниками в 6 ч. вечера, а возобновлять в 6 ч. утра в понедельник, 5) установить в расчетных книжках месячную плату вместо недельной и поденной, 6) отменить побочные бесплатные работы на хозяина, 7) улучшить в санитарном отношении помещения, 8) улучшить харч с выдачею в скоромные дни по 1 ф. мяса на человека и доброкачественного хлеба.

Приложение 3.

ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ.

Цель организации — сделать каждого учащегося политически сознательным человеком. Для этого необходимо: 1) организовать регулярную доставку нелегальной литературы при помощи устройства нелегальных библиотек, 2) организовать периодические вечеринки учащихся с чтением рефератов, 3) ознакомлять учащихся особыми листовками о главных событиях общественной жизни, в особенности о революционном движении учащихся, для чего установить во всех

городах своих корреспондентов, 4) издавать брошюры и книги, 5) организовать кружки самообразования, 6) организовать кассу взаимопомощи. Членский взнос — 10 коп.

---

1) Высшим органом организации учащихся является комитет, который руководит всеми действиями и контролирует их.

2) Комитет состоит из представителей от всех учебных заведений (по возможности) по 2 человека или менее.

3) Комитет имеет право кооптации.

4) Вопросы решаются простым большинством голосов.

5) Организация составляется комитетом из представителей от всех учебных заведений по одному от каждого класса.

6) Организация созывает комитет для решения дел, касающихся всех учащихся.

7) Вопросы решаются $^2/_3$ голосов.

Приложение 4.

ПРОГРАММА ДЛЯ ЗАНЯТИЙ С КРЕСТЬЯНАМИ.

Первая лекция.

I. Экономическое положение крестьянства.

1) Кабальная зависимость от помещиков (вздутые арендные цены на землю, испольная и отработочная аренда, низкая заработная плата). 2) Разорение крестьянства и его причины: а) освобождение крестьян от «отрезков», б) государственные наделы, в) чересполосица, г) наложение на землю выкупа, д) податной гнет, прямые и косвенные налоги, е) финансовая политика пр-ва (таможенный протекционизм, винная монополия), ж) остатки натурального хозяйства. Натуральные и церковные повинности.

II. Правовое положение крестьянства.

1) Сословная обособленность (отсутствие свободы передвижения, паспортная система, круговая порука и телесное наказание в качестве гарантий исправного поступления платежей), в интересах помещиков — волостной суд, опека земских начальников; в интересах затемнения народного сознания — урезанные школьные программы и библиотечные каталоги. 2) Положение крестьян, как русских граждан (отсутствие свободы вероисповеданий, слова, печати, собраний, союзов, стачек и пр.

III. Характерные черты самодержавного строя.

1) Царская власть и бюрократизм, 2) управление сверху, 3) служение интересам реакции, 4) бесконтрольность, 5) произвол, грабеж, взяточничество, 6) милитаризм и военные авантюры, 7). самодержавие как организация борьбы с народом (армия, флот, чиновная бюрократия, жандармерия и полиция, черная армия (попы, сыщики, хулиганы), 8) внутренняя политика самодержавия: а) репрессии — аресты, ссылки,

смертная казнь и экзекуции, военное положение и солдатские постои, цензура и контрибуция, б) натравливание темной массы на инородцев, интеллигенцию, рабочих, в) «зубатовщина» — заигрывание с либералами, рабочими и пр.

IV. Необходимость участия народа в управлении страной.

Формы участия: единая палата народных представителей. Всеобщее, прямое, равное и тайное голосование. Учредительное собрание и демократическая республика. Свобода слова, печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности и жилища — как условия правильных выборов, как средство борьбы за улучшение своего положения и контроля над пр-вом и парламентом.

V. Борьба городских рабочих за свободу; ее история, формы и цель.

Рабочий класс кровно заинтересован в осуществлении демократического строя. Борьба городской буржуазии, ее возникновение, история и цель. Либеральная буржуазия — ненадежный союзник в борьбе за демократию (способность входить в сделки с правительством). Буржуазия — общий враг рабочих и крестьянской бедноты. Необходимость союза крестьян вместе с рабочими.

Вторая лекция.

I. Классовая борьба в городе.

Капиталисты и рабочие, противоположность их интересов, экономическая борьба этих классов и борьба за политическую власть. Организация рабочего класса в политическую партию для захвата политической власти с целью социалистической перестройки общества.

II. Экономическое и политическое значение класса помещиков.

Близость их интересов к интересам городских капиталистов (эксплоатация наемного труда, борьба с демократией). Богатое крестьянство, близость его интересов к интересам помещиков. Малоимущее пролетарское крестьянство, совпадение его интересов с интересами городского пролетариата. Среднее крестьянство, необеспеченность его положения (неурожаи, эпидемии, конкуренция на рынке, отсутствие капитала, усиленная работа, плохое питание, урезывание потребностей, безвыходность его положения, средний крестьянин — кандидат в пролетарии. Борьба партий на Западе из-за влияния на среднее крестьянство.

III. Попытки улучшить положение крестьян.

Либеральные потуги: банки, мелиорации, травосеяние и агрономия, ветеринария и артели, выкуп части помещичьих земель. Цель этих по-

туг — привлечь на свою сторону крестьянство, создать внутренний рынок, прикрепить крестьян к помещичьей земле. Проекты соц.-революционеров: национализация и социализация земли. Утопичность их попыток частичного осуществления социализма и как попыток улучшить экономическое положение крестьян (обнищание крестьян при наделении их землею по трудовому принципу. Рост дифференциации как результат разницы в средствах производства, свойствах почвы, условий рынка и пр.). Единственное средство уничтожить эксплоатацию и неравенство — социализм, т.-е. обобществление средств производства и организация равномерного распределения продуктов. Соц.-демократия не посягает на мелко-крестьянскую земельную собственность. Возможность существования мелкой собственности в социалистическом строе. Добровольный переход мелких крестьян к коллективному производству. Всемирная соц.-демократия — носительница идеи социалистического переворота. Диктатура пролетариата — преддверие в социальное общество.

Третья лекция.

Аграрная программа нашей Соц.-Дем. Раб. Партии.

Борьба с остатками крепостнической кабалы. Организация с этой целью крестьянских революционных комитетов. Требования соц.-дем.: возвращение крестьянам кабальных земель и выкупных платежей, конфискация удельных, казенных, кабинетских и пр. земель для создания культурного фонда, отмена выкупных платежей и всяких других, ложащихся на крестьянство, как на податное сословие. Регуляция арендных отношений. Средства борьбы: стачки арендаторов, бойкот, демонстрации. Нецелесообразность единичного террора. Необходимость массовой борьбы на два фронта: с помещиками и правительством. Организация податных и военных стачек. Изгнание властей. Подготовка вооруженного восстания.

Революционный союз города и деревни.

Издание Саратовского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, 1905 год.

Приложение 5.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

ПРОГРАММА ДЛЯ ЗАНЯТИЙ С КРЕСТЬЯНСКИМИ КРУЖКАМИ.

Лекция I.

9-е января 1905 года и общий обзор событий последнего времени, связь этих событий с общим ненормальным экономическим (обнищание народных масс, финансовая и податная системы, косвенные налоги) и политическим (самодержавие, сословный строй, правовое положение на-

рода) состоянием страны. Война на Дальнем Востоке, ее причины — авантюристская политика правительства, ее цель — укрепление самодержавия путем отвлечения внимания страны от внутренней политики на внешнюю. Влияние войны на экономическое и политическое положение страны. Ближайшая цель рабочего движения в России — политическое освобождение.

Российская Соц.-Демократическая Рабочая Партия — единый истинный вождь народа в борьбе за политическое освобождение.

Лекция II.

История освобождения крестьян. Значительность по количеству и важность для хозяйства отрезанных у крестьян земель. Насколько освобождение действительно раскрепостило крестьян. Экономическое и социальное положение крестьян в настоящее время (крепостнические формы): эксплоатация — испольная аренда, отработочная аренда, краткосрочная денежная аренда, зимняя кабальная наемка. Сословное положение крестьян (крестьянство как податное сословие, выкупные платежи, мирские и волостные сборы). Правовое положение крестьян (волостные суды), стеснение переселений, общинный строй как тормоз для экономического развития деревни, переделы, общее обнищание деревни, голодовки, эпидемии.

Лекция III.

Характеристика и критика современного политического строя в России (образ правления, законодательство, сословный строй, финансовая и податная политика). Правовое положение (суды при закрытых дверях, без присяжных, политические, религиозные и административные суды). Положение печати. Цензура. Развитие капитализма в России и освобождение крестьян. Необходимость политической свободы. История борьбы за политическую свободу в России (декабристы, «Земля и воля», «Народная воля», зарождение массового рабочего движения. Северно-русский и Южно-русский рабочие союзы. Стихийное бунтарское движение. Экономизм. Политико-экономическая борьба. Российская Соц.-Дем. Раб. Партия — вождь рабочих в их борьбе).

Лекция IV.

Аграрная программа РСДРП. Ее связь с общей программой. Отношение с.-д. к захвату земель. Две стороны в этой форме борьбы: прогрессивная — захват земель, стоящих на пути к экономическому развитию деревни (выгоны, водопои, отрезки земли в краткосрочно-отработочной аренде), и политически реакционное стремление созданием мелкой частной собственности задержать общий ход экономического развития. Неосуществимость срочного передела. Программа соц.-рев., ее авантюристский характер. Вопрос о национализации земель. Возможность осуществления аграрной программы РСДРП только в связи с политической революцией. Как бороться до революции?

Лекция V.

Рабочий класс — единственный последовательный борец за демократический государственный строй. Что такое демократическая республика? Характеристика политического строя в других странах (Англии, Швейцарии, Австрии, Канаде, Новой Зеландии). Пролетариат и крестьянство. Необходимость совместной борьбы за политическую свободу. Обзор революций и крестьянских восстаний. Отношение соц.-дем. к аграрному террору.

Пособия:

К лекциям I и II.

Джаншиев — Эпоха великих реформ.
Ленин — Аграрная программа («Заря», № 4, или брошюра «Проект программы РСДРП»).
Изд. Стаховича и Львова — Нужды деревни, т. I и II.
Прокопович — Местные люди и нужды России.

К лекции III.

Коркунов — Государственное право.
Ильин — Развитие капитализма в России.
Тун — История революционного движения в России.
Пыпин — Общественное движение при Александре I.
Бурцев — За 100 лет.
Степняк — Подпольная Россия.
Мартов — Рабочее дело — красное знамя.
Петербуржец — Рабочее движение в СПБ. в 90-х годах. Программа РСДРП.

К лекции IV.

Каутский — Аграрный вопрос.
Ленин — Аграрная программа.
Ленин — К деревенской бедноте.
Изд. «Искры» — Революционный авантюризм («Искра», №№ 22, 23, 34, 35 и др.).
«Революционная Россия», № 8 («От крестьян. союза ПСР»).

К лекции V.

Каутский — Эрфуртская программа.
Е. Смирнова — Государ. строй и полит. партии Западной Европы, Соед. Штатов.
Мижуев — Крестьянское царство.
Мижуев — Передовая демократия современного мира.
Г. Уокер — Развитие австралийской демократии.

В. Б. — На рубеже XIX столетия.
С. Лозинский — История Второй французской республики.
Степанов и Базаров — Очерки истории Германии в XIX в.

Саратовский Комитет РСДРП.

Саратов.
Ноябрь, 1905 г.

Изд. Ком. Соц.-Дем. Орг. техников.

Приложение 6.

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА.

От 25/V 1905 г.

Уважаемые товарищи!

III парт. с'езд обязал нас, как ЦК, так и другие организации, возможно полнее осведомлять друг друга. ЦК имел общее собрание, на котором принял ряд постановлений, из которых — исключительно по конспиративным соображениям — мы можем сообщить вам лишь некоторые: 1) приняты меры по вопросам техники и транспорта, 2) поручено организовать в России литературную группу для издания периодических листков ЦК и брошюрной литературы, 3) назначены на случай провала кандидаты в ЦК. ЦК поставил себе главнейшей задачей полит. руководство деятельностью партии. С этой целью ЦК будет издавать еженедельный ЦО, а также периодический листок в России, посылать по комитетам проекты листовок общеполитического содержания и организует группу раз'ездных агитаторов и пропагандистов. Конечно, удовлетворительное разрешение этих сложных задач требует прежде всего наличности опытных партработников и большого количества средств. ЦК выяснил уже отчасти нужды комитетов. Движение страшно растет, повсюду нехватает людей; почти все комитеты требуют опытных агитаторов, опытных организаторов и пропагандистов. Тут главнейшее внимание придется обратить на целесообразную комбинацию имеющихся налицо лиц. Опытных работников не так много в партии и вырабатываются они не так скоро. Правда, литераторы, организаторы и пропагандисты из молодежи имеются в распоряжении ЦК в довольно значительном количестве, но большинству их придется еще поработать под руководством более опытных товарищей. Нигде нет даже пропагандистских библиотек, нужна агитационная литература для крестьян. ЦК придется обратить особое внимание на переиздание популярных брошюр, так как в настоящее время благодаря захвату партийного имущества меньшевиками почти все склады пусты. Затем ряд комитетов просит денежной помощи и помощи по устройству техники. Удовлетворить хоть отчасти всем этим запросам ЦК сможет лишь в том случае, если все парторганизации будут содействовать ему. Будем вместе с ним работать над созданием партийного центра, над организацией партии. Надеемся на вашу помощь, товарищи.

Приложение 7.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

ЕДИНЕНИЕ ЦАРЯ С НАРОДОМ.

Как раз к годовщине 9 января, когда петербургские рабочие своей кровью запечатлели начало революции в России и свою решительность биться за ее победу, как раз к годовщине этого великого дня царь собирается созвать самым грубым образом подделанное, через полицейские сита просеянное собрание помещиков, капиталистов, ничтожного числа богатых и холопствующих перед начальством крестьян. С этим собранием царь намерен совещаться как с собранием представителей «народа». А весь рабочий класс, все миллионы трудящихся и не имеющих своего домохозяйства не допускаются ни к какому участию в выборах «народных представителей».

Пока рабочий класс не вооружится и не победит царское правительство, нельзя и ждать ничего иного, кроме этой ничего не стоящей царю и ни к чему его не обязывающей подачки крупной буржуазии.

Есть изречение: не тронь — завоняет. Когда читаешь манифест 6 августа и закон о Государственной Думе, чувствуешь себя так, как будто бы под носом у тебя начали разворачивать накопившуюся с незапамятных времен груду нечистот.

Самодержавие целые века угнетало народ, забивало его, держало в темноте и бесправии. Целые века оно нагло и лицемерно обманывало его, разглашая во всеуслышание, что самодержавная власть стоит выше всех сословий и классов народа, что царь печется и радеет о выгоде, и пользе всего народа. Ученые прислужники царской власти, продажные писаки ни сил не жалели, ни чернил, чтобы извещать и проповедывать «единение царя с народом».

И вот мы дождались этого «единения» на деле. И что же оказывается? Оказывается, что «единение царя с народом» возможно только при посредстве армии чиновников и полицейских, оберегающих прочность надетого на народ намордника. Для «единения» нужно, чтобы народ не смел разинуть рта; «народом» царское правительство считает только помещиков и капиталистов, допускаемых к двухстепенным выборам. Крестьяне-домохозяева считаются народом лишь будучи просеяны 4-степенными выборами под надзором предводителей дворянства, земских начальников и чинов полиции. Сначала домохозяева выбирают уполномоченных на волостные сходы. Волостные сходы выбирают депутатов от волостей, по два от схода. Эти волостные депутаты избирают губернских выборщиков. Наконец, эти выборщики от крестьян вместе с губернскими выборщиками от помещиков и капиталистов выбирают членов Государственной Думы. В общем числе губернских выборщиков крестьяне почти везде составляют меньшинство. Им обеспечено по выбору только один член Государственной

Думы от каждой губернии обязательно из среды крестьян же, т.-е. 51 место из 412 (в 51 губернии Европейской России).

Весь городской рабочий класс, вся деревенская беднота, батраки, бездомные крестьяне вовсе не участвуют ни в каких выборах.

Единение царя с народом, таким образом, есть единение царя с помещиками и капиталистами с добавлением горстки богатых крестьян и с подчинением всех выборов строжайшему надзору полиции. Нет и в помине свободы слова, печати, собраний, союзов, без которых выборы — чистейшая комедия.

Мало того. Государственная Дума не имеет ровно никаких прав. Все ее решения идут в Государственный Совет на просмотр и одобрение царских чиновников. Это — только игрушечная пристроечка к чиновничьему и полицейскому зданию. На заседания Государственной Думы публика не допускается. Отчеты о заседаниях печатаются в газетах только тогда, когда заседания не об'явлены закрытыми.

Словом, новая Государственная Дума — это все тот же российский полицейский участок в расширенном виде. Богатый помещик и фабрикант, изредка богатый крестьянин допускаются в «совещания», в «открытые» заседания полицейского участка. Они всегда имеют право повергнуть свои мнения на «благовоззрение государя-императора, то бишь, околодочного надзирателя. А «черный люд», рабочие городские и деревенская голь, разумеется, ни на какие «совещания» никогда не допускаются.

Словом, Государственная Дума — самое наглое издевательство над народным представительством.

Наши либералы, ходившие к царю на поклон, оказываются еще раз одураченными. Они рассчитывали на конституцию, а им запретили теперь всякую агитацию по поводу «пожалования» этой ублюдочной булыгинской конституции.

Более того: продавшийся правительству газетный развратник Шарапов в своей газетке «Русское Дело» (читай «царское дело») прямо советует запасти правительству в том дворце, где будет заседать Дума, казаков. Представители народа должны говорить и действовать так, как хочет царь. Иначе казаки разгонят Думу. Иначе — членов Думы можно посадить в кутузку и без казаков даже еще до того, как они попали в Думу. 6 августа вышел манифест. 7 августа один из вождей либералов — проф. Милюков — и десяток его товарищей арестованы за участие в Союзе Союзов. Двери Думы для них легко будет закрыть: стоит об'явить их «привлеченными к следствию или суду».

Все эти аресты ясно вскрывают все значение Государственной Думы — этой пошлой балаганной комедии гибнущего царизма. Но их не видят и не замечают наши либералы: они не прочь, они готовы пойти в Государственную Думу, чтобы там заняться торгашеством с царским правительством, чтобы свалить с плеч богатеев и взвалить целиком на плечи рабочих и крестьян всю тяжесть расплаты за войну и грабительскую политику самодержавия. Они, защитники интересов буржуазии, не видят, что цена всяким законам о выборах — медный грош, пока нет фактически (на деле) завоеванного самодержавия на-

рода: полной свободы слова, печати, собраний, союзов, пока нет вооружения граждан, способного обеспечить неприкосновенность личности.

Только вооруженный народ, сорганизованный в революционную армию, привлекший на свою сторону все живое и честное из армии царя, победивший царские силы и заменивший царское самодержавное правительство Временным Революционным Правительством, обеспечит на деле свободу выборов и полноту власти учредительного собрания.

Рабочий класс исключен из выборов в Думу. Рабочему классу собственно нечего бойкотировать (не участвовать) Думу, ибо эта царская Дума сама бойкотирует рабочий класс. Но пролетариат должен активно выступить против Думы, разоблачая эту жалкую комедию выборного представительства, готовясь к вооруженному восстанию, поддерживая ту часть буржуазной демократии, которая склоняется не к торгашеству, а к революционному образу действий, к бойкоту Думы, к усиленной агитации в народе для протеста против этой Думы.

На учреждение общипанной Государственной Думы все честные граждане, весь рабочий класс должен ответить мощными, по всей стране организованными, протестами: устройством народных собраний с революционными речами, открытыми демонстрациями, политическими забастовками. По всей стране должен пролететь громовой призыв к вооруженному восстанию, к организации дружин и отрядов революционной армии, к свержению царской власти и учреждению Временного Революционного Правительства для созыва всенародного учредительного собрания.

Надо готовиться к восстанию, готовиться со всей той серьезностью и строгой ответственностью, какая требуется этой важной насущной задачей. Надо готовиться и не забывать в то же время, что вообще революционному пролетариату выгодно теперь отдалить несколько момент восстания. Вооружение рабочих подвигается постепенно вперед, настроение войска становится все ненадежнее.

Преждевременные попытки восстания могут принести громадный вред при таком положении дел.

Но когда пролетариат приготовится к восстанию, тогда, сорганизованный и вооруженный, он смело и решительно ринется в бой за свободу во главе народных масс.

Тогда сгинет навеки проклятое самодержавие. На его развалинах подымется Временное Революционное Правительство. Оно задавит в корне все попытки самодержавия подняться. Оно введет 8-час. рабочий день для всех рабочих. Оно создаст революционный крестьянский комитет для возвращения земли крестьянам. Оно утвердит равноправность, свободу всех национальностей. Оно вооружит всех граждан и разоружит войско. Оно созовет, наконец, всенародное учредительное собрание для учреждения действительно свободной Российской Республики.

Издание Саратовского Комитета РСДРП.

Типография Комитета, 24 сентября 1905 года.

Приложение 8.

ФОРМА ПОДПИСНОГО ЛИСТА.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Ко всем гражданам.

Россия стоит на пороге великих событий. Все глубже и глубже в народных недрах вырастает сознание о необходимости и неизбежности коренного переустройства наших государственных основ. Пламя революционного пожара разрастается все шире и грознее, охватывает уже весь горизонт нашей общественной жизни. Близится роковой час последнего народного суда над варварством средневековья. Перед родиной встает необычайно важная задача — создать Временное Революционное Правительство для ликвидации режима царей. Но Временное Правительство будет и может быть сильным только тогда, когда вооруженный народ явится его непоколебимой основой, могущей отразить натиски всяческой реакции. Для народа нужно оружие. Для оружия — деньги. К вам, недовольным существующим строем гражданам, обращаемся мы с призывом: «несите нам деньги, жертвуйте оружие».

Подписной лист № 8.

Печать Комитета.

. . . . . .

№ 1. Свободин . . . . . 1 р.
и т. д.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1927 год

НА ЖУРНАЛ

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ежемесячный орган Истпарта ЦК ВКП (б)

„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ"

посвящен изучению
истории Октябрьской революции и ВКП (б)

История революционного движения
Работа партийного подполья
Гражданская война
Борьба с контр-революцией
Текущие вопросы партийной жизни
Новая литература
Партийная хроника

все это находит освещение на страницах лучшего
▫ историко-революционного журнала ▫
„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ"

Губкомы, укомы, ячейки ВКП (б), клубы, библиотеки, читальни, редакции газет, профорганизации, все партийцы и комсомольцы интересующиеся историей партии состоят подписчиками журнала **„Пролетарская Революция".**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год — **12** р., на 6 мес. — **6** р. **60** к., на 3 мес. — **3** р. **60** к.

Для годовых подписчиков допускается рассрочка: при подписке—**7** р., остальные **5** р. не позднее 1-VI 1927 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП в апреле 1917 г. Протоколы заседаний. (Истпарт). Стр. 175. Ц. 85 к.
2. **Раскольников, Ф. Ф.** Кронштадт и Питер в 1917 г. (Истпарт). Стр. 280. Ц. 2 р.
3. **Антонов-Саратовский, В. П.** Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 до 1918 года (Истпарт). Стр. 310. Ц. 2 р.
4. **Бош, Евг.** Год борьбы. (Борьба за власть на Украине.) (Истпарт). Стр. 271. Ц. 1 р. 80 к.
5. Борьба за Урал и Сибирь. (Истпарт). Стр. 388+4 схемы. Ц. 3 р.

Эти приложения **вместо 9 р. 65 к. за 5 рублей** могут получить **только годовые подписчики журнала „Пролетарская Революция"**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Отделом Периодических и Подписных изданий Торгсектора Госиздата — Москва, Воздвиженка, 10/2, магазинами, отделениями, и уполномоченными Госиздата, а также всеми почтово-телеграфными конторами.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ

Революция 1917 года. Т. I. (Январь — апрель.) Состав. Н. Авдеев. Издание 2-е, испр. Стр. 213. Ц. 1 р. 40 к.

Революция 1917 года. Т. II. (Апрель—май.) Состав. Н. Авдеев. Стр. 307. Ц. 2 р. 50 к.

Революция 1917 года. Т. III. (Июнь—июль.) Состав. В. Владимирова. Стр. 400. Ц. 3 р.

Революция 1917 года. Т. IV. (Август—сент.) Состав. В. Владимирова. Стр. 422. Ц. 3 р. 50 к.

Революция 1917 года. Т. V. (Октябрь.) Состав. К. Рябинский. Стр 308. Ц. 3 р.

Революция 1917 года. Т. VI. (Ноябрь — декабрь). Состав. К. Рябинский.

Максаков В. и Нелидов, Н. Хроника революции. Вып. I. 1917. Стр. 143. Ц. 50 к.

СБОРНИКИ, СТАТЬИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аркомед, С. Т. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. С 80-х г. по 1903 г. С предисл. к первому изд. Г. В. Плеханова. Стр. 181. Ц. 50 к.

Владимирова, В. Контр-революция в 1917 г. (Корниловщина). Стр. 224. Ц. 1 р. 20 к.

Волков, Е. Среди моряков и речников торгового и военного флотов (1906—1914 г.г.) По данным процесса 1914 г. и личным воспоминаниям. Стр. 264. Ц. 1 р. 50 к.

Волковичер, И. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше. Подготовительный период партии „Пролетариат". Опыт исторического исследования. Часть 1. Стр. 124. Ц. 1 р. 50 к.

Двадцать лет рабочей организации. Города Муром, Кулебаки, Выкса. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к.

25 лет РКП(б) (1898—1923). Иллюстрированный юбилейный сборник. Стр. 356. Ц. 4 р.

Зеликсон-Бобровская, Ц. Большевистские тайные типографии в Москве и московской области 1904 — 1910 г.г. Воспоминания и документы. Стр. 114. Ц. 50 к.

Из эпохи „Звезды" и „Правды". 1911 — 1914 г.г. Выпуск I. Стр. 191. Ц. 80 к. Выпуск II. Стр. 252. Ц. 40 к. Выпуск III. Стр. 291. Ц. 1 р. 35 к.

К двадцатипятилетию I-го съезда партии. (1898 — 1923 г.г.) Стр. 439. Ц. 1 р. 10 к.

Лелевич, Г. В дни самарской учредилки. Стр. 47. Ц. 6 к.

Лелевич, Г. Стрекопытовщина. Страничка из истории контр-революционных выступлений в годы гражданской войны. Изд. 2-е, испр. и знач. дополн. Стр. 64. Ц. 60 к.

Невский, В. И. Южно-Русский Рабочий Союз в Николаеве. 1897 г. С приложением письма Л. Д. Троцкого. Стр. 95. Ц. 25 к.

Ольминский, М. Из прошлого. Сборник статей. Изд. 2-е. Стр. 84. Ц. 25 к.

Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917 — 1921 г.г. Изд. 3-е, исправлен. и дополнен. С многочисленными фотографиями. Стр. 780. Ц. 2 р.

Пионтковский, С. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. Изд. 3-е. Стр. 104. Ц. 50 к.

Свечников, С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917—1918 г.г. (Воспоминания и материалы.) Стр. 112. Ц. 1 р.

Техника большевистского подполья. Сборник статей и воспоминаний. Изд. 2-е, испр. и дополн. (2 тома в одной книге.) Стр. 326. Ц. 2 р. 25 к.

Шляпников, А. Канун 1917 года. Воспоминания и документы о рабочем движении за 1914—1918 г.г. Часть 1. Изд. 3-е, испр. Стр. 221. Ц. 1 р. 20 к. Часть 2. Изд. 4-е, дополн. Стр. 135. Ц. 80 к.

Шляпников, А. Семнадцатый год. Книга I. (Январь, февраль и три дня марта.) Изд. 2-е. Стр. 267. Ц. 2 р. Книга II. (Март.) Стр. 328. Ц. 2 р.

1 р. 70 к.—Р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

(ИСТПАРТ)

МАТЕРИАЛЫ, СПРАВОЧНИКИ и др.

Соц.-демократические издания. Указатель соц.-демокр. литературы на русском языке 1893—1905 г.г. Под ред. Л. Б. Каменева. Стр. 58. Ц. 30 к.

Третий Очередной Съезд Российской социал-демократической рабочей партии. 1905 г. Полный текст протоколов с предисл. под редакцией М. Н. Лядова. Стр. 569. Ц. 2 р. 30 к.

Протоколы Объединительного Съезда РСДРП, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г., со вступительной статьей О. А. Варенцовой. Стр. 404. Ц. 4 р.

Отчет Российской социал-демократической рабочей партии VIII Международному Социалистическому Конгрессу в Копенгагене. (28 августа—3 сентября 1910 г.). Перев. с франц. под ред. Л. Б. Каменева. Стр. 106. Ц. 45 к.

„Вперед" и „Пролетарий". Вып. I—VI. Ц. комплекта 12 р.

Памятник агитационной литературы РСДРП. Том VI (1914—1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. Стр. XXIV+345. Ц. 2 р.

Петроградская Общегородская и Всероссийск. Конференция РСДРП (б). Апрель 1917 г. Стр. 175. Ц. 85 к.

Седьмой Съезд Российской Коммунистической Партии Большевиков. 6—8 марта 1918 г. Стенографический отчет. Стр. 212. Ц. 1 р.

Революция и ВКП(б) в материалах и документах. Хрестоматия.

Том I. 1870—1900 г.г. Изд. 2-ое, дополн. Стр. 336. Ц. 1 р. 50 к.

Том II. 1901—1904 г.г. Стр. 548. Ц. 2 р.

Том III. 1905 г. Стр. 578. Ц. 2 р.

Том IV. 1906—1907 г.г. Изд. 2-ое, дополн. Стр. 524. Ц. 2 р.

Том V. Эпоха реакций (1907—1911 г.г.). Стр. 512. Ц. 2 р.

Том VI. 1912 — 1914 г.г. (до империалистической войны). Изд. 2-ое, исправлен. и дополн. Стр. 415. Ц. 3 р.

Том VII. Эпоха империалистической войны. (Июль 1914 — февраль 1917 г.). Стр. 350. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

„Искра", вып. IV—VII.

Революция и ВКП в материалах и документах. Тт. II и VII. 2-е, переработанное издание.

ВКП в резолюциях ее съездов и конференций. 3-е, перераб. издание.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Протоколы I—XIII съездов, конференций и совещаний всероссийского характера.

Хроника революции 1918 г.

Адрес ИСТПАРТА: Москва, Старая площадь, 4. Тел. 2-50-71.

ОПТОВЫЕ заказы направлять в Торговый Сектор ГОСИЗДАТА РСФСР:

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4, телефоны 1-91-49, 5-04-56 и 3-71-37.
Ленинград, „Дом Книги", проспект 25 Октября, 28, телефон 5-34-18
И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ, „КНИГА ПОЧТОЙ"

высылает все книги всех издательств немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка БЕСПЛАТНО.

HECKMAN
BINDERY INC.
DEC 92
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0000292475